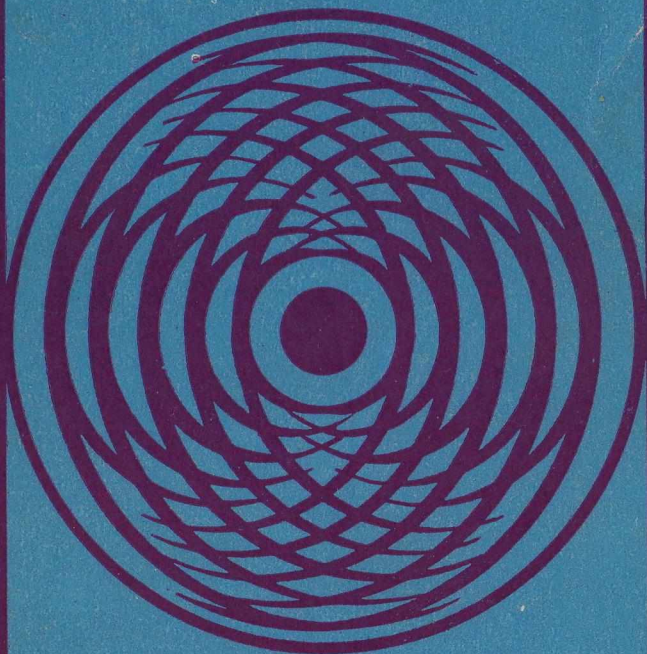

В.П. ТУГАРИНОВ

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

В. П. ТУГАРИНОВ

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

[СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ]

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА
1971

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В. П. Тугаринов хорошо известен читателям как автор оригинальных работ по актуальным проблемам философской науки, в которых было поставлено немало дискуссионных вопросов и давалось интересное их решение. В новой его работе также поднимаются некоторые мало разработанные и дискуссионные проблемы.

Тема философии сознания очень сложна как по своему содержанию, так как она должна учитывать и обобщать достижения многих специальных наук, так и по структуре, поскольку предполагает анализ сознания в различных планах и аспектах. Поэтому, возможно, что предложенные автором решения некоторых дискуссионных вопросов будут оспариваться некоторыми учеными. Издательство надеется, что плодотворная дискуссия по этим сложным проблемам будет способствовать дальнейшему развитию теоретических вопросов диалектического материализма.

Призыв Сократа «Познай самого себя» стал в наши дни актуален, как никогда. Познание внешнего мира естественными науками и техническая цивилизация, созданная на этой базе, достигли небывалых высот. Познание общественных отношений с возникновением марксизма встало на научную почву и уже принесло свои исторические плоды в строительстве коммунизма в СССР и в развитии мировой социалистической системы. Меньше всего знает человек свой внутренний мир, свою психику, сознание. Мы посылаем аппараты на Луну и Венеру, овладели точнейшей техникой коррекции полета космических кораблей, но еще плохо умеем управлять нашими страстями, аффектами, побудительными мотивами и поступками. Однако еще в древних притчах было сказано: «Владеющий собой лучше завоевателя города». Мы знаем, что происходит в глубинах Солнца, но мало осведомлены о сокровенных процессах нашей подсознательной, да отчасти и сознательной внутренней жизни. Мы не умеем формировать психологию и поведение детей и подростков столь же уверенно и безошибочно, как мастер устраняет неполадки в работе машины.

Все более дают себя знать противоречия между возможностями наших психических механизмов и требованиями современной цивилизации. Восприятие летчика отстает от скоростей управляемого им реактивного самолета. Человек не справляется с обилием информации. Работник умственного труда не может уже следить за всеми работами, выходящими даже по его специальности. Методы и сроки образования отстают от темпов психофизиологического развития молодежи. Психика масс угнетена и расстроена условиями современной городской жизни с присущим ей огромным количеством раздражителей. Едва ли будет большим преувеличением сказать, далее, что традиционные способы общения, построенные на второй сигнальной системе, на работе гортанного аппарата и словесно-письменной передаче мыслей, все более показывают свою недостаточность, медленность и малоэффективность. Опубликованная книга уже по выходе в известной мере отстает от сегодняшнего уровня науки. При настоящем способе общения адекватная передача мысли затрудняется многозначностью смысла понятий. А эта многозначность все более увеличивается с развитием многогранности общественного опыта и научных знаний. Все перечисленные и многие другие противоречия современной жизни и общения выдвигают проблему психики и сознания на передний край научного изучения.

Самое понятие сознания приобрело новые связи. Б. М. Кедров на встрече в редакции журнала «Вопросы философии» с участниками XVIII Международного психологического конгресса сказал: «Мне представляется исключительно интересным тот факт, что категории, которые раньше имели отношение только к субъекту, сегодня могут рассматриваться — часто, правда, в другом содержании — в их отношении к машинам. Такая трансформация произошла с категориями цели, сознания, искусственного разума, выбора решения и т. д.»¹.

Проблема сознания приобретает все большее значение для дальнейшего движения нашей страны к коммунизму. Сознание людей входит неотъемлемым моментом в любую их деятельность и поведение. Деятельность людей осуществляется через их сознание (в смыс-

¹ «Вопросы философии», 1966, № 12, стр. 130.

ле сознания вообще, как свойства разумного существа), опосредуется им. Общественное сознание, т. е. осознание общественного значения результатов деятельности, в условиях социализма и коммунизма все более проникает во все отрасли деятельности, в том числе и материальной. Любая идея реализуется лишь в той мере и в той форме, в какой она осваивается сознанием работников. Сознание работника должно быть на уровне его задачи, ибо уровень выполнения этой задачи не может быть выше «потолка» сознания (знаний, способностей, кругозора и пр.) исполнителя. Характер и уровень сознания ограничивают любую работу: техническую, социально-политическую и духовную. Это закон всякой деятельности. Великая общественная задача, поставленная перед собой нашим народом, есть показатель величия самого народа и осуществляется в каждый момент соответственно уровню его сознания.

Представители буржуазной философии и социологии утверждают, что человек, достигая многого в отношении власти над природой, бессилён изменить собственную природу. М. Шелер писал: «...человечество смогло достичь власти над всем, что находится ниже его по уровню — над солнечным светом, над всеми видами энергии, над растениями и животными, и только лишь одного оно никогда не достигнет: власти над самим собой»¹. В противовес этому основоположники марксизма заявляли: «Рабочий класс завоевал природу; теперь он должен завоевать человека»².

Ф. Энгельс указывал, что перед человечеством стоят три исторические задачи: господства над природой, господства над собственными общественными отношениями и господства над самим собой, над своим внутренним миром и вытекающим из него поведением. Мировая техническая цивилизация издавна решала преимущественно первую задачу. Марксизм-ленинизм явился теоретической основой создания мировой социалистической системы, входящие в нее страны решают также и вторую задачу. Третья из указанных Энгельсом задач может реально решаться только в условиях социализма и коммунизма.

¹ М. Scheler. Vom Ewigen im Menschen. Bern, 1954, S. 104—105.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 123.

Пока вопрос шел о построении основ нового общества, о создании объективных условий для развития членов этого общества, эта последняя проблема не могла стоять на первом месте. Но с самого начала, с возникновения марксизма, задача воспитания нового человека была компасом, ориентиром и целью всей структуры этого общества. После создания материальных и культурных условий для развития человека эта задача все более выдвигается на передний план. При этом речь идет не только об увеличении знаний, но о коренном изменении всего уровня сознания человека, всей направленности и «установок» его внутренней жизни. Указанную «очередность» — сначала объективное, а потом субъективное — следует также понимать диалектически. Совершали революцию и осуществляли построение социализма люди, выросшие в условиях капитализма, но, значит, уже поднявшиеся в своем сознании выше уровня этого последнего. Сознание строителей социализма изменялось в самом ходе перестройки общества.

Марксистская теория и практический опыт СССР и других социалистических стран свидетельствует, что перестройка сознания людей не заканчивается с ликвидацией эксплуататорских классов, она продолжается на всех этапах строительства коммунизма.

Проблема сознания имеет также огромное личное значение для каждого человека. История учит, что одно, даже самое коренное изменение общественного строя не решает еще всех вопросов жизни людей, хотя это изменение является основой, главным условием жизни человека. Многие индивидуальные вопросы жизни своих членов общество не может решить за человека; оно создает лишь более или менее благоприятные общие условия для таких решений. Ряд своих жизненных вопросов человек должен решать сам, и он их решает соответственно своему разуму и своему неразумию.

Сумма и глубина ошибок, допущенных человеком, находящаяся в зависимости от уровня его сознания, его сознательности. Под последней мы понимаем степень знания человеком общественной жизни, его представлений о взаимоотношениях людей в окружающем его обществе, направленность его мыслей, чувств и побуждений, его моральные принципы, способность выполнять их в повседневной жизни, его представления о достойном обра-

зе жизни, о личном счастье и т. д. Проблема личной жизни человека, жизненных ценностей личности неотъемлема от проблемы его сознания и самосознания. Ведь для полноты жизни человека, которая называется счастьем, недостаточно материального благополучия и физического здоровья. Высшие радости жизни — это радости духовной жизни. Но восприятие и понимание последних прямо пропорционально степени развития сознания. Улучшение материального положения масс должно сопровождаться развитием их сознания, их духовной жизни.

Сведение всех проблем личности к вопросам сознания, характерное для многих немарксистских теорий личности является односторонним, идеалистическим, ибо развитие личности связано с рядом материальных, бытовых и социально-политических условий. Личность — не бесплотный дух. Но с другой стороны, сведение личности к ее внешним функциям, к выполнению ею социальных ролей и пр., также характерное для буржуазной социологии, игнорирует ее внутреннюю жизнь, выхолащивает ее сущность, является плоским, поверхностным, теоретически бесплодным.

Личность — это категория гораздо более высокая, чем ее профессия и социальное положение. Личность самого простого человека совершеннее, многостороннее, красивее, чем личность миллионера, «интеллигентного» прожигателя жизни или бездушного чиновника. Ранжирование личностей по служебному положению, понятное для буржуазной социологии, отказавшейся от демократии и в этом вопросе, должно быть отвергнуто марксистской теорией личности.

Положения классиков марксизма-ленинизма о сознании сохраняют свое непреходящее значение и для нашего времени. Однако развитие общественных отношений и самого человека, науки и практики требует дальнейшего развития марксизма в этом вопросе. Предлагаемая книга представляет собой опыт философского обобщения новых данных науки и общественной жизни, при этом далеко не исчерпывающего всех новых проблем сознания. Наряду с этим в ней рассмотрены некоторые из «старых» традиционных проблем диалектического материализма касательно сознания, поскольку в их современной трактовке, по мнению автора, имеются недочеты или неправильные толкования.

Настоящая работа названа «Философия сознания». Этим подчеркивается, что в ней разбираются именно философские проблемы сознания, и никакие иные. Ведь сознанием занимается целый ряд наук. Но отделить эти философские вопросы от специально-научных не так-то просто. Поэтому часто под видом философии сознания рассматривают вопросы высшей нервной деятельности и психологии. Различие между философскими вопросами сознания и вопросами сознания, изучаемыми рядом специальных естественных и психологических наук, состоит не только в разных углах зрения на вопрос, но и в различных уровнях обобщения материала.

Из того, что философия дает наиболее широкие обобщения, нельзя делать вывод, что она просто повторяет выводы естествознания. Такой по существу своему позитивистский взгляд распространен не только среди естествовников, но имеется и у некоторых философов, недостаточно уяснивших себе, что каждый новый уровень обобщения ставит и решает новые проблемы, специфические для этого уровня и неразрешимые на других уровнях знания. Философия не «паразитирует» на естествознании, но рассматривает свои собственные вопросы, вытекающие из более общего и широкого подхода. Однако философ не мог бы выполнить своей задачи, если бы он не был в достаточной мере ориентирован в специальных проблемах, извлекая из них то, что может привести к новым философским выводам. Специальные науки подсказывают философу новые идеи, иногда даже не осознавая их философского значения. С другой стороны, философия в силу своей относительной самостоятельности, автономии в отношении специальных наук может и должна в своих вопросах идти дальше специального знания, указывая пути дальнейшего развития этого знания. Вся история философии подтверждает эту мысль, столь «еретическую» для позитивизма вообще и позитивистских веяний в некоторых современных сочинениях, авторы которых причисляют себя к марксизму.

Глава I ПРИРОДНЫЕ ОСНОВЫ ПСИХИКИ

1 АКТИВНОСТЬ И «ЖИЗНЕННОСТЬ» ПРИРОДЫ

Сознание представляет собой одно из явлений природы. Поэтому оно является развитием общих свойств всей природы. Нет ни одного явления действительности, которое возникало бы из ничего, которое не коренилось бы в присущих всей материи атрибутах. Психика и сознание не могут составлять исключений. Это понимали еще старые, домарксовские материалисты, например Б. Спиноза, приписавший всей материи наряду с протяжением (т. е. на современном языке: пространственными, геометрическими, физическими, химическими и прочими свойствами) также и мышление. Это положение выражало последовательный материализм в данном вопросе в условиях, когда идеи развития в природе еще не приобрели гражданства. Если нет ничего, кроме природы, и так как сознание есть факт, то необходимо было признать, что мыслит материя. Эта формула является основой более конкретного положения марксизма: «сознание есть свойство высокоорганизованной материи», сформулированного в условиях преодоления метафизического способа мышления.

Неживая, неорганическая природа породила живую, органическую, и в том числе высшие организмы. Без-

радостное механическое представление о Вселенной как мертвой субстанции, как трупe, носящемся в мертвом же пространстве, не выражает действительности. Надо полагать, что неорганическая природа находится в особом состоянии, которое нельзя назвать ни жизнью, ни смертью, в состоянии, которое способно в определенных условиях порождать жизнь и сознание. Это состояние нельзя вполне адекватно выразить в существующих терминах языка. В истории философии и в произведениях классиков марксизма-ленинизма оно обозначалось терминами «*активность*» и «*жизненность*» природы. В. И. Ленин, выписав из Л. Фейербаха слова: «...телесная субстанция для Лейбница уже не только протяженная, мертвая, извне приводимая в движение масса, как у Декарта, а *в качестве субстанции* имеет в себе деятельную силу, не знающий покоя принцип деятельности»¹, заметил: «За это, верно, и ценил Магх Лейбница...»² Классики марксизма-ленинизма, как известно, приняли положение Гегеля, что противоречия суть корень всякого движения и жизненности, и распространили это положение на всю природу. Противоречие, писал Гегель, «есть *корень всякого движения и жизненности*; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно *движется, обладает импульсом и деятельностью*»³. Жизненность всей природы — это, конечно, не жизнь, а лишь то общее начало, которое имеется у жизни со всей природой и что наиболее явно выражается в способности природы к активности, деятельности, созданию все новых форм от рождения звезд и квазаров до сознания человека.

Отрицать наличие указанного начала, общего для всей природы, — значит выводить появление жизни и психики из ничего. Но В. И. Ленин справедливо сказал: «Бывают в природе и жизни движения „к ничему“ Только „от ничего“, пожалуй, не бывает. От чего-нибудь всегда»⁴. Выводить жизнь и психику из ничего — значит считать вкуче с церковниками их возникновение чудом.

Механистическое представление о мире, как давно уже замечено, смыкается с идеализмом и религией. На-

¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 68.

² Там же.

³ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 125.

⁴ Там же, стр. 119.

рядом с этим такое воззрение на природу породило понимание происхождения жизни и сознания как случайности. Существо такой трактовки происхождения сознания выражено было в известном афоризме: «если вы будете бесконечное число раз разбрасывать буквы разрезной азбуки, то в какой-то момент вы можете получить строфу из Гомера». Что такой случай может, рассуждая теоретически, произойти, отрицать нельзя. Но такой подход к сознанию означает, во-первых, понимание его как явления бесконечно маловероятного. Эта исчезающе-малая вероятность столь же бесконечно уменьшается еще и тем, что таким же случайным образом надо объяснить не только возникновение первого живого вещества, но весь процесс эволюции живой природы и все остальные жизненные процессы, происходящие в ней. Ведь надо объяснить случайностью также возникновение и множества других кусочков первоначальной живой слизи, ибо нельзя предположить, что все произошло от единственного представителя живого. Далее, надо объяснить на базе случайности также и все функции живого, ибо они, согласно данному воззрению, также чужды общим свойствам и законам природы.

При таком подходе все, начиная с устройства живой клетки до сложнейшей структуры генетической информации, представится как совершенно невероятные события, которые не могут произойти ни в какое бесконечное время, а не только в течение полутора-двух миллиардов лет, отделяющих человека от первоначальных форм жизни. Здесь, как и в прямом мистическом объяснении жизни и сознания, мы приходим к чуду. Этот вывод неизбежен, если жизнь и сознание считается чем-то чуждым для общих свойств природы.

В современной марксистской философской литературе старые философские воззрения по данному вопросу выражаются в форме спора о том, можно ли считать сознание, мышление атрибутом материи или нет. Можно полагать, что Ф. Энгельс был сторонником первого взгляда. Он писал: «...у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна

будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»¹. Ведь в этой цитате понятие «атрибут» прямо относится к мышлению², к «мыслящему духу», и последний рассматривается как необходимое свойство природы, обязательно возникающее при наличии определенных условий. Что же касается мнения Энгельса о неизбежности гибели жизни на Земле, то оно, высказанное как возможность, было связано с уровнем науки его времени.

Энгельс рассматривал психику и сознание не как случайный феномен, но как такое свойство, зачатки, элементы которого лежат, так сказать, в самой природе природы, являются ее внутренним свойством в отличие от ее внешних (физических, химических и др.) свойств. В. И. Ленин указывал, что еще до Плеханова Ф. Энгельс «выставил тот материалистический тезис, что сознание есть внутреннее состояние материи»³.

Спор об атрибутивности или неатрибутивности может идти, разумеется, касательно лишь этого внутреннего свойства материи, а не мышления, психики и сознания в их собственном смысле, ибо последние присущи лишь высокоорганизованной материи, а не всей материи в целом. Речь идет о том, следует ли признать, что материя при определенных условиях, необходимых для существования жизни, с неизбежностью порождает субъективные, внутренне-переживаемые состояния. Является ли возникновение психики (и ее высших форм) чем-то случайным, «необязательным» для природы, или оно коренится в общих свойствах природы, проявляясь, разумеется, лишь там, где это возможно? Следовательно, мы говорим о принципе жизненности природы, понимаемом как наличие всеобщей и необходимой ее способности производить живое на основе этой ее внутренней потенции.

Означает ли признание активности и жизненности всей природы допущение существования в глубинах последней особого духовного начала, принципиально отлич-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 363.

² Понятие «мышление», являющееся в действительности лишь определенной функцией сознания, в произведениях основоположников марксизма в соответствии с терминологией их времени часто заменяет термин «сознание».

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 84.

ного от ее материальности? Отнюдь нет. Наоборот, признание активности или жизненности как внутреннего свойства всей природы исключает идеалистические трактовки появления в природе психики и субъекта в лице человека.

Атрибут есть свойство, присущее всей природе, тогда как психика присуща лишь высшим организмам. Атрибуты материи — движение и пространство — время — существуют при всех условиях, т. е. безусловны, а жизнь и сознание требуют для своего возникновения и функционирования определенных условий. Это, конечно, так.

Но во-первых, почему понятие атрибута требует обязательно безусловности? Основным признаком атрибутивности не в безусловности, а в том, что этот признак *необходимо* присущ субстанции. Этот признак и выражен в вышеприведенной цитате из Энгельса: материя с необходимостью порождает мыслящий дух везде, где для этого создаются определенные условия. Во-вторых, свойство отражения, будучи присуще всей природе и являясь основой психики и сознания, столь же безусловно, как и остальные атрибуты материи.

Психика есть частное явление природы, не атрибут. Это вывод из явного факта. Но Энгельс, отмечая его, искал корней «мыслящего духа» в общей структуре природы. Если ряд домарксистских философов-материалистов признавали атрибутивность высших форм отражения (Спиноза — мышление, Дидро — чувствительность), то В. И. Ленин указал, что основа психики — свойство отражения присуще всей природе¹. В. И. Ленин, развивая концепцию основателей марксизма, поставил задачу «исследовать и исследовать, каким образом связывается материя якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»².

Мысль В. И. Ленина совершенно ясна: он критически относится к мнению, что неорганическая материя вовсе

¹ В этом смысле надо, по нашему мнению, понимать и вышеприведенную цитату из Энгельса, хотя в ней говорится о мышлении.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 40.

лишена способности к ощущению. Ленин поддержал мнение Дидро, что «способность ощущения есть всеобщее свойство материи или продукт ее организованности»¹, он подчеркнул мысль Г. В. Плеханова о том, что «и в неорганизованном виде материя не лишена той основной способности к «ощущению», которая приносит такие богатые «духовные» плоды у высших животных. Но в неорганизованной материи эта способность существует в крайне слабой степени... Но все-таки не надо забывать, что способность эта вообще свойственна материи... Высказывая... такую мысль, Чернышевский сближался с такими материалистами, как Ламеттри и Дидро, которые, в свою очередь, стояли на точке зрения Спинозизма, освобожденного от ненужных теологических привесок...»².

Свое собственное мнение по данному вопросу В. И. Ленин высказал в словах: «Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением. Таково предположение, например, известного немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля, английского биолога Ллойда Моргана и др., не говоря о догадке Дидро, приведенной нами выше»³.

Итак, всей природе присуща способность, сходная, но не тождественная, с ощущением, с психикой. Эта мысль имеет основания в философских принципах марксизма: в принципе единства мира, в диалектическом взгляде на природу; только такой взгляд изгоняет все остатки теологии. Прав Дидро, что при отказе от такого «предположения» надо допустить проникновение в материю какого-то отличного от этой материи «элемента», т. е. нематериального начала. Современное естествознание, дает дальнейшее подтверждение этого «предположения».

Но, допуская такое предположение, мы должны ина-

¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 30.

² Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 544.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 39—40.

че, чем это делается в нашей литературе, подойти к критике гилозоизма или панпсихизма¹.

В нашей философской литературе гилозоизм трактуется односторонне, лишь как форма идеализма. Однако это, на наш взгляд, неверно прежде всего исторически. И Спиноза, и Лейбниц были гилозоистами. Но первый был материалистом, а второй — идеалистом. При этом гилозоизм Спинозы был, как мы видели, не случайным элементом и не «теологическим привеском» в его философии, а вытекал из существа его материализма. Ламеттри и Дидро были материалистами, но делали, как мы также видели, гилозоистические «предположения». А это значит, что может быть гилозоизм разного рода как на идеалистической, так и на материалистической основе. Что же касается марксистов Плеханова и Ленина, то их нельзя назвать гилозоистами, ибо они не отождествляли ощущение без кавычек с «ощущением» в кавычках, общее свойство всей природы со свойством, присущим лишь высшим организмам.

Гилозоизм может быть интерпретирован так: в природе скрыто духовное, нематериальное начало, являющееся источником жизни и движения, ибо материальное начало мертво, пассивно, инертно. Или так, как у Лейбница: мельчайшие, первичные элементы, из которых состоят все вещи (монады), по своей природе духовны. Материальность же есть нечто внешнее, видимость. В. И. Ленин писал о Лейбнице: «Монады=души своего рода. Лейбниц=идеалист. А материя нечто вроде инобытия души или киселя, связующего их мирской, плотской связью»². Это — гилозоизм на идеалистической основе. Но гилозоизм Спинозы и других материалистов основывался отнюдь не на допущении существования в природе нематериального начала, а, наоборот, исходил из отрицания такого допущения. Если нематериального начала, рассуждал материалист, никакого нет, а существование

¹ Термин «гилозоизм» происходит от древнегреческих слов: «хиле» или «хили» — материя и «зое» или «зои» — жизнь и переводится буквально как «жизненность материи». Термин «панпсихизм» происходит от древнегреческих слов: «пан» — все и «психе» или «психи» — душа и переводится как «всеобщая одушевленность». Мы здесь можем пренебречь некоторым различием в смысле этих терминов и считать их идентичными. Поэтому для удобства будем употреблять один термин — «гилозоизм».

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 69.

сознания есть факт, то остается предположить, что способность ощущать присуща самой материи. Но так как эта способность (рассуждал Дидро, у которого уже была догадка об эволюции), присущая живым существам, не могла бы возникнуть, если она в какой-то степени и форме не была свойственна природе вообще, то надо допустить, что в какой-то форме или степени эта способность имеется во всей природе. Эта мысль близка к гилозоизму, но не включает в себе никакой уступки идеализму. Правда, в гилозоизме домарксовских материалистов тоже есть уязвимые места. Часто их мысли можно истолковать как признание одухотворенности всей материи. Но эти формулировки скорее результат отсутствия естественнонаучного материала для уточнения их глубоких предположений об активности, «жизненности» природы.

Эти наиболее общие свойства природы являются, по нашему мнению, основой ряда других, также общих, но более конкретных свойств, а именно: взаимодействия вещей и явлений, отражения, информации и др. Эти последние свойства не могли бы возникнуть в пассивной и мертвой субстанции, все они представляют собой формы проявления активности природы, а отражение — и форму проявления «жизненности» последней (на ступенях биологического и психического отражения).

Перейдем к отражению как свойству всей природы и основе психики и сознания.

2

ПОНЯТИЕ ОТРАЖЕНИЯ

В. И. Ленин не только поддерживал идею старых материалистов о наличии во всей природе свойства, являющегося основой ощущения и сознания, но и *назвал* это свойство. В связи с критикой взглядов Пирсона он писал: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»¹

Что же такое отражение? Это понятие кажется предельно простым, когда мы берем элементарные и част-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 91.

ные формы отражения, например отражение леса в воде или лица в зеркале. Но выработка общего, философского понятия отражения, охватывающего все многообразные формы и стороны этого явления природы, представляет собой значительные трудности.

В тех марксистских работах, где этот вопрос рассматривался, понятие отражения часто отождествляется с понятием взаимодействия. Н. П. Антонов указывает, что «взаимодействие тел и явлений природы есть та основа, на которой возникает способность всей материи к отражению»¹. Это справедливо, так как без взаимодействия не могло бы возникнуть и отражение. Но далее, определяя понятие отражения, Н. П. Антонов пишет: «Отражение, как всеобщее свойство материи, есть способность каждого предмета и явления природы отвечать, реагировать тем или иным образом на воздействие другого предмета или явления»². Отражение, пишет он, есть «ответная реакция одного тела или явления на воздействия другого тела или явления»³. Такое определение, во-первых, противоречит мысли автора о различении понятий взаимодействия и отражения (первое — основа второго), так как взаимодействие состоит ведь в том, что тело, испытывающее воздействие другого, в свою очередь «отвечает» на это воздействие. Получается, что нет никакой разницы между «основой» и ее специфической формой.

Во-вторых, понятие реакции здесь берется в широком смысле, как вообще всякое изменение под влиянием воздействия. Поэтому в качестве примеров отражения приводятся такие процессы, как выветривание горных пород, химические реакции, изменение уровня ртутного столба в градуснике, изменения положения стрелки в барометре и т. п.⁴ Такое расширенное толкование отражения делает неясной специфику отражения и не дает ответа на вопрос об общеприродных корнях психического. Больше того, приведенные Н. П. Антоновым примеры даже не подходят под понятие взаимодействия: изменение горных пород не влияет сколько-нибудь заметно на породившие

¹ Н. П. Антонов. Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959, стр. 9.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 12.

их причины: градусник и барометр не оказывают обратного воздействия на температуру и давление атмосферы.

Взаимодействие вещей и явлений есть, несомненно, всеобщее свойство материи, следствие и выражение ее активности, основа многих форм отражения. Однако, как нам думается, отражение имеет свои особенные черты, отличающие его от взаимодействия вообще.

Прежде всего не всякое отражение является взаимодействием. Возьмем самые простые и бесспорные формы отражения. Разве отражение леса в воде воздействует обратно на лес? Воздействует ли обратно отражение моего лица в зеркале на мое лицо? В понятии отражения поэтому не обязателен момент обратного воздействия отражающего на отражаемое. Л. О. Резников справедливо пишет, что отражение «выступает как одностороннее отношение»¹. Это обстоятельство, разумеется, не исключает обратного воздействия в тех или иных случаях, в особенности в органическом мире, где отражение без обратной реакции не имело бы биологического смысла. Поэтому Ф. Энгельс писал: «То, что Гегель называет взаимодействием, есть *органическое тело*, которое поэтому и образует переход к сознанию...»²

Животное при восприятии вида и запаха пищи схватывает и съедает ее. Но ведь и в данном случае в понятие отражения входит лишь первая часть этого акта, а именно зрительное и осязательное восприятие пищи, а не моторная реакция животного на это раздражение. Коровья жвачка — это не отражение. Поэтому даже в отражении биологического типа отражение характеризует не обратная реакция.

Каковы же специфические признаки отражения? Характерной особенностью всякого отражения является момент подобия, частными случаями которого являются гомоморфизм или изоморфизм отражения в отношении отражаемого³.

¹ Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семантики. [Л.], 1964, стр. 70.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 624.

³ Изоморфизм означает взаимно однозначное соответствие структур. Гомоморфизм этого взаимно однозначного соответствия лишен: при гомоморфизме одна из систем является лишь упрощенной копией или образом другой. Примером изоморфизма является соотношение фотонегатива и фотопозитива; примером гомоморфизма — соотношение географической или топологической карты и местности.

Отражение в каком-либо отношении или отношениях сходно с отражаемым. Отраженный в спокойной воде лес *похож* на отражаемый лес. Отражение моего лица даже в кривом зеркале или в медном самоваре в какой-то степени подобно оригиналу. Эта мысль уже нашла свое выражение в нашей литературе: «...отражение можно определить как категорию, обозначающую процесс и один из результатов воздействия одной материальной системы (отображаемой) на другую (отображающую), представляющий собой воспроизведение в иной форме особенностей первой системы во второй»¹. «...Отражение означает воспроизведение в иной форме особенностей отображаемого в отображающей системе»².

Указанные авторы правильно считают также, что отражение может быть односторонним воздействием. Так, В. А. Штофф, выступая против отождествления отражения и взаимодействия, пишет: «Отражение начинается там и тогда, где и когда имеются перенос структуры и сохранение структуры отражаемого в структуре отражающего, причем под структурой здесь имеется в виду совокупность отношений (в том числе и временных) между элементами или состояниями системы»³.

Отражение природы в рецепторах и анализаторах живого организма имеет тот биологический смысл, что оно есть образ действительности, что оно дает более или менее верную информацию о ней. Эта информация делает возможной и следующую за ней целесообразную реакцию. В данном случае отражение выступает как момент, составная, определяющая часть взаимодействия.

Таким образом понятия «взаимодействие» и «отражение» нельзя отождествлять, ибо отражаемые этими

сти (см. В. А. Штофф. Моделирование и философия. М.—Л., 1966, стр. 128—129). Гомоморфизм есть многозначный изоморфизм (см. А. А. Братко, П. П. Волков, А. Н. Кочергин, Г. И. Царегородцев. Моделирование психической деятельности. М., 1969, стр. 12)

¹ Б. С. Украинцев, Г. В. Платонов. Об объективных критериях и материальной основе развития форм отражения.—«Вопросы философии», 1964, № 10, стр. 27.

² Там же, стр. 31.

³ В. А. Штофф. Моделирование и философия, стр. 119. Но по нашему мнению, отражаться может не только структура, т. е. внутренняя форма, но и внешняя форма (например, в изобразительном искусстве), а также содержание (например, в науке и литературе).

понятиями реальные связи явлений налагаются друг на друга лишь частично.

Нельзя давать научный анализ или научное определение, не считаясь со смыслом слова в языке. Если слово многозначно, то необходимо выявить *основной* смысл, который в нем всегда имеется. Мы называем отражением либо образ действительности, либо, в более общем смысле, явление, подобное в каком-либо отношении явлению, на него воздействующему. Поэтому ржавчину на металле нельзя назвать отражением. Указанный смысл этого термина является общим для всякого отражения, от отражения в зеркале до отображения экономических законов капитализма в «Капитале» К. Маркса.

В. И. Ленин отмечал, что отражение действительности в мозгу человека — это не мертвый, не зеркальный, а сложный акт, включающий моменты субъективности, отхода от действительности, абстрагирования и т. д. Не только отражение сложнейших законов общественного развития, но и простое отражение леса в воде включает в себя элемент субъективности, если это отражение воспринимает человек. Один и тот же пейзаж будет выглядеть различно у разных художников. Однако картину, которая ни на что не похожа, которая не вызывает никаких ассоциаций касательно изображаемого, нельзя назвать ни отражением, ни пейзажем:

Момент подобия не исчерпывает признаков отражения. «Гомоморфное (изоморфное) соответствие является необходимым, но недостаточным условием отражения»¹, — указывает Л. О. Резников.

Другой характерной чертой отражения является его *вторичность* по отношению к отражаемому, его *зависимость* от последнего по качеству, по характеру. Это и понятно. Если отражение подобно отражаемому, т. е. повторяет какие-то его признаки, то признаки отражения зависят от признаков отражаемого и являются вторичными, производными от них. Солнечный свет, отраженный от поверхности планеты, сохраняет тот же спектр, что и идущий к нам непосредственно от Солнца. Свет, отраженный от окрашенной поверхности, сохраняет в нашем восприятии окраску этой поверхности.

¹ Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики, стр. 82.

Эта черта отражения еще раз указывает на связь неорганической природы с органической, а также с человеческим сознанием. Вторичность всякого отражения, т. е. отражения, как свойства всей природы, представляет собой универсальную основу вторичности психического по отношению к физическому, сознания по отношению к бытию. Вторичность сознания также не возникает из ничего, но представляет собой специфическую форму свойства вторичности, производности отражения вообще. Едва ли есть нужда в том, чтобы специально оговаривать наличие в сознании особых черт, отличающих его от оптического или вообще нечеловеческого отражения. Речь идет здесь лишь об общей основе и характеристике всякого отражения.

Отражение, наконец, не является простым повторением отражаемого объекта: *в нем отражаемое изменяется или преобразуется в зависимости от свойств того явления или среды, в котором(ой) происходит отражение.* Рябь на воде рассеивает отражение леса. Кривое зеркало искажает отражение. Чувственный образ — результат преобразования физического в физиологическое, а последнего в психическое. Художественное произведение (картина, роман) носит в себе не только черты изображаемого, но и особенности своего автора. Эта особенность всякого отражения также роднит отражение в природе с отражением действительности в человеческом сознании, где оно представляет собой уже единство объективного и субъективного на основе объективного.

Итак, *отражение — это такое воздействие одного явления на другое, при котором воспроизводятся те или иные черты внешности, функций или структуры первого во втором, измененные или преобразованные средой, в которой осуществляется это воздействие.*

Таким образом, всякое отражение от его проявлений в неорганической природе до высших его форм в науке и искусстве выступает перед нами как свойство природы, несводимое к другим ее атрибутам.

Ленинское понятие отражения как свойства всей природы дает ключ к пониманию сложных явлений отражения в органическом мире, в психике и в человеческом сознании. В развитии органического мира «дана основа для предыстории человеческого духа, для прослежива-

ния различных ступеней его развития, начиная от простой, бесструктурной, но ощущающей раздражения протоплазмы низших организмов и кончая мыслящим мозгом человека. А без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом»¹. Рассмотрим кратко этот эволюционный процесс, поскольку он важен для дальнейших философских выводов.

3 КРАТКИЙ ОЧЕРК ПРЕДЫСТОРИИ СОЗНАНИЯ

Для изложения нашей темы не обязательно освещение вопроса об отражении в неорганической природе. Отметим лишь, что отражение в органическом мире существенно отличается от отражения в неорганической природе. Н. П. Антонов писал: «Отражение в неживой природе, в отличие от отражения в природе живой, характеризуется пассивным отношением отражающего объекта к объекту отражаемому и постоянством форм отражения при одних и тех же условиях... шаблонностью и однообразием реакций отражающего объекта на воздействие объекта отражаемого»².

Эти характеристики можно принять лишь как сравнительные, относительные и количественные. Отражение в неорганической природе далеко не всегда «пассивно», но сопровождается изменением в отражающем веществе. Пример: фотопластинка под влиянием света. С другой стороны, известная «шаблонность», т. е. одинаковая форма реакции живого организма на раздражение при одних и тех же условиях, имеет место и в органическом мире, в особенности у низших организмов. Тот же автор указывает, что в органическом мире отражение имеет приспособительный характер³. Эта характеристика имеет уже качественное значение. Ф. Энгельс называл это способностью животного мира к планомерным, преднамеренным действиям⁴.

Приспособительная функция органического отраже-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 512.

² Н. П. Антонов. Происхождение и сущность сознания, стр. 12.

³ См. там же, стр. 15.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 20, стр. 495.

ния проходит различные ступени своего развития. Простейшей формой отражения в органической материи является *раздражимость*, наблюдаемая уже у одноклеточных задолго до появления специализированных клеток и характеризующаяся способностью живого организма реагировать на внешние раздражители изменениями положения, формы, химизма тела и его движения.

Давая свое определение жизни, Ф. Энгельс писал: «...Из органического обмена веществ как существенной функции белка и из свойственной белку пластичности выводятся затем все прочие простейшие функции жизни: раздражимость, заключающаяся уже во взаимодействии между белком и его пищей; сокращаемость, обнаруживающаяся при поглощении пищи; способность к росту, которая на самой низшей ступени (монера) включает в себя размножение путем деления; внутреннее движение, без которого невозможны ни поглощение, ни ассимилирование пищи»¹.

Отражение в растительном мире не идет дальше раздражимости, которая представляется достаточной ввиду особенностей жизнедеятельности растений. (автотрофный характер питания, неподвижный образ жизни). Растительный мир в основном не развивает более высоких форм отражения. Животный же мир, для коего характерен гетеротрофный характер питания и подвижный образ жизни, создает более совершенные формы отражения, сопровождаемые более сложными формами своей внутренней организации. У многоклеточных животных происходит переход к *ощущению и восприятию*.

Ощущение отличается от раздражимости тем, что живой организм различает раздражения не только по их интенсивности, но и по качеству (свет, звук, запах и др.). Но главное и гносеологически существенное различие между раздражимостью и ощущением состоит в том, что последнее не только вызывает изменения в раздражаемой живой системе, но и дает информацию о *свойствах раздражителя, о внешнем для организма мире*, является началом образования образа этого мира внутри живого организма. Ощущение дает живому организму информацию об отдельных свойствах раздражителя, а восприятие, являясь синтезом ощущений, дает уже об-

раз цельного предмета, воздействующего на организм. *Предметный* характер раздражителя, отчасти даваемый уже в ощущениях, вызывает различие организмом ощущений, идущих от внешней среды, от ощущений его внутренних состояний. Здесь проходит граница между низшей и высшей — физиологической и психической — ступенями отражения. Здесь *начинается психика*. Физиологическая ступень отражения состоит в изменениях состояний отражающего тела (изменениях его формы, движении, лабильности, обмена веществ и пр.), тогда как психическое отражение выходит за границы отражающего, является *образом внешнего для организма мира, отражением свойств объекта*. Начинается, следовательно, отделение субъекта от объекта.

Развитие ощущения и восприятия связано со специализацией клеток организма, с появлением сначала единой нервно-мышечной системы и дальнейшим расчленением этой системы на мышечно-эффекторную и чувствительно-рецепторную. (Некоторые исследователи считают, что возникновение элементарных ощущений предшествовало появлению нервной системы.) Сокращение мышечной клетки считается начальной формой *рефлекса*, развивающегося по схеме рефлекторной дуги, движения нервного импульса от чувствительных рецепторов к локальным или центральным нервным узлам, в которых этот импульс преобразуется в мышечно-двигательный¹.

Далее происходит дифференциация нервных клеток на периферическую и центральную нервную систему (брюшной и головной мозг), на центростремительные и центробежные нервные пути. Зачатки этих процессов наблюдаются уже у червей. У них и насекомых происходит развитие локальных нервных узлов (ганглий, грибовидных тел) и усиление головного ганглия, на который падает наибольшее число раздражений.

Развитие и дальнейшая специализация рецепторов приводит к образованию органов чувств. У членистоногих (насекомых, пауков) имеются глаза, органы слуха, усики, шупальца.

На этой ступени происходит новый скачок в разви-

¹ Ниже будет показано, что понятие рефлекторной дуги в современной физиологии высшей нервной деятельности сменяется понятием рефлекторного кольца.

тии форм отражения, связанный с далеко идущим значением *дистантных* рецепторов: зрения, слуха, обоняния. В отличие от начальных форм отражения в органическом мире и в отличие от других рецепторов дистантные рецепторы дают информацию о раздражителе на расстоянии, при отсутствии прямого контакта с ним. Этим они значительно усиливают приспособительное значение отражения, так как дают сведения о наличии пищи или приближении врага (или других важных для организма факторах) еще до непосредственного контакта с этими факторами. Даваемая этими рецепторами информация имеет *сигнальный* характер. Сигнал есть не сам предмет, а знак, признак предмета или явления. Вид, запах пищи и звуки, свидетельствующие о ее близости, так же как и соответственные раздражители, свидетельствующие о приближении врага, сигнализируют животному о возможности контакта и о необходимости соответственной реакции. Зарождается *первая сигнальная система* действительности.

Появление сигнальной функции нервной системы считается рядом исследователей переходом от физиологической к психической форме отражения. Другие исследователи связывают возникновение психики с более ранним явлением — образованием ощущений и восприятий. Второе мнение, на наш взгляд, более обоснованно, ибо оно, как было указано, покоится на принципиальном гносеологическом основании, на общей особенности психики как образа внешнего мира.

Зарождаясь уже у беспозвоночных, сигнальная функция достигает своего развития у высших позвоночных животных, обладающих *корой головного мозга*. Последняя является анатомофизиологическим аппаратом *условнорефлекторной деятельности* как высшей формы рефлекторной деятельности вообще.

Как известно, различаются безусловнорефлекторная и условнорефлекторная деятельность. Безусловные рефлексы связаны с обязательными, необходимыми и постоянно действующими условиями существования вида и индивида. Это главным образом пищевой, половой, оборонительный и ориентировочный рефлексы. Они имеют безусловный характер в том смысле, что они необходимы организму при любых условиях и изменениях внешней среды. Поэтому они имеют наследственный характер.

Безусловные рефлексы — основа инстинктов: питания, размножения, самосохранения и др. Характерной особенностью инстинктов является то, что организм воспринимает их как внутренние влечения и удовлетворяет их без или независимо от сознания их последствий. Условные же рефлексы суть временные связи, возникающие в зависимости от определенных изменений среды и гаснущие после прекращения этих изменений. Они не имеют наследственного характера и являются плодом индивидуального опыта и воспитания. Условнорефлекторная деятельность является основой ассоциаций. Ассоциативные процессы играют значительную роль в жизнедеятельности высших животных, и в особенности человека. Главнейшую часть содержания сознания человека составляют опыт прежних поколений (образование, воспитание) и его личный жизненный опыт. В ходе эволюции органического мира кора головного мозга появляется у рептилий (черепахи, змеи). Однако у рептилий условнорефлекторная деятельность еще мало развита и носит в основном подкорковый характер, она получает дальнейшее совершенствование у млекопитающих, в том числе у приматов и у человека.

Сознание человека детерминировано не только условиями природы, но и условиями общественной жизни. Единство этих двух детерминаций и определяет все особенности человеческого сознания. (Об этих особенностях речь пойдет в следующей главе.) Здесь же отметим лишь специфическую физиологическую основу человеческого сознания, а именно появление *второй сигнальной системы* действительности.

Развитие второй сигнальной системы представляет собой, по выражению И. П. Павлова, то «дополнение», или «прибавление», к условнорефлекторным процессам, которое связано с условиями общественной жизни; одновременно оно представляет собой качественный скачок в развитии условнорефлекторной деятельности. Характерной особенностью второй сигнальной системы является реакция на слово, на смысл последнего. Если во время киносеанса зрители услышат крик: «Пожар!», то они бросятся к выходам, хотя не видят пожара и не чувствуют вообще никаких его «натуральных» признаков, например огня, запаха гари и пр. А это значит, что слово является не просто сигналом, но сигналом сигнала.

слово «пожар» является сигналом реального пожара, а последний — сигналом об опасности для жизни.

Вторая сигнальная система функционирует как *единство рефлекса, слова и понятия*. Два последних фактора связаны с новым условием жизнедеятельности организма — общественной жизнью. Слово — это не просто определенное сочетание звуков, оно имеет определенный смысл, т. е. вызывает определенную ассоциацию, указывая на тот или иной предмет или явление (пожар). При этом почти каждое слово является понятием, так как оно представляет собой обобщение однородных предметов или их свойств. Если я говорю «дерево» или «река», то я разумею под этими словами не какое-либо отдельное дерево (вот эту березу), а все деревья на свете и не только ту реку, на берегу которой я стою, но и все реки. Таким образом, человеческое мышление не приковано к представлениям об отдельных предметах, которых вокруг нас миллиарды, а пользуется обобщенными концептами — понятиями. Благодаря образованию понятий емкость человеческого мышления сравнительно с чувственно-индивидуальными представлениями, свойственными животным формам психики, возрастает в миллиарды раз, дает возможность вобрать в себя и оперировать неизмеримо большим количеством информации. Последняя же потребность становится особенно необходимой в общественной жизни, где формы общения гораздо многообразнее и где людям гораздо больше, чем животным, есть что сказать друг другу. Так органически связаны между собой нейродинамический механизм психики, членораздельная речь и понятийное мышление как основы человеческого сознания.

Нельзя разделять непроходимой стеной психику животных и сознание человека, представлять себе возникновение последнего без предпосылок, из ничего. Марксизм пользуется формулой: «сознание есть свойство высокоорганизованной материи», а не «свойство человека». Ф. Энгельс писал, что животным присущи все виды рассудочной деятельности. Восприятиям и представлениям животных присуща способность к обобщениям, названная И. П. Павловым естественной генерализацией раздражений. Она представляет собой зачаточную форму того свойства, которое присуще человеческим понятиям. Многие исследователи в области физиологии высшей

нервной деятельности (о них будет идти речь ниже) обосновывают наличие определенных предпосылок сознания в животном мире. Однако несомненно качественное различие между психикой животных и человека. То, что у высших животных является предпосылкой или зачатком, становится типичным, существенным, характерным у человека. Какие же выводы вытекают из предыстории человеческого сознания?

4

ФИЛОСОФСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ ЭВОЛЮЦИИ ПСИХИКИ

Изложенное в предыдущем параграфе общеизвестно, но без такого, хотя бы и крайне беглого, обзора трудно перейти к дальнейшим философским соображениям.

Во-первых, *психика есть свойство живой материи, но свойство особого рода; «продукты» психики — мысли, чувства и прочее не имеют ряда признаков, присущих материальным явлениям: геометрических, физических, химических и прочих свойств. Они ни тверды, ни жидки, ни газообразны. Они не являются ни телом, ни веществом, ни физическим полем. Они, как выражаются современные семантики, не имеют физического тела, но обладают идеальным телом.*

Во-вторых, *психика вообще и сознание в частности представляют собой формы приспособления живых организмов к условиям среды, мощное средство ориентировки, выживания видов и индивидов.*

В-третьих, психика и сознание свидетельствуют о *наличии целесообразности в органической природе. Целесообразность, выраженная в ясной форме именно в живой природе, возникает, видимо, также из какого-то более общего свойства, присущего всей природе. Это свойство можно назвать тенденцией природы к определенному порядку, к преодолению хаоса. Оно, на наш взгляд, существует наряду со свойством, которое фиксирует второе начало термодинамики. Жизнь, основанная на аккумуляции энергии, ее сосредоточении, противодействует закону возрастания энтропии. Энергетической основой всей жизни на Земле является в конечном счете фотосинтез, осуществляемый зеленым листом, этим главным «борцом» против энтропии.*

Целесообразность в органической природе — это не стремление к цели, но, как указывает и самый термин «целесообразность», есть действие, сообразное цели (выживанию организмов в условиях жизни), хотя и совершаемое природой стихийно, бессознательно. В этом отличие целесообразности от целевого действия. Цель есть мысленный образ готовой, завершенной работы, еще реально неначатой или незавершенной. Цель предполагает существование мыслящего существа, полагающего эту цель и осуществляющего ее, чего в органической эволюции, разумеется, нет¹.

Понятие целесообразности в органической природе вполне законно, ибо процесс органической эволюции, осуществляемый бессознательно, ведет, однако, к созданию все более совершенных, приспособленных к среде и к борьбе с нею организмов.

Сознание человека, включая момент приспособления к двоякой — природной и общественной — среде, выходит за рамки приспособления, так как является уже орудием *преобразования* природы и общественных отношений.

Животные, как указывал Ф. Энгельс, изменяют естественную среду лишь самым фактом своей жизнедеятельности. Эту функцию выполняют не только животные. В качестве примеров можно указать на жизнедеятельность микроорганизмов, создавших почву, на жизнедеятельность зеленых растений, высвобождающих кислород. Однако сознательное, целевое преобразование природы, создание «второй природы» — культуры осуществляется лишь человеком.

В-четвертых, эволюция психики была бы невозможна без *вариабельности природы, без ее способности к осуществлению различных возможностей*, без некоего бессознательного «выбора» тех или иных из этих возможностей.

Это свойство, надо думать, также не возникало из ничего, а представляет собой проявление в органическом мире общего свойства всей природы, которое можно было бы назвать способностью к многозначности «решений».

¹ Однако предпосылки целевой деятельности, целенаправленности в ее бессознательной форме, как будет показано ниже, имеются и у высших организмов, обладающих психикой.

И в неорганической природе далеко не все процессы протекают однозначно. Еще Демокрит утверждал, что атомы различны, неодинаковы. У Эпикура атомы отклоняются от общего пути их падения в пустоте. В современной физике насчитывается несколько десятков различных элементарных частиц, которые, как говорят физики, обладают «степенями свободы» в своем «поведении». Органическая эволюция является дальнейшей ступенью к свободе как необходимой основе сознательного выбора действий, относительной свободе воли и целевой деятельности человека. Современная физиология высшей нервной деятельности видит недостаток классической рефлекторной теории в том, что она не отвечает на вопрос, почему на определенную стимуляцию организм отвечает так, а не иначе¹. Во всей своей жизнедеятельности организм, начиная с избирательного поглощения веществ, принимает «решения», выбирая наилучшие и отбрасывая неверные в той или иной проблемной ситуации.

Основой всей сознательной деятельности человека является необходимость выбора объектов, на которые направлено действие, и путей, обеспечивающих достижение цели. А это предполагает наличие различных объектов и путей движения, т. е. многозначности объектов и движений.

В-пятых, *физиологические аппараты психики и функции последней неразрывны и взаимообусловлены*. Возникновение тех или иных физиологических механизмов происходило ввиду необходимости выполнения организмом определенных функций. Поэтому не может быть ни механизма без функции, ни функции без механизма. Если функция становится ненужной, то отмирает и соответственный физиологический механизм.

Ф. Энгельс в «Диалектике природы» справедливо указывал на неразрывность функции и формы, физиологии и морфологии. Если в отношении общих физиологических функций это является «общим местом» (хотя касательно наследственных процессов и созданных для этого аппаратов такая связь долго отрицалась), то в отношении психических функций это далеко еще не стало аксиомой и предпосылкой философских рассуждений в

¹ См. Н. А. Бернштейн. На путях к биологии активности. — «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 71.

области психики и сознания. Здесь как-то часто забывается, что *нет и не может быть ни функции без соответствующего ей «механизма», ни обратно — механизма без функции, которую он обслуживает.* Видимо, за рассуждениями о своеобразии живого, особенностях биологической формы движения материи забывается машиноподобное устройство живого организма. Инженер, создающий автомобиль, знает, что для любого свойства, которое надо придать автомашине, необходимо придумать соответственное приспособление, специальное устройство.

Если вы хотите, чтобы автомобиль «приспосабливался» к постоянным изменениям скорости, характера дороги, силе сцепления с ее поверхностью и пр., надо в механизме карбюратора и смесительной камеры создать сложную систему жиклеров, заслонок и прочих аппаратов, изменяющих автоматически, без участия человека, подачу топлива в двигатель соответственно изменениям указанных условий движения. Чтобы автомашину не трясло и чтобы она не кренилась при неровностях дороги, надо было придумать колесные шины, систему подвески, рессоры, амортизаторы и пр.

Хотя живое существо создавал не инженер-конструктор, а природа, суть дела остается той же. Любая функция, выполняемая любой машиной, обеспечивается действием определенного устройства. Живой организм не составляет исключения из этого закона.

Для всякого действия есть причина. Функционирование аппарата является одной из необходимых (хотя и недостаточных) причин выполнения живым организмом той или иной функции. Формы и степень организации материи определяют формы движения материи.

Самое свойство жизни Ф. Энгельс связывал с особенностями химизма белков и составляющих его элементов. А. И. Опарин и другие исследователи происхождения жизни развивают эту же идею. Нет и не может быть ни малейшего свойства живого организма, которое не было бы обусловлено либо свойствами самого живого вещества или ткани, либо теми или иными органами, специально «созданными» природой для производства этой функции, этого свойства.

И. М. Сеченов с исключительной глубиной раскрыл физиологические механизмы таких психологических яв-

лений, как память и воля, и таких логических операций, как образование понятий, суждений и выводов. Он доказал, что все явления сознания человека, от самых элементарных до самых «высших», имеют соответствующие каждому явлению физиологические (рефлекторные) механизмы. Развивая учение Сеченова, И. П. Павлов раскрыл физиологические механизмы условнорефлекторной деятельности и второй сигнальной системы действительности.

В-шестых, *ступени развития психики были одновременно ступенями становления субъекта*, т. е. существа, имеющего мир внутренних переживаний внешнего мира и действующего на основе этих переживаний. Человек есть субъект, носитель психики, сознания.

Психика человека, как и весь человек в целом, есть продукт развития органического мира. Поэтому возникает проблема становления субъекта в процессе органической эволюции, в филогенетическом процессе развития психики. Корни психических форм отражения, как было показано, уходят далеко в глубь истории органического мира.

Сознание человека есть наиболее развитая форма психики. Как тело человека в целом, так и его нервная система, т. е. физиологическая основа психики и сознания, приняли человеческие, высшие формы постепенно, в процессе эволюции, включающей в себя изложенные выше качественные скачки, ступени развития психики.

Было бы явным отступлением от материализма считать, что возникновение внутреннего, субъективного мира у человека осуществилось внезапно, т. е. было «вложено» в человека какой-то внешней силой, не подчиняющейся общим законам развития природы. Если нет «души», как особой, нематериальной субстанции, то, очевидно, возникновение и развитие психики и сознания было результатом эволюционного процесса, специфической формой приспособления живых организмов к условиям их жизни и борьбы с этими условиями.

Внутренние переживания живого организма, все более совершенное отражение внешнего мира было той объективной «целью», на которую было направлено развитие механизмов высшей нервной деятельности, без которых оно не имело бы биологического смысла. *Субъект* возник не без предпосылок, но *постепенно выкри-*

сталлизовывался в процессе развития этих механизмов. Таким образом, появление субъекта в лице человека было не чудом, а естественным скачком живого существа в новое качество. Переход в новое качество должен быть подготовлен в процессе количественных изменений, в ходе органической эволюции, состоявшей в свою очередь из ряда скачков—ступеней в развитии психики.

Однако для возникновения человеческой психики и сознания одной органической эволюции, т. е. приспособления организмов к условиям природы, было недостаточно. Психика человека возникла лишь в условиях общественной жизни. Но общество не могло бы создать человеческую психику, если бы она не была подготовлена полутора миллиардами лет развития органического мира.

Совершенствование органических функций живого и увеличение их числа сопровождалось, как мы видели, усложнением аппарата и созданием новых органов от дифференциации клеточных волокон и свойств ферментов до развития специальных органов тела. В развитии психики это выражалось преимущественно в изменениях и специализации нервнопроводящих тканей, в становлении специальных рецепторов и анализаторов. С каждой новой ступенью в таком развитии обогащался, становился более разнообразным внутренний мир живого организма, все более приближаясь к тому состоянию этого внутреннего мира, какой мы имеем у человека. Степень развития нейродинамических аппаратов определяет степень развития «субъективного мира». С этой точки зрения можно сказать: дайте соответствующий нейродинамический аппарат, и мы будем иметь субъект. Этим, разумеется, субъект, субъективный мир человека не отождествляется с определенной организацией нейродинамического аппарата, обеспечивающего функционирование субъективности. Песня или речь, например, невозможны без артикуляции гортани, но содержание песни или речи, вызываемые ими чувства и мысли отнюдь нельзя отождествить с работой гортанных аппаратов. Речь идет о том, что нельзя отрывать проблему субъекта и его становления от действия нейродинамического аппарата. Ведь психика есть внутренняя сторона и результат действия последнего. Мысль есть функция мозга. Мысль — ярчайшее проявление субъекта — есть результат

работы мозга — главного узла нейродинамической системы. В процессе филогенеза субъект «вызревает» в зависимости от развития этой системы, как цель и смысл ее развития.

5

О ТРЕХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ

Мы расстаемся с предысторией сознания и переходим к человеку. Мы должны наметить пути дальнейшего изложения проблемы сознания.

Сознание есть прежде всего явление природы, природы человека, ибо сознание существует реально в голове (точнее, в системе высшей нервной деятельности) индивида. Оно является его внутренним свойством. Человеческое сознание, корни которого находятся в живой природе, приобретает у человека свои особенности. Оно имеет свою структуру и функции, ради выполнения которых и существует. Сознание, указывал В. И. Ленин, столь же реально, как и физические явления¹. Рассматривая сознание в этом плане, мы исследуем его с *онтологической* стороны. Ввиду того что понятия онтологии и онтологического подхода в марксистских работах стали появляться недавно и, по нашему мнению, иногда используются неправильно, попытаемся уточнить, что мы понимаем под этими терминами.

Все специальные науки подходят к изучению своего предмета с онтологической стороны, т. е. они изучают свойства и сущность явления, как оно существует само по себе, независимо от его отношения к нашему сознанию. Так, свет в физике рассматривается как поток фотонов и одновременно как электромагнитная волна. Нервный процесс трактуется в физиологии как хемотрическое возбуждение нервной ткани. Онтологический подход является *основой* всяких других научных подходов. Так, в философии, прежде чем выяснять отношение между бытием и сознанием, между материей и духом, надо выяснить, что такое материя, что такое сознание и т. д. Ответ на вопрос «что это такое?» предшествует вопросу «как это относится к нам?».

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 296.

Основной вопрос философии является ответом на второй, гносеологический, вопрос, последний является специфическим аспектом для философии: теорию познания разрабатывает лишь философия. Таким образом, онтология — это «учение о бытии» или «учение о сущности» (как это определяется в некоторых наших работах) не в том смысле, что она применима лишь к некоторым проблемам философии, а в том смысле, что все обладающее бытием, т. е. все существующее (в том числе и сознание), может и должно рассматриваться в онтологическом плане.

Если сознание не имеет бытия отдельно от материи, то это не является основанием для отказа от изучения его *в онтологическом плане*. Ведь в этом плане сознание исследует целый ряд наук: нейрофизиология, психология (общая и социальная), кибернетика, бионика, семиотика и др.

Сознание, далее, есть отражение бытия. Раз внешний мир отражается в голове человека, в его нервной системе, то сознание должно включать в себя не только свойства отражаемого внешнего мира (природы и общества), но в какой-то мере и свойства отражающей его нервной системы. Ведь человеку нужно не отражение, как таковое, а те стороны его, какие имеют значение для его жизнедеятельности. Кроме того, наш познавательный аппарат ограничен физиологически и исторически. Поэтому отражение в мозгу человека не может по самому своему назначению быть вполне адекватным внешнему миру. Короче говоря, возникают проблемы отношения между бытием и сознанием, между отражаемым и отражением. Этот подход есть *гносеологический аспект проблемы сознания*.

Далее, сознание недостаточно изучать лишь в общем плане как нечто недифференцированное. Необходимо исследовать те его формы и уровни, какие оно имеет в условиях современного общества и в зависимости от этих условий. В современной философской и социологической литературе справедливо различаются индивидуальное и общественное сознание, формы общественного сознания, обыденное и научное сознание, различные виды и формы коллективного (группового) сознания: классового, национального, возрастного и пр. Большое теоретическое и практическое значение имеет такой специфический вид

сознания, как идеология. Столь же актуальное значение имеет проблема самосознания: классового, национального, личного. Необходимо разобраться не только в различиях между этими видами, формами и уровнями, но и в их отношениях между собой. Исследование этих вопросов можно назвать *социологией сознания*.

В существующей литературе о сознании эти три стороны проблемы сознания либо не различаются, берутся в общем комплексе, либо исследуются лишь в двух аспектах (гносеологическом и социальном). Нам представляется разумным выделить три стороны проблемы, хотя в жизни они существуют нераздельно.

В нижеследующих трех главах читатель встретится с рядом «старых», «традиционных» проблем сознания. Эти «старые» проблемы, сохраняя свою непреходящую ценность и значение, требуют учета при их изложении новых данных науки и практики. Посильная попытка изложения новых материалов дана как в освещении традиционных проблем, так и отдельно в последней главе, где излагаются некоторые философские проблемы, поставленные развитием социальной психологии, кибернетики, семиотики и теории моделирования. Частично некоторые из этих проблем затрагиваются и в других главах, поскольку без обобщения данных этих наук часто невозможно на должном уровне изложить и «традиционные» вопросы. Однако эти проблемы в целом пришлось рассмотреть отдельно, ибо они явно не могли быть ни предметом анализа классиков марксизма-ленинизма, ни предметом исследования до появления новых наук, родившихся и рождающихся на наших глазах. Некоторые вопросы марксистского учения о сознании излагаются, по нашему мнению, в отдельных наших работах не всегда удовлетворительно. Поэтому в книге содержится критический анализ этих, с нашей точки зрения, неудачных трактовок.

Корни типических недостатков, присущих изложению вопроса о сознании некоторыми авторами, по нашему мнению, состоят, во-первых, в неполном учете диалектики субъекта и объекта, сознания и действительности. Это сказалось в долголетнем споре о материальности или нематериальности сознания, и в настоящее время чувствуется в различном понимании отношения физиологии и психологии, в спорах вокруг «физиологии активности»,

в неординарной трактовке связи общественного бытия и общественного сознания и т. д. Во-вторых, некоторые товарищи, увлекаясь терминологией специальных наук, так или иначе связанных с проблемой сознания, подменяют философские категории понятиями этих специальных наук, отождествляя, например, отражение и информацию и даже заменяя первое второй, подменяя философский анализ психики и сознания кибернетическим подходом к ним (самим по себе вполне законным, но отнюдь не заменяющим философию). Развитие кибернетики вызвало в буржуазной философии некую «кибернетическую идеологию», трактовую человека как машину не только с точки зрения его устройства, его биологической организации, но и в целом как личности. Нам кажется, что мы до сих пор не дали обоснованной критики такой «идеологии». Развитие социальной психологии также начинает порождать тенденции к психологизации социологии, к размыванию граней между социально-психологическим и социологическим анализом общественных явлений.

Глава II

СОЗНАНИЕ КАК РЕАЛЬНОСТЬ (ОНТОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ)

1

ПОНЯТИЕ СОЗНАНИЯ И ЕГО ДЕТЕРМИНАЦИЯ

Психика есть способность живых существ создавать чувственные и обобщенные образы внешней действительности и реагировать на эти отображения сообразно своим потребностям, а у человека также соответственно его интересам, целям и идеалам.

Под психикой человека разумеется вся совокупность явлений и состояний его внутреннего, субъективного мира в отличие от внешнего, объективного мира, а также в отличие от соматических, телесных его функций и от нервной системы, в том числе и от системы высшей нервной деятельности, являющейся физиологической основой психики.

Сознание является частью психики, ибо в ней происходят не только сознательные, но и подсознательные и бессознательные процессы. *Сознательными называются такие психические явления и действия человека, которые проходят через его разум и волю, опосредуются ими, которые, следовательно, совершаются со знанием того, что он делает, мыслит или чувствует*¹.

¹ Смысл совершаемого «со знанием» в понятии сознания имеется также во французском (la conscience) и английском (consciousness) языках. В немецком языке в этом понятии (das Bewußtsein) также сохраняется корень «знание».

Не только чувства и поступки человека, но и его мысли, которые, казалось бы, целиком (по нашему определению сознания как психического процесса, проходящего через разум) совершаются сознательно, в ряде случаев недостаточно контролируются разумом, содержат момент подсознательного.

Данное здесь понятие о сознании имеет самый общий характер и потому не полностью охватывает некоторые частные случаи употребления этого понятия. Так, например, ложная информация, данная без знания того, что она ложная, будет отличаться от сознательной (в смысле преднамеренной) дезинформации. Однако информатор и в первом случае действовал сознательно. Общее понятие сознания («сознания вообще») отличается и от понятия общественного сознания, о коем речь будет идти ниже.

Перейдем к вопросу о *детерминации* сознания, т. е. к вопросу о том, чем определяется, обуславливается возникновение и развитие сознания. Факторы, которые определяют этот процесс, называют детерминантами или детерминаторами.

Внешними детерминаторами сознания являются природа и общество. Сознание присуще лишь человеку, возникает и развивается лишь в условиях общественной жизни. Однако оно обусловлено не только социально. Внешняя действительность для животного — природа; для человека — природа и общество. Поэтому сознание человека детерминировано внешними факторами двояко: явлениями и законами природы и общественных отношений. В содержание сознания входят мысли о природе и обществе (а также о людях как природных и общественных существах).

Природа в процессе органической эволюции создала ту анатомическую и физиологическую систему, без коей невозможно сознание, как продукт действия этой «машины». Но природа детерминирует сознание не только генетически, создав предпосылки сознания. Она действует и в условиях общества, формируя вторую сигнальную систему действительности и изменяя характер действия рецепторов и анализаторов сообразно условиям общественной жизни. При этом влияние общественной жизни и цивилизации в указанном процессе далеко не во всем благотворно. Прогресс в одном отношении сопровожда-

ется регрессом в другом. Высокое совершенство рук мастера и хирурга, глаза художника и уха музыканта, с одной стороны, а с другой — рост нервных недугов у современных городских людей и их слепоты и глухоты к тому, что видели и слышали в природе Следопыт Ф. Купера и Дерсу Узала В. К. Арсеньева.

Итак, вся телесная основа и механизмы сознания созданы и изменяются природой как в условиях животного, так и человеческого существования. Хотя физиологическая основа сознания и ее механизмы и не входят в само содержание сознания, т. е. в ту совокупность мыслей и чувств, которая в нем содержится, однако это содержание обуславливается и определяется не только характером внешних явлений, но и устройством воспринимающего их аппарата. Образ внешнего мира отличается от самого внешнего мира. Сознание есть субъективный образ объективного мира.

Сознание присуще только человеку и возникло в условиях общественной жизни. Лишь в последних условиях развился человеческий разум и его контроль над волей. Именно общественная жизнь, основанная на труде, создала человека с его сознанием. В содержание сознания, как было сказано, входит неотъемлемой частью отражение общественной жизни.

Но если возникновение и развитие сознания было вызвано условиями общественной жизни, то над созданием соответствующих сознанию нейродинамических аппаратов «работала» природа. Общество задавало потребность в определенных функциях сознания, природа готовила механизмы для выполнения этих функций. Общество было заказчиком, природа — инженером.

Все сказанное, конечно, не ново, но, видимо, об этом надо было сказать, чтобы преодолеть одностороннее понимание социальной обусловленности сознания и подчеркнуть основные мысли классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу. Последние неоднократно подчеркивали социальную обусловленность сознания, но делали они это не потому, что не понимали природных корней и материальной основы сознания. Такой домысел противоречит всей концепции классиков об отношении материи и сознания. Они делали упор на социальную базу сознания также и не потому, что они считали общество творцом материи, материального. Общество не создало

до сих пор ни одной клетки, ни одного нейрона. Только природа лепит органические формы и все с ними связанное. Классики марксизма-ленинизма делали указанный акцент ввиду недооценки современной им философией роли социальных факторов в развитии сознания. Не говоря уже об идеалистических и религиозных трактовках сознания как внеприродного и сверхъестественного явления, даже французские материалисты XVIII в., Л. Фейербах и вульгарные материалисты середины XIX в. не понимали значения социальных факторов. В современной Марксу и Энгельсу философии господствовал в данном вопросе физиологизм и антропологизм, рассматривавшие сознание как явление тела и духа отдельного, изолированного человека. До классиков марксизма история не привлекалась к анализу данного вопроса. Тем более не привлекалась к этому история труда человека, его материальной деятельности.

Таким образом, говоря о сознании как единстве двух детерминаций, мы имеем в виду органический и неразрывный комплекс двоякого рода факторов, определивших и определяющих развитие психики человека, факторов, действовавших не порознь, а в единстве и взаимопроникновении. Поэтому, занимаясь человеческим сознанием, мы все время будем иметь в виду не только факторы чисто социальные, т. е. сверхличные, но и факторы биологические, подвластные в полной мере законам органической природы, а также факторы психологические, подвластные двум указанным детерминациям.

В силу этой двойной детерминации психических явлений последние получают свои собственные закономерности. Поэтому сознание человека имеет, строго говоря, не двойную, а тройную (био-психо-социальную) детерминацию.

И общество, и природа развиваются по своим собственным законам. Законы общественной жизни кардинально отличаются от законов природы. Но ведь речь идет при этом именно о законах общества, т. е. о законах массовых общественных процессов, а не о законах, которым подчиняется отдельный человек. Однако общество в своей деятельности, особенно материальной, зависит как от свойств предметов и явлений природы, так и от свойств природы человека. Здесь мы фиксируем

внимание на отдельном человеке потому, что именно он является носителем сознания в общем смысле, сознания вообще.

Сознание детерминировано не только действием внешних факторов. Сознание человека подчинено еще действию законов нейрофизиологии и психологии (общей и социальной), т. е. имеет еще и внутреннюю, психофизическую детерминацию. При этом физиологическая обусловленность сознания, будучи внутренней в том смысле, что она осуществляется внутри организма, является объективной, материальной, а психологическая детерминация имеет субъективный, идеальный характер.

Внешняя детерминация — воздействие на сознание объективного мира, природы и общества — является первичной, а внутренняя, психофизиологическая обусловленность — вторичной. В свою очередь роль внутренней детерминации двойная. В нейрофизиологическом процессе воздействие внешнего мира преобразуется в состояния и процессы нервных структур: импульс — реакция, возбуждение — торможение и пр. На основе работы нейродинамического аппарата происходит, далее, преобразование, кодирование и перекодирование физиологических процессов и состояний, имеющих объективный, материальный характер, в психологические, субъективные (внутренне переживаемые) процессы и состояния, дающие возможность человеку в доступных для живого организма формах осваивать содержание явлений и законов объективной действительности.

Если содержание сознания определяется внешними факторами, то, с другой стороны, все явления психики и сознания протекают в тех формах, которые фиксируются законами и категориями физиологической и психологической наук. Это ощущения, восприятия и представления, мысли, эмоции, чувства, память, воображение и пр. Психологические формы — это как бы соединяющиеся сосуды, в которых «переливается» все содержание сознания. По своей форме сознание не выходит за пределы психологических процессов.

Содержание и форма сознания не вполне идентичны. Сознание человека есть отражение действительности, ее образ. Всякий образ носит на себе отпечаток как того, что в нем отражается, так и того материала, на котором этот снимок отпечатывается, и свойств того

аппарата, которым этот снимок сделан. Сознание это не только субъективно-психологическое явление, а единство объективного и субъективного на основе объективного. Оно имеет объективное содержание, прошедшее через различные психологические «сита», «экраны», в виде установок и ориентаций, налагаемых общественным положением человека и его прошлым жизненным опытом. Психологическое есть обработанное, «переваренное» объективное, подобно пище, принявшей в желудке те свойства, которые нужны организму.

Психологический процесс в некотором отношении подобен работе телевизора. Последний получает излучение, которое преобразует в изображение. Телевизор не генерирует излучения. Содержание изображения в телевизоре, изменения и формы движения этого изображения зависят не от телевизора, а от того, что им передается: спектакль, матч и пр. От телевизора, как и приемника, зависит как сама возможность появления изображения, так и в известной мере его качество. Здесь действуют уже физические законы, определяющие трансформацию излучения в изображение. Вследствие этого изображение, получаемое в данном телевизоре, получает некоторые особенности, определяемые свойствами именно данного телевизора, его марки: объем, четкость, красочность или двухцветность и пр.

С психологией дело обстоит в принципе так же, но в гораздо более сложном плане. Ведь субъект как «приемник», воспринимая постоянно образы внешнего мира, сам изменяется под их влиянием и потому его вчерашняя «передача» иная, чем сегодняшняя. Состояние восприятия зависит не только от отражаемого, но и от генетических особенностей человека, от прошлого опыта, воспитания, от активной «генерации» мыслей и чувств, возникающих как «отдача» переработанного внешнего материала.

В отдельных областях сознания последнее подчиняется также и более специальным законам. Так, в области познания оно совершается по законам логики, без соблюдения которых невозможна правильная обработка полученного материала наблюдений и экспериментов. В области явлений, ориентация в которых связана с оценками (политика, идеология, этика, эстетика, право), сознание действует в соответствии со спецификой каж-

дой из этих областей. Вся умственная, познавательная, идеологическая и оценочная деятельность людей подчинена закономерностям, формулируемым марксистской гносеологией.

Действие всех указанных групп законов, выражающих сложный характер детерминации сознания, осуществляется в их неразрывной связи и взаимопереплетении. Однако эта нераздельность не означает потери каждой из этих групп своей самостоятельности и специфичности. Поэтому мы, например, различаем рабочего: а) как производительную силу, как природную «машину», производящую продукт; б) как члена общества, т. е. как социальную единицу и в) как психологический, разумно-эмоциональный комплекс в отличие от машины, на которой он работает.

В процессе духовной деятельности происходит то же самое с тем различием, что здесь действует несколько иной комплекс физиологических аппаратов и что соотношение физических и психологических факторов будет также несколько иным. Однако чтение лекций или исполнение концерта есть не только психологическая и социальная, но и физическая работа.

Из сказанного явствует, что изучение сознания не является лишь физиологической, психологической или социологической проблемой или предметом гносеологии и логики. Следует подчеркнуть неправомочность наблюдающейся в зарубежной, а отчасти и в советской литературе подмены широкого философского рассмотрения проблемы сознания ее психологическим аспектом, односторонней психологизацией этой проблемы.

Не преодолено еще и столь же, на наш взгляд, одностороннее абсолютизирование социального аспекта сознания. Так, В. В. Орлов пишет: «Человек имеет всецело социальную природу, которая включает в себя в подчиненном виде биологическое, химическое и физическое. Нельзя согласиться поэтому с определением человека как социально-биологического существа»¹. «...Определение личности как социально-биологического гибрида несомненно содержит принижение социальной природы личности. Качество явления неделимо; оно имеет или биологическую, или социальную природу (ко-

¹ В. В. Орлов. Психофизиологическая проблема. Пермь, 1966, стр. 271.

торая включает в себя в подчиненном виде биологический компонент), но не может иметь социально-биологической природы»¹.

Многокачественность человека не является «принижением» человека и его социальной природы. Ботанические, зоологические и расовые «гибриды» отнюдь не являются чем-то низшим. Что же касается личности, то в этом понятии в отличие от понятия человека действительно выражены лишь социальные стороны индивида, а именно его черты как работника, гражданина и человека, проявляющиеся как в его внутренних качествах, так и в его поведении.

«Подчиненность» биологического социальному в человеке не противоречит многокачественности человека. Последняя остается и при этом условии. Но следует различать качество явления и его природу (сущность).

В. И. Ленин указывал, что чистых явлений нет ни в природе, ни в обществе. Это положение справедливо и для качества и для сущности. Но эти категории не тождественны. Так, человек может быть добрым или злым, отзывчивым или бессердечным, выступать в качестве общественного работника или отца семейства, специалиста или разнорабочего и т. д. Но все эти различные качества имеют социальную природу (сущность). В «сплаве» качеств человека (биологических, психологических, социальных) следует выделять главенствующий компонент, который определяется принадлежностью явления к той или другой форме движения материи и который называется в данном случае природой, или сущностью, человека. Для человека, при всей его многокачественности, социальное будет его сущностью (природой). Человек, указывал К. Маркс, по своей сущности есть совокупность всех общественных отношений².

Означает ли это, что Маркс отрицал биологическое начало в человеке? Нет, конечно. Маркс в этом положении подчеркивает, что весь «сплав» качеств человека возник, развивается и перерабатывается в социально-историческом процессе. Означает ли это, что человек является только социальным существом? Также нет. Отдельные акты и способности человека по своей природе являются биологическими, например дыхание или

¹ В. В. Орлов. Психофизиологическая проблема, стр. 399.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

пищеварение. Поэтому, хотя сущность человека социальна, вполне допустимо рассматривать его как существо биологическое, психологическое и социальное.

Мы различаем также понятия природы (сущности) и детерминации. Последняя отвечает на вопрос, каким законам «подчиняется» данное явление, по каким законам оно развивается. Законы разных областей действительности переплетаются и действуют совместно. Однозначной детерминации не существует, по крайней мере у человека. Однако можно ли спорить, что мы растем и развиваемся как организмы в основном по биологическим законам, что наше сознание развивалось как по законам психологии, так и по законам общественной жизни, а что наше мышление, если оно хочет быть правильным, должно подчиняться законам логики? Не следует также забывать, что звериное еще подчас существует в человеке и что его еще надо преодолевать и подчинять человеческому, что психические состояния и их эффекты у современного человека еще во многом не отвечают общественным целям и идеалам.

2.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПСИХИКИ И СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Психика и сознание, как было указано, это не два совершенно различных явления. Сознание есть часть психики человека, при этом особая и высшая ступень его психики, развившаяся в условиях общественной жизни, трудового и иного общения между людьми.

«Сознание, — пишет К. К. Платонов, — это очеловеченная трудом психика. У животных сознания нет, но их психику Энгельс очень образно назвал предысторией сознания.

Сознание... с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди, сказал Маркс»¹. «Понятие психики, — отмечает В. В. Орлов, — является более широким, чем понятие сознания. Сознание — это высшая форма психики, свойствен-

К. К. Платонов. Психология религии. М., 1967, стр. 89.

ная только человеку. При этом психика человека также не покрывается понятием сознания, т. к. значительная часть человеческой психики имеет бессознательный характер»¹.

Вслед за Дарвином, Геккелем, Сеченовым и Павловым современная физиология высшей нервной деятельности и материалистическая психология систематически разрушают воздвигнутую поповским мышлением непроходимую стену между животными и человеком.

За последние десятилетия получила широкое развитие зоопсихология. В трудах П. К. Анохина, Н. Н. Ладыгиной-Котс, Н. А. Тих, Г. З. Рогинского и др. раскрываются те высшие ступени психики животных, которые соприкасаются с основными чертами человеческого сознания. Подытоживая некоторые результаты этих исследований, Ф. И. Георгиев и Г. Ф. Хрустов пишут: «...сознание как опережающее отражение имеет глубокие генетические предпосылки в животном мире. Особенно следует отметить тот факт, что у высших животных развивается элементарное мышление, простейшая «интеллектуальная» деятельность. В этом плане особого внимания заслуживает изучение высших типов психических процессов у животных, связанных с развиваемой ими орудийной деятельностью»².

Однако исследование связей и преемственности между психикой животных и человека является лишь одной из тенденций развития нейрофизиологии. Другой же тенденцией является все большее углубление (особенно в работах К. К. Платонова и К. М. Быкова) понимания специфики человеческой психики, сознания, осмысление результатов воздействия на внутреннюю жизнь человека, того пути, который человечество прошло в процессе своей истории и развития культуры, воздействия психического на соматическое. Но особенности человеческой психики и сознания в большой степени также проблема философская и социологическая (эти-то стороны мы и стремимся здесь выделить). При исследовании этих последних сторон сознания необходимо учитывать достижения естественных и психологических наук о человеке,

¹ В. В. Орлов. Психофизиологическая проблема, стр. 3, примечание.

² Ф. И. Георгиев, Г. Ф. Хрустов. О предпосылках и особенностях сознания. — «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 21.

исправлять или конкретизировать уже утвердившиеся положения на основе новых данных этих наук.

Новые факты могут вести и к весьма радикальным выводам. Так, если подтвердятся в той или иной степени сенсационные материалы о психике дельфинов, то, очевидно, философии и социологии придется признать, что развитие психической деятельности животных может быть выше границ, обычно признаваемых за животными, что, возможно, она может развиваться на базе и иных факторов, чем труд. Конечно, этим не исключается марксистское положение о том, что труд создал человека, но умственное развитие человека станет рассматриваться лишь как частный случай генетически различных путей развития психики. К таким выводам может привести человечество и знакомство с инопланетными цивилизациями, если такие контакты когда-либо состоятся. Развитие знаний о мире все более подтачивает антропоморфизм и идею единственности путей человека во всех сферах мировоззрения. Этому процессу может помочь не только кибернетика и изучение иных миров, но и более глубокое знакомство с жизнью и на нашей Земле, которая хранит еще много тайн.

Может казаться, что изложение вопроса об отличительных чертах человеческого сознания является попыткой «ломиться в открытые ворота». В самом деле, стоит ли доказывать качественное отличие сознания человека от психики животных, отличие пения птиц и воя волка от песни человека? Речь, разумеется, идет здесь не об этом очевидном для каждого эмпирическом факте, а о выделении тех общих особенностей сознания, которые обусловили эти факты, которые лежат в их основе.

Не только познание, т. е. определенная функция сознания, но и сознание в целом включают в себя две ступени, или формы, — чувственную и рациональную. Особенности человеческого сознания проявляются как на первой, так и на второй ступени, а также в соотношениях и в «удельном весе» этих двух форм.

Обычное представление, что сознание человека отличается от психики животных лишь развитием рациональной ступени, является, с нашей точки зрения, неполным, недостаточным. Эти отличия имеются и в чувственности. С одной стороны, ряд живых существ обладает такими органами чувств или таким раз-

витием общих с человеком анализаторов, которые отсутствуют или неразвиты у человека; с другой стороны, чувственная форма или сторона сознания человека как результат навыков, воспитания, культуры и техники стоит на несравнимо более высоком уровне, чем чувственность животных. Глаз художника, ухо музыканта, чувства современного человека, вооруженного микроскопом и телескопом, сейсмографом, средствами видения в темноте, на больших расстояниях и т. д., знают о вещах и их свойствах несравненно больше, чем органы чувств животных, несмотря на специфическое развитие некоторых из этих органов у последних. Это обстоятельство следует, как нам кажется, считать первой отличительной особенностью сознания человека.

Второй особенностью следует считать большую роль в жизнедеятельности человека рациональной формы сознания сравнительно с чувственной. Все развитие культуры вело не только к тому, что действия человека становились все более разумными, не непосредственно импульсивными, а обдуманными, но и к тому, что сама чувственность обрабатывалась, меняя свое животное лицо, и теряла свое господство в сознании, подчиняясь рациональному началу. Человек не только ест, пьет, но и любит не так, как животное. Безудержные взрывы личных страстей, характерные для героев античности и средневековья, в настоящее время встречаются сравнительно редко. Одним из показателей ступени культурности человека в настоящее время является то, насколько он умеет сдерживать себя и насколько он в своих решениях подчиняется голосу разума, а не чувств. Дикарь — это инстинктивный человек, писал В. И. Ленин.

Третья особенность сознания человека заключается в совершенствовании качества этой рациональной ступени, состоящей: а) в развитии все большей широты и абстрактности обобщений; б) в уменьшении роли в них чувственного элемента; в) во все большем отходе абстракций от непосредственного практического приложения. Примитивный «прагматизм мышления» животных, направленного на непосредственное удовлетворение своих потребностей, сменяется все большей независимостью абстракций от их немедленного применения в жизненных ситуациях.

Указанные тенденции характеризуют не только от-

личие мышления человека сравнительно с животными, но и сопутствуют развитию цивилизации. Научное мышление очищает сознание от иллюзий и предрассудков, порождаемых невежеством и поверхностными обобщениями, выявляет свою практическую мощь как в ближайшем, так и особенно в перспективных применениях.

Четвертая особенность сознания связана с развитием у человека особых, новых сравнительно с животными форм рационального познания: понятийного мышления и связанной с ним членораздельной речи, оценочного мышления и целевого характера мышления и поведения.

Эти особенности человеческого сознания также имеют свои предпосылки в животном мире. Но в своей развитой форме они присущи лишь человеку. Понятие, как известно, есть умственный концепт, отличающийся обобщенностью и отбором существенного. Эти черты умственной деятельности имеются уже в представлении, являющемся как бы переходом от чувственной к рациональной форме психики. Однако в представлении еще доминирует образ, понятие же отвлекается от образности, от связи с индивидуальным. Так, понятие человек (человек вообще) отвлекается не только от представления о том или ином отдельном человеке, но и от черт, характерных для отдельных групп людей: половых, возрастных, расовых и пр. Понятие выступает как синтез признаков, существенных для данного класса объектов. В данном случае это будут признаки разумности, социальности, способности производить орудия и др.

Мышление понятиями возникает в результате качественного скачка в развитии психики, позволяя, во-первых, освободиться от «привязанности» к индивидуальному. Вместо представлений о 3,5 млрд. людей (что вообще невозможно), человек оперирует лишь одним понятием, представляющим, замещающим это огромное число чувственных образов. «Емкость» мышления таким путем увеличивается образованием лишь одного такого понятия в миллиарды раз. Во-вторых, отбор существенных признаков, освобождение от случайного и частного является также огромным достижением эволюции психики. Освобождая мышление от ненужного в том или ином отношении чувственного «балласта», понятие открывает путь к постижению тех свойств вещей, которые

особенно нужны человеку в познании действительности и в жизненной практике.

Проблема понятийного мышления рассматривается обычно в плане гносеологии и логики, но не в онтологическом плане как составной части реального явления — сознания. Между тем отношение понятия к действительности (гносеологический аспект рассмотрения понятия) и место понятия в логическом мышлении (логический аспект) предполагают существование понятия как реального психического феномена. Именно в понятии выражается сознательный характер умственной деятельности человека. Мышление — это оперирование с понятиями и производными от него логическими формами (суждениями и выводами). Человеческое мышление без понятий невозможно. Поэтому понятийность есть не только психический феномен, но и фундамент сознания. Сознание в своей сущности может быть определено как понятийная умственная деятельность, а сознательная деятельность — как деятельность на основе ясных, дифференцированных понятий о предмете.

Наука и техника непрерывно поставляют человечеству все новые и новые понятия, многие из которых являются достоянием лишь специалистов. Знание всех специальных научных терминов каждым человеком невозможно, и потому незнание тех или иных из этих терминов не служит аргументом для суждения о неполноценности сознания той или иной личности. Однако в каждый исторический период существует некоторый минимум понятий, освоение которых свидетельствует о культурности данного человека. Этот минимум существует и в области понятий обыденной жизни. Бедность набора понятий и, соответственно, бедность языка есть свидетельство некультурности человека. Поскольку понятия фиксируются в терминах, словах, то бедность языка является свидетельством бедности мысли, недифференцированности, расплывчатости, неясности, многозначности понятий, заменой одним понятием многих, имеющих различный смысл. Так, например, понятие «вера» нельзя смешивать с понятием «уверенность», «доверие», «убежденность» и т. п. Такое смешение приводит к непониманию специфики религиозной веры и затрудняет антирелигиозную работу.

Задача науки, указывал Энгельс, — анализ понятий.

Расплывчатость понятий — существенный недостаток общественных наук. Причиной этого является не сама «дефектная» природа этих наук, как думают некоторые представители точных наук, а, во-первых, сравнительная молодость этих наук и, главное, особая сложность, многогранность явлений, изучаемых этими науками. Добиваться однозначности понятий это отнюдь не значит отсекаать различные реальные стороны явления, выражаемые разными понятиями, т. е. заменять различные понятия, близкие по смыслу, одним, как у нас часто делается. Такая «экономия мышления», а вернее, лень мышления коренится в известном психологическом законе стереотипа, в стремлении подогнать новое под старое, известное, привычное.

Способность человека к членораздельной речи органически связана с его способностью образовывать понятия. Последнее фиксируется и проявляется в слове, в его значении. Каждое слово (за исключением некоторых словесных частиц, например междометий) выражает собой понятие. Без понятий не могло бы быть слов. Поэтому только человек обладает речью, языком¹. Дискретность понятий, т. е. различие их содержания, раздельность их смысла, проявляется в членораздельности языка. С другой стороны, при отсутствии языка содержание понятий не могло бы быть оформлено настолько, чтобы быть достаточно дискретным, отчетливым, и не могло бы, естественно, быть орудием общения между людьми. Даже непроеизносимая мысль сопровождается «внутренней речью».

Тесную связь языка и мышления нельзя представлять как полное соответствие мысли и ее языкового выражения. Язык имеет свою относительную автономию в отношении мысли, понятия. Есть доля истины в известном афоризме Ф. И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Мысль предваряет слово. Поэтому слово, выражающее мысль, часто отстает от мысли. Новую мысль мы часто пытаемся уложить в прокрустово ложе старых терминов. В силу относительной автономии языка по отношению к мышлению богатство речи должно быть воспитано, развито, образовано путем чтения науч-

Мы здесь не будем касаться различий между языком и речью.

ной и художественной литературы, поэзии, изучения народного языка, таящего в себе перлы словесной выразительности, путем воспитания чутья к языку, к тонким смысловым оттенкам и значениям различных понятий.

Неправильное представление, что хорошее знание предмета достаточно для хорошего его изложения, — причина забвения некоторыми нашими учеными культуры языка, сухости и невыразительности многих лекций и книг. В основе такого мнения лежит отрыв понятия от его словесного выражения, формы от содержания, забвение единства мышления и языка. Это единство сопровождается в одних случаях отставанием языкового выражения мысли от самой мысли, а в других случаях, наоборот, отставанием мысли от языка. Язык, будучи выражением многовекового опыта народа, часто «умнее» мысли. Если в языке имеются разные термины, кажущиеся нам имеющими один и тот же смысл, можно быть уверенным, что в них имеются тонкие смысловые различия.

Рассмотрим вопрос об оценочном мышлении как одной из особенностей сознания¹. Практическая оценка окружающих живое существо явлений с позиций вредности или полезности их для него, как и всякое отражение, имеет глубокие генетические предпосылки в животном мире. Однако ценностное отношение как особая и специфическая форма отношений человека к действительности и освоения ее, как относительно автономная, отделившаяся от непосредственной практики форма познания и мышления присуще лишь человеку.

В основе освоения мира человечеством и отдельным индивидом лежит трииединный акт: познание — оценка — практика. На начальных этапах истории эти стороны или формы освоения мира, поскольку все они направлены в конечном счете на удовлетворение нужд человека, достигаемое в практике, и поскольку познание и оценка были ограничены непосредственным удовлетворением этих потребностей, были включены в процесс практики. Но на современных этапах общественной

Здесь мы не будем останавливаться на понятиях ценности и оценки, их особенностях и роли в жизни и познании. Эти вопросы изложены в ряде специальных работ по теории ценностей (см. В. П. Тугаринов. Теория ценностей в марксизме. [Л.], 1968).

жизни различие этих сторон или форм стало совершенно очевидным. Освоение действительности человеком осуществляется в форме указанных циклов — триад, каждый из которых заканчивается практикой. Эта практика, ее результаты выступают, далее, как начальный момент следующего цикла.

Практика является основой познания, создавая условия и возможности движения познания, и одновременно показателем того, что нужно человеку, т. е. определяет направление, путь развития познания или, как говорят, указывает на ее актуальные проблемы. Начиная новый цикл, человек познает свойства вещей и явлений действительности и тем дает основы для их оценки, т. е. для определения того, что в познанном полезно, нужно человеку и что вредно или бесполезно. Ведь в своей практике человек обращается к тем свойствам вещей и явлений, а также силам природы, которые ему нужны, полезны или приятны, т. е. имеют значение ценностей, а также практически преодолевает вредные их свойства. Без предварительной оценки сознательная практика невозможна. Таким образом, оценка стоит между познанием и практикой, является переходом от первого ко второй.

Для нас важно подчеркнуть, что познание и оценка — это не одно и то же. В самом деле, в процессе познания человек познает все: и полезное, и вредное; последнее также надо знать, чтобы избегать или преодолевать его. Оценка же отделяет полезное от вредного или бесполезного, производит выбор между ними, исходя из человеческих потребностей, интересов, целей, норм и идеалов. Иными словами, познание изучает явление как оно есть в себе, а в оценке явления выражается, какое значение оно имеет для нас.

Оценка есть единство объективного и субъективного на основе объективных свойств вещей и явлений. Познание и оценка — это относительно различные формы освоения мира человеком. При одном и том же знании могут быть совершенно разные оценки. Вот пример: что такое коммунизм, знают и враги коммунизма, но относятся они к нему иначе, чем коммунисты.

У нас справедливо пишут, что надо не только распространять знания, но и воспитывать убеждения. Но убеждение — это знание, соединенное с оценкой того,

что знаешь, оно предполагает активную деятельность человека. Быть коммунистом — это не только знать, что такое капитализм, империализм, фашизм, колониализм, расизм и т. д., но и отрицательно относиться к этим явлениям, бороться против них.

Все это элементарные вещи, но они пока еще слабо осознаются в практике педагогической и воспитательной работы. В школе изучают произведения выдающихся писателей, но именно только «изучают»: мало учителей, которые в процессе этого изучения прививают любовь к хорошей литературе и поэзии. Между тем художественная литература — это не только познание жизни, но и руководитель политического, морального и эстетического воспитания. В подлинной поэзии душа человека, как в чистом роднике, умывается, очищается, возвышается.

Все это означает, что ценностное отношение к действительности и связанное с ним отношение к окружающему, оценка его явлений есть особая форма сознания, требующая и особых методов ее воспитания, развития. Акцентирование внимания в нашей философской литературе лишь на познавательном характере человеческого сознания, игнорирование его оценочной функции является выражением одностороннего рационалистического подхода к сознанию и негативно отражается на идеологической работе.

Отличительной чертой психики человека является, далее, целевой характер его мышления и поведения. Корни способности человека ставить цели и осуществлять их лежат глубоко в живой природе. Наиболее общим фундаментом этой способности является органическая целесообразность, присущая всей живой природе в целом. Понятие целесообразности следует отличать от понятия цели. Первое понятие, означающее буквально «деятельность, сообразную цели», имеет более широкий смысл сравнительно с понятием целевой деятельности. Целевая деятельность, таким образом, есть частный случай целесообразности вообще, отличающейся сознательной постановкой цели. Целесообразность же в той форме, которая присуща всему органическому миру, является бессознательным продуктом «работы» органической эволюции, приспособительного процесса. Внутренний механизм целесообразности был раскрыт дарвинизмом.

У высших животных, обладающих психикой, целесообразность принимает особую, специфическую для психики форму, которую И. П. Павлов назвал «рефлексом цели». В новейших исследованиях по нейрофизиологии эта способность психики высших организмов выражается в понятиях «опережающее отражение» или «модель потребного будущего». Суть этих понятий состоит в том, что живой организм, прежде чем приступить к действию, имеет уже представление о результате действия, о его «цели». К этой цели организм и направляет свои действия, исправляя свои движения, если они (и в той мере, в какой они) не обеспечивают достижения цели.

Указанную способность высших организмов справедливо называют целеподобными формами поведения, отличая их от сознательной целевой деятельности человека, так как такие целеподобные действия имеют бессознательный или подсознательный характер, т. е. не являются результатом суждения о целесообразном или нецелесообразном. Однако эти целеподобные формы психики и поведения следует рассматривать как ближайшую предпосылку целевой деятельности человека. Целенаправленная деятельность, осуществляемая природой в процессе отбора и направленная на весь организм в целом, в целеподобной деятельности высших животных распространяется и на их психику.

Целевой характер мышления и поведения человека является скачком в развитии психики, новым качеством. Это качество выступает, во-первых, в том, что человек стремится к цели сознательно, на основе суждения, а не одного лишь импульса, т. е. что его стремление к цели находится под контролем его разума. Во-вторых, его целевая деятельность направлена не только на борьбу с природой в целях выживания, но и на изменение природы. В-третьих, задача преобразования среды включает в себя и совершенствование общественных отношений.

В нашей философской литературе целевой характер человеческого мышления и сознания иногда отождествляется с понятием сознательной деятельности или просто с сознанием. Г. Е. Глезерман пишет: «...в известном смысле вся деятельность людей, преследующих определенные цели, может рассматриваться как сознательная. Известно, что отличие человека от животного состоит,

между прочим, в том, что он действует сознательно, заранее ставя перед собой определенную цель»¹.

Второе предложение можно понять в том смысле, что сознательная деятельность есть всегда целевая деятельность. Это — не строго. Роль и место целевого момента в сознательной деятельности и в мышлении человека огромны. Однако отождествление всей сознательной деятельности с целевой, по нашему мнению, неоправданно. Целенаправленность лишь одна из многочисленных особенностей человеческого сознания. Не всякая сознательная деятельность имеет целенаправленный, опережающий, перспективный характер. Не каждое сознательное действие является стремлением к цели.

Понятийное мышление есть мышление сознательное. Но мышление в понятиях может быть (и во многих случаях является) сознанием существующего, наличного, т. е. имеет характер экзистенциальный или информационный. Чтение газеты есть акт сознательный. Читая газету, мы прежде всего просто знакомимся с тем, что происходит в мире и в нашей стране в настоящий момент. Но скажут нам: ведь мы разворачиваем газету с целью познакомиться с указанным. Значит, чтение газеты есть акт целевой. Такой вывод нелогичен. Когда засевают поле, совершают целевой акт, ибо это действие перспективное: закапывание зерен в землю при посеве имеет разумный смысл только в том случае, если надеются получить урожай. Чтение газеты есть акт информационный по своему существу, а посев — акт целевой. Обед есть акт не целевой, а пищевой, хотя и здесь имеет место стремление насытиться. Стремление к цели — получить информацию, насытиться и т. п. — присутствует во всех актах человеческой деятельности, но в ряде случаев не как выражение существа, содержания всех этих актов, а как побудительный их момент. Итак, целенаправленность не исчерпывает характеристики действий и мыслей человека, а является лишь их компонентом.

Все акты жизнедеятельности всякого живого существа направлены к некой объективной цели: сохранить жизнь этого существа или продолжить существование данного вида. Но эту объективную целесообразность,

¹ Г. Е. Глезерман. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967, стр. 24.

как уже сказано, следует отличать от сознательной цели, являющейся основным мотивом деятельности. И животное, и человек едят потому, что они голодны. Ими движет в этом акте не цель, а потребность. Объективной целью брака является деторождение, продолжение рода. Но субъективные побудительные мотивы вступления в брак, как известно, иные, чем увеличение численности населения. Итак, целевой деятельностью в строгом смысле этого слова мы называем лишь такую, которая в качестве основного своего мотива и своего смысла имеет осуществление сознательной, т. е. понятой, известной человеку цели как мыслимого будущего, достигаемого, а не наличного состояния. Целевая деятельность есть деятельность, опережающая наличную действительность, деятельность перспективная, а отнюдь не осознание наличной действительности и не удовлетворение непосредственных потребностей своего организма, своих чувств или даже разума.

Те же соображения можно высказать и касательно оценочного мышления и оценочной деятельности. Дегустация, т. е. определение качества и сравнительных достоинств вин, есть акт чувственно-вкусовой оценки, хотя включает и целевой момент. Смысл дегустации в том, чтобы установить критерии для расценки вин. Героизм есть акт нравственной оценки, прежде всего как именно данный, конкретный, осуществленный акт, а не как перспектива. Вообще понятие сознательной деятельности в целом включает в себя все перечисленные выше отличительные признаки сознания, в которые целевой характер входит лишь как один из этих признаков, не подменяющий остальные. Признак целевой деятельности есть лишь один среди других, а отнюдь не единственный отличительный признак сознания.

Как возможно научное, причинно-следственное понимание цели? Как ее объяснить материалистически? Здесь мы встречаемся с некоторыми трудностями, которые и послужили причиной того, что в марксистской литературе понятие цели в течение ряда лет считалось идеалистическим, хотя это понятие употребляли классики марксизма-ленинизма. Трудность понимания данного вопроса состоит в том, что, на первый взгляд, схема целевой деятельности противоречит схеме причинно-следственной (каузальной) связи. В самом деле, одним

из признаков последней является то, что причина предшествует действию (следствию). В целевой же деятельности цель помещается в будущем, т. е. произойдет позднее, чем направленное к достижению цели действие. Образно выражаясь, в каузальной схеме причина толкает вперед действие, а в целевой — цель, являющаяся причиной действия, «тащит» это действие вперед. Целевая деятельность, на первый взгляд, противоречит и материализму, так как цель, т. е. нечто мысленное, продукт сознания, идея, не существуя объективно, выступает как причина реального, материального движения. Однако эти «противоречия» снимаются при более глубоко взгляде на этот вопрос.

Цель, хотя и помещается мысленно в будущем, является побудительной причиной действия, т. е. появляется (хотя и в голове, а не в действительности) до начала действия, предшествует ему так же, как и в классической схеме причинности, «толкает» действие вперед. Не будущее «тянет» (ведь оно еще не существует), а мысль «толкает», побуждает к реальному осуществлению этой мысли. Сама же эта мысль (цель) является в свою очередь следствием реальной причины, вызвавшей эту мысль. Таким образом, вся разница между классической схемой причинности (причина — действие) и целевой схемой (причина — цель — действие) состоит в том, что реальная причина воздействует на следствие не непосредственно, а опосредуясь сознанием. Целесообразность, указывал К. Маркс, есть частный случай причинности. То же следует сказать и о целевом отношении.

Превращение идеального (мысли, цели) в реальное, материальное, как указывал В. И. Ленин, есть каждодневный факт и общественной, и личной жизни. Это превращение должно получить не только гносеологическое, но и энергетическое и информационное объяснение. Современная нейрофизиология и кибернетика ищут пути для разрешения вопроса о том, как возможно, что слабая энергия, заключенная в движении мысли, порождает большую энергию, заключенную в материальном действии. Подобные примеры наблюдаются в механике, когда, например, стартер заводит двигатель автомашины, развивающий несравненно большую энергию, чем та, которая заключена в работе стартера.

Отличительной особенностью сознания человека является, наконец, развитие общественного сознания, его сторон и форм: общественной психологии, идеологии, науки, искусства, морали, религии, философии. Общественное сознание есть не только достояние всего человечества, но и входит в содержание сознания каждого человека. Особенности сознания человека проявляются в функциях сознания.

3

ФУНКЦИИ СОЗНАНИЯ

Функции сознания — это такие его свойства, которые делают сознание *орудием*, инструментом познания, общения, практического действия. Орудие есть средство для действия, отличное от самого действия и его результатов. Именно в качестве таких орудий сознания функции его могут быть рассмотрены в онтологическом аспекте. Закономерности же и формы действия этих инструментов рассматриваются в гносеологии (поскольку они действуют в процессе познания) и в социологии (поскольку они являются также и орудиями общения)

В первой главе была показана эволюция развития психики, как одной из высших форм приспособления к природе и борьбы с ней. Далее было упомянуто, что сознание человека является орудием изменения естественной и социальной среды для удовлетворения потребностей, интересов и целей человека. Эта общая формулировка функционального назначения сознания должна быть конкретизирована, ибо она включает в себя несколько сторон, выражающих относительно различные функции.

Психика есть результат работы аппаратов высшей нервной деятельности. Последняя настроена на внешний мир, на ориентацию живого организма в природной обстановке. Соответственно фундаментальными, основными функциями психики являются *информационная* и *ориентировочная*. Высшей формой этих функций является *знание*. Основоположники марксизма писали: «Способ, каким существует сознание и каким нечто су-

существует для него, это — *знание*»¹. Не самосознание, не обращенная внутрь рефлексия, а именно знание, обращенность вовне — такова основная направленность сознания. Конечно, существует и самосознание, но оно является производным от указанной основной функции, что прекрасно было выражено в положении классиков, что человек осознает себя, лишь смотрясь в другого человека. «Сознание, — справедливо пишет Ф. И. Георгиев, — есть знание о внешнем мире и самом себе; вне знания сознание теряет смысл»².

«Знание о самом себе» далеко не исчерпывается личным самосознанием, т. е. сознанием собственного существования, отличия от других людей и наблюдением над своим внутренним миром. Оно включает также самосознание человечества, т. е. совокупность знаний об обществе и о человеке, как родовом и конкретно-историческом существе. Общество и человек как предмет изучения суть части внешнего мира. Поэтому самосознание общества является одновременно и частью знания вообще.

Итак, *коренная и главнейшая функция сознания есть получение знания о природе, обществе и человеке*. Поэтому, как справедливо пишет Ф. И. Георгиев, «суть сознания заключена в принципе отражения»³.

Отражательная функция сознания, повторяем, является самой общей и всеохватывающей его функцией. Однако отражение имеет различные стороны, имеющие свою специфику и связанные с этой спецификой другие, более специальные функции. Поэтому В. Н. Мясищев справедливо, на наш взгляд, указал на другую сторону и функцию сознания, а именно, что оно раскрывает *отношение* между человеком и действительностью. Он правильно замечает, что отражение и отношение нельзя противопоставлять друг другу. Ведь отражение есть вид

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 633.

² Ф. И. Георгиев. Сознание и принцип отражения. — «Философские науки», 1966, № 5, стр. 96.

³ Там же, стр. 97—98. Однако Ф. И. Георгиев, справедливо защищая ленинский принцип отражения от обвинений в его якобы «односторонности» и «недостаточности», напрасно, по нашему мнению, включает в этот принцип практику и другие стороны и функции сознания. Сознание переходит в практику. Практика, деятельность — это уже не сознание, хотя и совершается сознательно.

отношения между отражасмым и отражающим. С другой стороны, отношение между объектом и субъектом есть вид знания.

Сознание как отношение между объектом и субъектом присуще лишь человеку. К. Маркс писал, что животное в отличие от человека ни с чем не соотносится. В психике животных отсутствует отношение между объектом и субъектом, ибо они не субъекты. В их психике нет (или имеется лишь в зачатке) отделение субъекта от объекта, носителя жизнедеятельности от самой жизнедеятельности. Иными словами, у животных отсутствует субъективная сторона отношения. «Животное, — указывал К. Маркс, — непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает своёю свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности»¹.

Но животные не лишены способности отражения. Это показывает, что понятия отражения и отношения не совпадают между собой. Отражение есть отношение «в себе», объективно, но в психике животных оно не является отношением «для меня», субъективно. Животное не сознает своего отделения от отражаемого. Сознание человека является отношением и объективно и субъективно.

Итак, в сознании раскрывается отношение между объектом и субъектом. С этим связана, как справедливо указывает Ф. И. Георгиев², *творческая* функция сознания, понимаемая в широком смысле, как активное воздействие на окружающую человека действительность, изменение, преобразование этой действительности. Животные, растения, микроорганизмы изменяют внешний мир самим фактом своей жизнедеятельности. Однако это изменение нельзя считать творчеством, ибо оно лишено сознательной постановки целей.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 565.

² См. Ф. И. Георгиев. Сознание и принцип отражения. — «Философские науки», 1966, № 5, стр. 97.

Творческая деятельность, как и вся практика в целом, имеет своей основой не только отражение, но и указанное отношение, так как в этой деятельности человек должен сознавать свое отделение от объекта, свое противостояние ему как силе, которую надо преодолеть.

В понятии отражения фиксируется преимущественно воздействие объекта на субъект, а в понятии отношения применительно к сознанию — главным образом обратное воздействие субъекта на объект. Первая сторона воздействия определяет вторую. Поэтому отражение является основой отношения, взятого как практика и творческая деятельность.

Творчество, как и практика человека вообще, не тождественно с отражением как сущностью психического процесса. В своей сущности творчество есть акт сознательный (хотя содержит и интуитивный момент); психика же может быть и бессознательным процессом. Творческое сознание является моментом перехода от отражения к практике. Отражение в творческом сознании представляет собой образ создаваемого человеком, отличный от образа внешней действительности. Это образ того, что создает человек, а не природа; это образ будущего, а не наличного. Отражение наличной действительности есть лишь база, основа для творческого образа, его отправной пункт. Творчество есть создание нового, того, чего еще нет, поэтому оно не может быть исчерпано отражением даже при самом широком его понимании.

Важной функцией сознания является *оценка* явлений действительности (в том числе и совершаемого человеком). Как и творчество, оценка базируется на отражении, ибо, прежде чем что-либо оценивать, надо знать, что собой представляет предмет оценки. Но вместе с тем оценка является формой отношения человека к действительности. В сознании отражается все, что ему доступно по строению нейрофизиологического аппарата и по степени развития технических средств наблюдения и эксперимента. Оценка же производит выбор из всего того, что добывает знание. Оценивать — это значит подходить к действительности с точки зрения того, что нужно человеку. Это отношение особого рода. Здесь субъект, его потребности, интересы, цели, нормы и идеалы вы-

ступают как основания и критерии положительного или отрицательного отношения к объекту оценки. Поэтому оценочная функция сознания относительно самостоятельна, автономна.

Следует отличать рациональные оценки от оценок, даваемых на основании чувства и вкуса. Рациональные оценки обязательны. Таковы, например, оценочные суждения касательно логических выводов. Вывод из классического силлогизма о том, что если все люди смертны, то и я смертен, является правильным, а вывод, что я бессмертен, является ложным. Оценки «истинно» или «ложно» здесь общеобязательны. Я «не имею права» делать ложные выводы подобного рода, если я не хочу прослыть лишенным разума.

Таковы также математические выводы, основанные на логике, выводы на основании эксперимента, если этот эксперимент является решающим, и выводы гуманитарных наук, если они достаточно обоснованы фактически и логически.

Что же касается чувственных и вкусовых оценок, то они не являются общезначимыми. Известно, что одно и то же отражение, один и тот же образ вызывает различные чувства у разных людей и у одного и того же человека в различное время и в разных ситуациях. То же касается и вкусовых оценок. Характер оценки здесь зависит от индивидуальных особенностей человека, влияющих на его непосредственное восприятие. Если мне не нравится данная картина или внешность человека, то не обязательно я должен менять свою оценку в зависимости от мнения других людей. Поэтому и говорят: «О вкусах не спорят». Обоснованные рациональные оценки не могут быть оспариваемы, непосредственные же чувственные и вкусовые оценки, как погруженные в подсознательную, инстинктивную сферу, имеют силу только для данного индивида.

Однако это не значит, что чувственные и вкусовые оценки не могут быть рассмотрены с рациональной точки зрения. Мы этим нередко пользуемся, говоря: у него дурной или, наоборот, хороший вкус. Наличие у человека плохого вкуса имеет свои причины, которые могут быть вскрыты. Одна из задач искусствоведения и эстетики — исправление отсталых и дурных вкусов, формирование понимания истинных ценностей произведений

искусства, подъем вкуса на более высокий уровень, на коем можно и должно спорить о вкусах.

Когда кто-либо выступает против «вмешательства» общества и его органов в дела искусства, ему следует объяснить, что то или иное творение, если оно опубликовано (выставлено, напечатано, произнесено публично), становится уже не делом личного вкуса, а социальным фактором и что поэтому общество имеет право давать ему оценку с позиций его интересов. Необходимо лишь, чтобы этот общественный контроль был квалифицированным, а оценки обоснованными.

Указанные функции сознания, будучи относительно самостоятельными, выполняют служебную роль в отношении к практике. Они, так сказать, готовят решения человека о том, как надо практически действовать. Они способствуют формированию *регулятивно-управленческой* функции его сознания.

Сознание, как и вся психика человека в целом, существует в конечном счете для практики, для регулирования и управления поведением человека, его деятельностью. «...Образ, как и любое психическое явление, — пишет Л. М. Веккер, — выполняет прямую жизненную функцию *регулятора деятельности*, он оказывает соответствующее объективное воздействие на управляемый им рефлекторный эффект»¹. Регуляторное значение для осуществления действия образ имеет уже в непосредственно воспринимаемой действительности. Отражаемые психикой свойства объекта по своей значимости для организма различны: необходимые, полезные, вредные, безразличные. В зависимости от характера этих свойств осуществляются и различные реакции организма.

Еще большее значение имеют образы результата деятельности, образы ожидаемого (присущие, как доказывает современная физиология, высшей нервной деятельности, всем высшим организмам). Эти образы направляют деятельность живого организма к достижению ожидаемого результата. Наконец, в самом процессе деятельности происходит корректирование действия, если оно не обеспечивает достижения нужного результата.

¹ Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования. [Л.], 1964, стр. 31.

Регуляторно-управленческая функция присуща не только чувственным и моторным аппаратам психики. Еще в большей степени она характеризует сознательную деятельность. В производственной области функция управления различного рода машинами остается за человеком. Не менее важна роль сознания в области регулирования и управления социальными процессами, органами и учреждениями общества. Роль этой функции возрастает в условиях социалистического общества, преодолевающего стихийность в общественных процессах.

Краткий обзор функций сознания свидетельствует о диалектическом их характере, вытекающем из диалектической же природы сознания как единства объективного и субъективного, единства отражения и отношения, воздействия внешнего мира и «обратной связи» субъекта с объектом. Последние изыскания в области физиологии высшей нервной деятельности и психологии (упомянутая теория отношения, концепция «физиологии активности», теория установки Д. Н. Узнадзе и др.) исследуют преимущественно момент отношения, т. е. те процессы, которые происходят в психике и сознании под воздействием внешнего фактора отражения.

Понятие отношения применительно к человеческой психике не ревизует марксистского понимания сущности сознания как специфически человеческой формы отражения, но делает акцент на субъективной стороне отражательного процесса. Хотя в понятии отражения имплицитно содержится и отношение, однако выделение этого последнего в качестве особой категории плодотворно, так как фиксирует ту сторону отражения, которая до сих пор слабо разрабатывалась в нашей литературе.

Философское значение теории установки состоит в том, что она средствами психологического анализа конкретизирует фундаментальное положение В. И. Ленина о незеркальном характере познания и сознания. Известный ленинский тезис, что познание не является мертвым, зеркальным актом, предполагает наличие внутренних процессов психики, влияющих на результат отражения. Интересующий нас аспект теории установки фиксирует тот факт, что образ действительности претерпевает в психике различные модификации в зависимости от прошлого опыта вида и индивида, приобретен-

ного человеком путем воспитания, обучения и личных переживаний. Влияние этих различных форм опыта, в особенности вытекающих из положения человека в обществе, из его ближайшего окружения и связей, создает его «готовность» к восприятию одних явлений и психологическое нерасположение к восприятию других, его настроенность к тем или иным психическим состояниям и т. д.

«Физиология активности» рассматривает проблемы обратной афферентации, т. е. механизмов высшей нервной деятельности, обслуживающих переход к действию, предваряющих это действие и сопровождающих его.

4

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Психофизиологическая проблема в основном рассматривает вопрос об отношении между физиологической и психической стороной отражения, о переходе нейродинамики к субъективным процессам¹. Она является специальным выражением основного вопроса философии об отношении между материей и сознанием в применении его к отношению между нейрофизиологией и психикой.

Психофизиологическая проблема по самому своему существу объединяет и онтологический, и гносеологический аспекты: подвергая анализу две формы реальности — материальную и идеальную, она рассматривает взаимоотношение между ними. Но поскольку эта проблема рассматривает не вообще отношение между материей и сознанием, а лишь частный случай этого отношения, а именно отношение между физиологией и психикой человека, то она ставит и особые философские вопросы. Это вопросы: а) о материальности применительно к нейрофизиологическим процессам; б) об иде-

¹ В старой философской литературе эта проблема называлась психофизической. Понятие «физический» имело там смысл «естественного», «телесного». В настоящее время понятие «физический» приобрело более узкий и определенный смысл, связанный с явлениями и силами неорганической природы. Поэтому данная проблема теперь называется психофизиологической.

альности психических процессов и состояний; в) о соотношении физиологического (материального) и психического (идеального); г) о переходе материального в идеальное применительно к переходу физиологии высшей нервной деятельности в психику.

Классическое ленинское определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущении¹, является всесторонним (онтологическим и одновременно — гносеологическим). В этом определении заключается и понимание материи, как она есть сама по себе (объективная реальность) и как она относится к нашему сознанию (дана в ощущениях). В ней показана и связь этих двух аспектов: без понятия о материи «в себе» невозможно и ее истинное понимание «для нас». Но не наоборот: материя существует независимо от нас, от ее воздействия на сознание. Поэтому онтологическая сторона ленинского определения материи является основой гносеологической стороны.

Из одностороннего понимания материи как лишь гносеологической категории проистекает и ограниченная трактовка философии, сведение ее к гносеологии. Такое понимание философии является, на наш взгляд, неверным, так как по сути дела исключает из определения понятия материи ее объективный характер, ее независимость от сознания. Если гносеология рассматривает отношение материи и сознания, то такое отношение предполагает существование материи как объективной основы такого отношения.

Процессы высшей нервной деятельности являются материальными как по природе того вещества, в котором они протекают, так и потому, что они являются внешними для психики в том смысле, что они психически не переживаются. Психика есть отражение внешней, природной и общественной, действительности, а не того, что происходит в нервной системе, когда мы мыслим, чувствуем и т. д. Мы переживаем красоту солнечного восхода, доброту или жестокость поступков людей, истинность или ложность суждений и т. д., но не электрические и химические процессы, протекающие в нейродинамических аппаратах. Поэтому последние процессы,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 149.

хотя они происходят и внутри организма, являются формой объективной реальности, материальными.

Материя вместе с тем есть то, что дано в ощущении. Тезис о чувственном, вещественном характере материального критикуется философами, подменяющими философское понятие материи физическим. Материи, говорят они, нельзя приписывать признак вещественности или телесности, так как физические поля, будучи материальными, не являются ни телом, ни веществом.

Такой аргумент несостоятелен. «Вещество, материя, — писал Ф. Энгельс, — есть не что иное, как совокупность вещей, из которой абстрагировано это понятие...»¹. «...Такие слова, как «материя» и «движение», — отмечал он, — суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей»². «Мы отвлекаемся, — писал он далее, — от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи»³. Хотя приведенные высказывания были сделаны для обоснования другой мысли (о понятии материи как абстракции от конкретных вещей), однако в них ясно выражена мысль о телесной, вещественной природе материи.

В. И. Ленин также употреблял для характеристики материи понятия «физическое», «физическое бытие», «объективная реальность физического мира»⁴, указывал, что «движение тел превращается в природе в движение того, что не есть тело с постоянной массой...»⁵.

«Устарели» ли эти положения применительно к материи? Отнюдь нет. Открытие физических полей не меняет существа этих определений, ибо все они указывают на чувственный характер материи, данность ее в ощущениях. И при наличии полей ни тела, ни вещества не исчезают. «Лишать» же понятие материи ее чувственных, физических свойств — значит фактически превращать ее в идеальную конструкцию.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 550.

² Там же.

³ Там же, стр. 570.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 147—149, 239, 277.

⁵ Там же, стр. 297—298.

Отрицание или игнорирование чувственного характера материи — один из путей к идеалистической трактовке понятия материи. Религиозные идеологи понимают это. Для религиозного сознания бог есть объективная реальность. Но при этом они добавляют, что бог есть дух, а не материя, ибо «бога никтоже виде нигдеже» («бога никто нигде не видел»).

Психика же есть реальность субъективная. Эта форма реальности обозначается в философии термином «идеальное». В чем состоит идеальность психики?

«В своей противоположности материи психика выступает как *идеальное*, — пишет В. В. Орлов. — Идеальность психического означает, что психическое не является самостоятельной субстанцией, но есть *отражение* материальных (т. е. находящихся вне и независимо от сознания) предметов, которое осуществляется наиболее организованной материей. Если предметы и явления внешнего мира существуют в своей собственной вещественной, конкретно-чувственной форме, то их образы или отображения лишены вещественности и конкретно-чувственной осязаемости, т. е. являются бесплотными и бестелесными. Идеальное, выражаясь фигурально, — это предмет, *отчужденный от самого себя, существующий не в своей собственной конкретно-чувственной форме, а на базе вещества и процессов мозга*¹.

В этом определении правильно, на наш взгляд, выделены три признака идеального: а) оно является отражением материального; б) оно лишено пространственных, физико-химических и энергетических характеристик и в этом смысле «бесплотно»; в) оно существует не на своей вещественной базе, а на базе вещества нервной ткани.

Поясним последний признак. Материальный характер воздуха, например, определяется и исчерпывается свойствами, вытекающими из смешения в нем азота, кислорода, углерода, водорода и примесей некоторых других газов. Ощущения же, связанные с наличием воздуха, опосредуются свойствами нервной ткани и устройством рецепторов (органов чувств). Эти ощущения, хотя они отражают свойства газов воздуха, все же являются не свойством этих газов, а свойством нервной системы.

¹ В. В. Орлов. Психофизиологическая проблема, стр. 155.

В. В. Орлов справедливо считает, что «идеальность сознания (и психики вообще) выводится из онтологического и гносеологического планов, взятых в их диалектическом единстве»¹. Понятие идеальности является общей характеристикой сознания и психики в целом. Поэтому «сознание (психическое вообще) должно рассматриваться как *идеальная* деятельность *материального* мозга»². «Мозг осуществляет не только материальную, но и духовную деятельность»³.

Отождествление понятий идеального и духовного вполне закономерно. Классики марксизма употребляли понятия «дух», «духовная жизнь» и т. п., несмотря на захватанность этих понятий религией и идеализмом. Весь вопрос заключается в том смысле, какой мы вкладываем в эти понятия. Марксистские философы употребляют понятие души в смысле цельности психической жизни личности. Однако, по нашему мнению, ввиду многозначности понятия духовного понятие идеального предпочтительнее: оно имеет более определенный смысл, а именно смысл отражения, опосредованного бытия, обладающего иными характеристиками, чем физическое или физиологическое, непосредственное бытие.

Рассмотрим теперь вопрос о соотношении физиологического (материального) и психического (идеального). Соотношение между этими группами явлений зависит от их различий. Это, во-первых, различие генетическое, ибо, как показано выше, психическое возникает на базе физиологической ступени отражения.

Раздражимость, характеризующая допсихическую форму отражения, представляет собой изменение состояний организма, но она не содержит еще в себе образов внешней действительности, что является характерным признаком психического отражения. Содержанием раздражимости являются переживания, связанные с изменением состояний самого отражающего организма, а содержанием психического отражения является переживание свойств внешней, отображаемой среды.

Указанное различие является, во-вторых, не только генетическим, историческим, но и «логическим», т. е. различием в самом существе, в содержании обеих форм

¹ В. В. Орлов. Психофизиологическая проблема, стр. 192.

² Там же, стр. 178.

³ Там же.

отражения. Оно сохраняется на всех ступенях формирования психики, включая и человека.

Образы внешней действительности на различных уровнях становления психики имеют неодинаковую степень адекватности этой действительности в связи с различной степенью развития, обеспечивающего отражение нейрофизиологических аппаратов и структур. В человеческом сознании они достигают наивысшей степени адекватности (четкости, дифференцированности, разносторонности, глубины и пр.) отражения. Но во всех случаях содержание психики состоит не в том, что происходит в органах нервной системы, когда мы видим, слышим, мыслим и т. д., а в самом этом видимом и слышимом, в совокупности тех образов, мыслей и чувств, которые возбуждает в нас воздействующий на нашу нервную организацию внешний мир. Сущность, природа психического вообще и сознания в частности в том, что они являются субъективным образом объективного мира. Этот образ не может быть вполне адекватным внешней действительности, ибо он ограничен устройством и степенью совершенства нервной организации, общей всем людям, а также так называемыми установками, т. е. теми образованиями, которые создаются в психике на базе прошлого опыта личности (оценки, ориентации) и через которые проходит и «просеивается» отражение, и (последнее по счету, но не по важности) социальными условиями, уровнем научной техники и пр. Однако сознавать — это значит все же отражать, познавать и оценивать внешнюю действительность.

Физиологические процессы являются основой всей психики не только в указанном генетическом плане и не только в том смысле, что они определяют простейшие процессы психики. Эти процессы являются *морфологическим и энергетическим механизмом психики и сознания* на всех их уровнях, включая и самые высшие духовные функции. Нет и не может быть ни малейшего движения души человека, которая не была бы психической формой деятельности нейрофизиологического аппарата. Мышление отягощено материей, писали классики марксизма. Кто не признает этого, тот порывает с материализмом.

Следует отличать вопрос о физиологической основе

сознания от вопроса о содержании сознания (т. е. от того, что в нем содержится) и от вопроса о детерминации сознания. Сознание содержит в себе образы и суждения о природе, обществе и человеке. Оно детерминировано не только физиологически, но и социально, определяясь *качеством, характером этих раздражителей*, в том числе и условиями общественной жизни, а также *характером связи* социальных раздражителей, выражаемых в законах *гносеологии и логики*. Ведь законы этих областей должны быть адекватны характеру связей внешнего, в том числе и социального, мира. Поэтому понятия, которыми мы оперируем в учении о сознании, не только физиологические и психологические, но и гносеологические и логические. Человек мыслит, оценивает, действует.

Законы мышления — важнейшей функции сознания — несводимы к законам рефлекторной деятельности, хотя они невозможны без способности нервной ткани к осуществлению последних процессов. Законы мышления формулируются не физиологией и не психологией, но логикой и теорией познания и по своему характеру являются обобщенным и превращенным отражением законов внешнего мира, а не внутренних законов физиологического процесса. Содержание того или иного понятия — это обобщенная сводка свойств (признаков) предмета, фиксируемого понятием. Суждение — это фиксация связей между явлениями (понятиями), о которых высказывается суждение, и т. д. Законы логики, гносеологии, социологии, истории не заключают в себе ни зерна физиологических процессов, хотя они осуществляются людьми, являющимися физиологическими системами.

Хотя сознание человека, как мы говорили, детерминировано не только физиологически, но и психологически и социально¹, но ни психологическая деятельность, ни социальная жизнь не могли до сих пор создать ни одной молекулы нервной ткани, движение которой и создает психику и сознание. Каждая ступень развития психики имеет свой физиологический аппарат со своими особыми закономерностями.

¹ Социальная обусловленность сознания, как было указано, в этом совместном действии различных факторов является главной, так как она определяет содержание сознания.

Психика же, будучи внутренней, субъективной стороной работы этих аппаратов, функционирует по своим внутренним законам. Непонимание этого обстоятельства в недавнем прошлом толкало некоторых ученых к отрицанию психологической науки как особой отрасли знания, к сведению ее к физиологии высшей нервной деятельности. Психология — это наука о процессах, состояниях и формах психической жизни, взятых как таковые. Она в основном отвлекается от порождающих эти процессы состояний и форм деятельности физиологического аппарата.

Правомерно ли психологической науке рассматривать и изучать, например, аффекты, типы темпераментов и т. п., как таковые, не рассматривая подробно, как физиологически определены эти процессы и состояния? Может ли педагогическая наука изучать особенности детской психологии в известном отвлечении от физиологического развития детей? Имеются ли основания у философии разрабатывать теорию познания, абстрагируясь от физиологии? Вообще говоря, можно ли изучать явления, отвлекаясь от механизмов, лежащих в их основе? Можно ли судить о красоте картины, не думая о химии красок, которыми она написана, или о технике наложения этих красок на полотно? Да, в определенных границах и целях это можно и необходимо делать. Если в последнем примере зритель может осуществить такое отвлечение, то художнику, историку искусства и реставратору это не удастся. Современная психология все больше контактируется с физиологической наукой, и это вполне закономерно, но такое положение не означает в перспективе полного слияния этих наук, так как психология, философия, социология и пр. изучают не физиологический процесс, а продукты этого процесса.

Классики марксизма отмечали, что сознание есть *продукт* деятельности мозга. Мы уже пытались обратить внимание читателя на значение в этой формуле понятия «продукт». Следует различать процесс и продукт как результат этого процесса. Ткань отличается от процесса ткачества. Движение автомашины отличается от работы механизмов машины. Садясь в такси, я интересуюсь не работой двигателя (это забота шофера), а лишь ее результатом (доставкой меня на место назначения). Подобно этому, когда я мыслю или чувствую,

меня интересует (если я не нейрофизиолог) не то, что происходит в моих нервных тканях, а продукт их работы, а именно само содержание моих мыслей и чувств, содержание сознания.

Каждый процесс имеет своим результатом определенный продукт. «Продуктами» высшей нервной деятельности являются раздражимость, возбуждение и торможение, безусловные и условные рефлексы. «Продукты» психики выражены в понятиях психологической науки. Высшими продуктами психики являются формы индивидуального и общественного сознания: обыденное, научное, моральное, религиозное, художественное, философское и пр. Эти формы психики возникают, подчиняясь закономерностям физиологии и психологии. Признание этого факта столь же очевидно, как и то, что изображение в телевизоре подчиняется законам физики. Сознание есть именно продукт деятельности мозга. Это значит не только то, что оно имеет своего материального носителя, но что сущность сознания состоит в его содержании как совокупности образов и понятий о внешнем мире, а не в физиолого-психологическом процессе, в котором оно порождается.

Интересные соображения о физиологическом и психическом различии в соотношении между процессом и продуктом (результатом) в деятельности человеческого организма высказал Л. М. Веккер. Он различает два класса функций этого организма. Основанием этого деления являются «взаимоотношения между функцией и ее органом, или, говоря конкретнее, между итоговым характером соответствующей функции и процессом, протекающим в ее органе. К первому из двух различающихся между собой по этому признаку классов относятся те функции, в которых процесс, протекающий в органе данной функции и являющийся механизмом ее осуществления, прямо и непосредственно связан с конечной, результативной характеристикой самой этой функции.

Так, если мы возьмем мышечное движение, то процесс взаимодействия между слоями мышечного волокна явным образом ведет к своему результату — сокращению мышечной ткани»¹. «Такое же соотношение мы

¹ Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования, стр. 17—18.

находим в дыхательных, сосудистых, секреторных и других актах деятельности внутренних органов человеческого или животного организма»¹.

Здесь «и механизм и результат отнесены к органу данной функции. Такого рода отношение между функцией и ее органом в своей принципиальной сущности вполне соответствует общему характеру связи между свойством и его носителем в любом физическом явлении»². «Это телесные акты»³.

В другом классе функций «внутренний механизм ощущения и его конечный результат — само ощущение явно отнесены в этом случае к различным предметам: механизм — к органу данной функции, а конечный, итоговый результат работы этого механизма — к внешнему предмету, который воздействует на орган и является объектом восприятия»⁴.

«Конечное выражение соответствующих функций представляет человеку *объекты*, внешние по отношению к органу этих функций и обладающие самостоятельной и независимой реальностью»⁵.

Примерами этого класса соотношений между органом и функцией являются глаз и зрение, ухо и слух, ощущение, восприятие, мысли, эмоции. Это — психические явления.

Сознание человека отличается от физиологических процессов и психики животных также и по *предмету отражения*. Предметом отражения в человеческом сознании являются природа и общество. Отражение общественных условий и межиндивидуальных отношений людей определяет и особенности человеческого сознания. Поэтому положение, что без общественной жизни не было бы и сознания, правильно, так же как и положение, что сознание есть социальный продукт. Однако это не означает, что психика и сознание генетически и функционально не являются одновременно продуктом физиологических процессов, продуктом деятельности мозга. Указанные две формулы марксизма (о сознании

¹ Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования, стр. 18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же.

как продукте деятельности мозга и о социальной природе сознания) подчеркивают разные стороны одного вопроса.

Психика животных (за исключением домашних) отражает только условия природы. Поэтому неправомерно говорить о социальной психике вообще, а лишь о социальном характере человеческой психики в смысле предмета его отражения и его особенностей, развивающихся под воздействием общественной жизни. Что же касается физиологических процессов у человека, то и они, разумеется, также испытывают влияние общественной жизни, в которой живет человек. Достаточно указать на появление и развитие второй сигнальной системы действительности. Современная нейрофизиология отмечает это влияние на все процессы высшей нервной деятельности, хотя оно и не приводит к коренным изменениям в физиологии человека. Человек есть организм с теми же в основном биологическими закономерностями, как и всякий живой организм. Поэтому закономерности человеческой физиологии не выходят за границы естествознания.

Итак, ответ на вопрос о соотношении между физиологическими и психическими процессами, взятый в его философском, а не специально-научном аспекте, должен быть таков: психика, возникая генетически и функционально на основе высшей нервной деятельности, имеет собственные закономерности субъективных состояний, процессов и переживаний, несводимых к законам нейрофизиологии, хотя и являющихся продуктом функционирования последней.

Закономерности психики несводимы также и к законам природы и общества, отражаемым ею. Образ облака в небе — это не нервный импульс, а предметный концепт, с одной стороны, и не скопление водяных паров — с другой. Но этот образ обусловлен и тем и другим. Закономерности психики определяются со стороны своей внутренней материальной основы свойствами нервной ткани и нервной системы, а со стороны своего содержания — свойствами и связями отражаемых психикой явлений внешнего мира.

Эта двоякая зависимость идеального от материального, зависимость первого от физиологии организма и от внешней материальной деятельности является од-

ним из фундаментальных принципов психофизиологической проблемы.

Остановимся, наконец, на вопросе о переходе от физиологического к психическому. Сам факт этого перехода, как частный случай превращения материального в идеальное, наблюдается повседневно и повсеместно. На факт и значение превращения материального в идеальное и обратно неоднократно указывал В. И. Ленин. Поэтому подвергать сомнению сам этот факт, к чему склоняется, на наш взгляд, В. В. Орлов¹, нет оснований.

Фактически снимает эту проблему и В. И. Мальцев, считая, что «воздействие психического процесса на физиологический есть всегда воздействие одного соответствующего ему физиологического процесса на другой нервно-физиологический процесс или же на физиологические отправления внемозговых органов (желудка, сердца и др.) и мышцы нашего тела»². В. И. Мальцев ссылается на высказывание И. П. Павлова, что психическое является свойством нервного физиологического процесса в мозгу. Но этот тезис не дает основания для отождествления физиологического и психического, он только констатирует, что у психики как свойства есть материальный субстрат, коим являются физиологические процессы.

Нервная ткань и вся система высшей нервной деятельности, действительно, отличается тем, что обладает свойством порождать образы внешнего мира и производные от них образы мира внутреннего. Положение И. П. Павлова вполне точно выражает соотношение нейрофизиологии и психики, хотя и не дает определения природы последней. Процесс отражения состоит именно в превращении материального в идеальное. Обратный же процесс осуществляется в практике. Но что именно происходит в первом процессе в нервной системе человека?

В решении этой проблемы, как нам представляется, важно различать две стороны: принципиально-теоретическую и экспериментальную. Первая сторона вопроса состоит в следующем: появляется ли в процессе психи-

¹ См. В. В. Орлов. Психофизиологическая проблема, стр. 325.

² В. И. Мальцев. Еще раз о понимании психики.—«Философские науки», 1968, № 1, стр. 87.

ческого отражения нечто качественно новое сравнительно с тем, что имеется в физиологическом отражении?

Сказанное выше уже дает утвердительный ответ на этот вопрос. Качественно новое состоит здесь в том, что психические процессы и состояния являются отражением предметов и свойств внешнего мира, а не самих физиологических процессов. При восприятии воздействий внешнего мира в организме человека, в его нервной системе происходит *двойное преобразование* (или кодирование) действительности. Первое осуществляется рецепторами и анализаторами (точнее, всей системой высшей нервной деятельности): действительность преобразуется, кодируется в нервные импульсы, в хеомоэлектрические процессы. Такое преобразование совершенно необходимо в силу того, что действительность не может «поместиться» в организме. Она должна быть преобразована во внутреннее свойство организма и изменить все свои параметры, превратиться в подобие, в модель. Но это лишь первая, физиологическая модель. Она осуществляет превращение внешнего объекта во внутреннее состояние нервной системы, но не обеспечивает внутреннего переживания этого объекта. Ведь, как было указано, нейрофизиологические процессы не переживаются нами в восприятии.

Поэтому необходимо второе преобразование явлений внешнего мира: *физиологический код должен превратиться в психический*. Объективный физиологический процесс должен преобразоваться в субъективный. Поэтому физиологические и психические процессы — это не одно и то же, и науки, изучающие их, — физиология высшей нервной деятельности и психология — тоже суть различные науки, каждая со своим категориальным аппаратом.

Сказанное здесь уже отмечено рядом исследователей. «Психика, — пишет О. Ф. Фролова, — не прямое порождение физиологии и, тем более, не отражает того, что происходит в мозгу»¹. «Энергия внешнего раздражения как процесс физический трансформируется не в нечто нереальное, объективно не существующее, а в нервный физиологический процесс, на основе которого возникает

¹ О. Ф. Фролова. Психическое и физиологическое. — «Философские науки», 1968, № 1, стр. 93.

«факт сознания» как внутреннее субъективное состояние, которое испытывает человек при воздействии окружающего мира на органы чувств. Объективно в мозгу происходят определенные нервно-физиологические процессы, а субъективно в это время человек, например, видит сосновый бор, чувствует запах смолы и хвои, испытывает наслаждение от созерцания прекрасной картины природы, т. е. идеально отражает материальный мир»¹.

«Наши органы чувств (рецепторы)... — пишет В. Черемушкин, — это устройства, преобразующие внешние воздействия в нервные сигналы-коды.

Затем нервный сигнал-код преобразуется при расшифровке в психическое изображение»².

Некоторые философы возражают против подобных взглядов на том основании, что они якобы являются «одним из вариантов дуализма»³. С нашей точки зрения, это возражение не обосновано, ибо в указанной концепции речь идет не о двух субстанциях, воздействующих одна на другую, или переходящих одна в другую, или построенных одна на другой, а о двух (объективно-физиологической и субъективно-психической) сторонах одного и того же процесса превращения энергии внешнего раздражения в факт сознания, опосредуемого физиологическими актами, в которых психика находит свою материальную основу. Такое понимание является одновременно материалистическим и диалектическим, ибо рассматриваемый процесс выступает как единство материального и идеального на основе материального.

Теоретический подход не исчерпывает данного вопроса, так как требуется экспериментально раскрыть внутренний механизм превращения материального в идеальное. Поскольку это превращение является естественным процессом, то такой механизм должен корениться в свойствах рецепторов или нервных тканей. Но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашего изложения. Это еще не разрешенная, перспективная задача нейрофизиологии и психологии.

¹ В. И. Мальцев. Еще раз о понимании психики. — «Философские науки», 1968, № 1, стр. 86—87.

² В. Черемушкин. Психология и техника. — «Ленинградская правда», 18 мая 1965 г.

³ Э. З. Флизов. Обратное воздействие психического на соматическое. — «Философские науки», 1965, № 6, стр. 94—95.

Активность сознания, как и его уже рассмотренные функции, является реальным свойством сознания, вытекающим из природы последнего и «работающим» на различных уровнях: сенсорном, понятийном и социальном. Поэтому активность сознания может быть рассмотрена в онтологическом плане, отвлечена (абстрагирована) от ее частных форм и проявлений и исследована, как таковая.

Психика вообще и сознание человека в частности обладают рядом свойств, проистекающих из их назначения в процессе органической эволюции и роли в общественной жизни. Из этих многообразных качеств можно выделить два атрибута психики: свойства *отражения и активности*¹. «...Активность, — писал Н. А. Бернштейн, — выступает как наиболее общая, всеохватывающая характеристика живых организмов и систем...»².

Отражение наиболее адекватно выражает природу, сущность психики, без коей невозможно выполнение ее назначения как орудия ориентировки организма в его жизненных условиях; активность же психики является основным внутренним условием для осуществления этого назначения. Для животного важно не только получить сигнал о присутствии пищи или врага, но и схватить пищу или отразить нападение врага. Отражение не имело бы биологического смысла без активности. Это общее соображение находит в настоящее время подтверждение в современных исследованиях механизмов высшей нервной деятельности, в особенности в теории «физиологии активности», разработанной в трудах П. К. Анохина и Н. А. Бернштейна.

В основе физиологии активности лежат идеи продолжателей учения И. П. Павлова о приспособлении организма к среде, о том, что «уравновешивания» организма

¹ Отражение есть свойство всей природы; оно же выступает как сущность психики. Активность также присуща всей материи; в живой природе, в психике и в сознании эта универсальная активность проявляется в специфических формах, без коих невозможно само существование живого. Общие свойства природы существуют в своих особенных проявлениях.

² Н. А. Бернштейн. На путях к биологии активности.—«Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 70.

со средой недостаточно для понимания жизнедеятельности и психики, так как при этом психике отводится пассивная роль. «...Современная физиология активности, — писал Н. А. Бернштейн, — выдвигает существенно иной тезис: жизнедеятельность и поведение организма обуславливаются не *уравновешиванием* со средой, а *преодолением среды* в своем движении по пути жизни. В самом основном его ведет *модель потребного ему будущего*, повинаясь которой организм, так сказать, не придает значения тому, приходится ли ему в направлении к намеченной цели двигаться «по течению» или «против течения»»¹.

Перед осуществлением действия и в ходе самого действия живой организм «руководится» представлением о результате этого действия. Таким образом, организм не пассивно подчиняется «давлению» внешней среды, а действует, исходя из указанного представления, в тех или иных случаях и противодействует внешней среде.

Модель потребного будущего («предвосхищающая модель», по терминологии П. К. Анохина) выступает как неосознанная (у животного) или осознанная (у человека) цель, к осуществлению которой стремится организм в своих действиях. Жизнедеятельность организма имеет целеустремленный характер. «А вся динамика целеустремленной борьбы посредством целесообразных механизмов есть комплекс, который правильнее всего объединить под термином *«активность»*»².

Гипотеза о наличии у животных указанной модели исходит из ряда экспериментальных фактов, одним из которых является сенсорная коррекция, т. е. способность организма в ходе действия контролировать движение, управлять им, изменять, «поправлять» движение соответственно имеющемуся представлению о конечной цели действия. Организм в ходе действия все время следит за тем, соответствует ли это действие приближению к цели, непрерывно сравнивает достигнутые результаты с окончательной целью действия, с моделью будущего. Эта же модель определяет и выбор характера действия перед началом последнего.

¹ Н. А. Бернштейн. На путях к биологии активности.—«Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 72.

² Там же, стр. 69—70.

Такое учение о физиологических аппаратах, управляющих произвольными действиями животного и человека, предполагает, как было уже указано, изменение представлений о рефлекторной дуге. Если рефлекторная система включает физиологические аппараты, аналогичные механизмам «обратной связи» в автоматических устройствах, то рефлекторная дуга превращается в рефлекторное кольцо.

Сознание человека как высшая форма психики имеет еще более сложное назначение — преобразование внешнего и внутреннего мира человека в целях общественной жизни. Выполнение этого объективного назначения поднимает значение активности сознания на неизмеримо большую высоту, чем активность психики животных. Последняя является основой и элементарной формой активности, а активность сознания — ее высшей формой.

Активность психики не следует считать признаком лишь сознательной и человечески целенаправленной деятельности. Сознательные, подсознательные и автоматические действия переходят друг в друга, и все служат в конечном счете практическому назначению. Однако активность сознания наиболее полно проявляется в человечески целенаправленных действиях, осуществляющих изменение действительности.

Проблема активности сознания не только нейрофизиологическая и психологическая, но и философская проблема, связанная с самими основами мировоззрения. Согласно Библии, бог, сотворив тело человека, «вдунул в него душу живу», ибо без нее тело человека оставалось недвижимым и пассивным. В ряде идеалистических теорий активность рассматривается так же, как субстанциональное качество «души», духовного начала, приводящего в движение косную материю. Движение, как наиболее явный признак жизни, приписывается особой субстанции и в произведениях народного творчества, фольклора. В русских народных сказках, например, разрубленное на части тело богатыря вначале опрыскивается «мертвой водой», сращивающей части тела воедино, а потом «живой водой», которая возвращает этому телу движение и жизнь. Здесь тело, хотя и целое, тоже пассивно, мертво, требует еще «дополнительного» для жизни субстрата.

Материалистическое мировоззрение, отрицающее су-

ществование духовного начала как особой субстанции, неразрывно связано с признанием активности как свойства всего живого. Более того, как было указано, активность, жизненность являются свойствами всей природы. Поэтому проблему активности вообще и активность сознания необходимо рассматривать в широком философском смысле, что, конечно, не исключает и ее специального, более узкого аспекта в той или иной науке.

Но проблема активности сознания связана с философией не только в указанном смысле. Если рассматривать активность сознания как рефлекс или реакцию, равную в энергетическом и содержательном отношениях импульсу, то это приведет фактически к отрицанию активности сознания. Ведь в процессе активности вносится нечто новое сравнительно с импульсом. Если бы действие здесь было равно причине, то вся проблема активности потеряла бы свой смысл. Энергетического равенства между мыслью и действием нет. Спортсмену, чтобы поднять штангу, требуется затратить огромное количество энергии. Для мысли же о подъеме штанги нужно лишь ничтожное количество энергии. Поэтому в современной нейрофизиологии психические воздействия рассматриваются как «заводной механизм», аналогичный по своей функции роли стартера автомашины. По своему содержанию активность сознания также нельзя сводить к внешнему воздействию на психику. Результат воздействия определяется не только этим воздействием, но и способностью «приемника» преобразовать последнее и количественно, и качественно. Физиологическое, психологическое и философское исследования активности сознания должны теоретически обосновать несомненный эмпирический факт внесения сознанием новых факторов в процесс отражения, творческую (в самом широком смысле этого слова) роль сознания.

Фундаментальное положение марксистско-ленинской гносеологии о незеркальном характере отражения является принципиальной основой разработки этого вопроса¹. Однако этот принцип лишь путь для выяснения конкретных механизмов активности сознания. В изучении этих механизмов должны принять участие не

¹ См. А. В. Петровский. Проблема активности сознания в истории советской психологии.—«Проблемы сознания». Материалы симпозиума. М., 1966, стр. 173.

только физиология высшей нервной деятельности и психология (общая и социальная), но и социология. Ряд социально-психологических факторов, относящихся к механизму активности, имеет не только психологическую, но и социальную природу и детерминацию. Комплексный характер исследования активности сознания имеет своей объективной основой единство трех детерминаций психики человека: нейрофизиологической, психологической и социальной. Эти детерминаторы, «работа» на разных уровнях, в то же время несводимы друг к другу.

Из комплекса многообразных источников активности сознания следует выделить потребности, интересы, цели и убеждения человека. Перечисленные явления *порождают* активность, являются ее основаниями, «генераторами» активности. Человек действует либо на основании потребностей своего тела, либо на основании интересов и целей своего общества, класса или другой социальной группы, поскольку эти интересы и цели стали его собственными убеждениями, либо, наконец, побуждаемый к действию требованиями общества, государства или социального коллектива.

Активность сознания нельзя рассматривать лишь в плане ее внешнего проявления в деятельности, как рассматривает ее бихевиористская психология. Всякая деятельность опосредуется предварительно сознанием (или подсознательными психическими процессами и состояниями), является результатом этого опосредования и, как уже сказано, не всегда адекватна непосредственному воздействию. Поэтому активность следует изучать не только «снаружи» (т. е. как действие, практику), но и «изнутри» (т. е. как внутренние процессы психики).

Активность сознания выражается как в форме внутреннего напряжения сознания (сила мысли, чувств и воли), так и в форме внешнего ее проявления (деятельности). Таким образом, активность сознания (оставляя в стороне подкорковые формы активности) проявляется как в мышлении, так и на практике.

Положение теории познания о том, что «мышление переходит в практику», будучи правильным, не может, однако, объяснить конкретного механизма данного перехода, ибо далеко не все, что познается, переходит в практику, осуществляется в ней. А то из познанного, что и

переходит в практику, либо этой практикой используется, либо отвергается, либо преодолевается. Таким образом, между количеством и содержанием информации, заключенной во внешнем воздействии, и силой и характером активности человека нет однозначной зависимости и полного качественного соответствия. В этих фундаментальных для теории активности фактах еще раз проявляется незеркальный, немеханический характер отражения действительности сознанием и сложный механизм переработки отражения в сознании.

Самая общая схема взаимоотношения между внешним миром и человеком может быть выражена формулой: объект — сознание — действие. (Если мысль не переходит в действие, то эта схема ограничивается двумя первыми членами.) Нас в настоящем случае интересует, что происходит во втором члене указанной цепочки — в сознании, поскольку его содержание переходит в практику. Первый акт здесь — познание свойств объекта (в той мере, в какой оно возможно при унаследованном человеком устройстве его нейрофизиологического и психологического аппарата и данном уровне науки и научной техники). Второй акт — оценка познанного «материала» с точки зрения человеческих (биологических и общественных) потребностей, интересов, целей, норм, убеждений, идеалов, установок, ориентаций и пр. Как уже сказано, далеко не все, что получено познавательным аппаратом человека, используется на практике, а лишь то, что необходимо и полезно. Иными словами, в сознании на основе познанных свойств объекта осуществляется отбор этого «нужного», отделение последнего от ненужного и от вредного. Необходимое направляется для использования на практике (в непосредственном виде или для переработки); вредное уничтожается или преодолевается; бесполезное исключается из практики, отбрасывается.

Таким образом, формула: «познание — практика» должна быть конкретизирована в схеме: «познание — оценка — практика»¹. Принципиальная основа такой

¹ То, что в данной схеме познание стоит впереди практики, не противоречит положению марксизма об определяющей роли практики в познании. Практика имеет циклический характер. Познание определяется практикой предыдущего цикла, что видно из схемы двух циклов: познание — оценка — практика; познание —

схемы дана в положении В. И. Ленина, что практика является определителем того, что «нужно человеку» и в его учении о классовом, партийном подходе к познанию идеологических явлений. Человек познает все, что ему доступно, но в практике, в деятельности использует лишь часть познанного. Классовый, партийный подход марксизма к идеологическим явлениям состоит именно в отборе и защите тех идей, которые соответствуют интересам и целям рабочего класса и трудящихся, в борьбе против враждебных идей.

Знание в общем одинаково для всех классов; идеология различна у антагонистических классов, ибо идеология есть знание, прошедшее в классовом обществе партийно-классовую оценку и отбор.

Идеология, рассматриваемая в этом отношении, есть система идейных ценностей. Убеждение есть личное внутреннее освоение этих ценностей, превращение их в свои ценности.

Оценка является средним звеном между познанием и практикой. Ценностное отношение следует отличать от познавательного как относительно самостоятельное свойство сознания и необходимую предпосылку активности. Неценное, бесполезное никто не потрудится даже поднять с земли. Итак, те явления внешнего или внутреннего мира, которые общество, группа или отдельная личность относят к нужным, полезным и пр., называются их ценностями; остальные (вредные или бесполезные) — неценностями. Активность людей направлена на использование, сохранение и развитие ценностей или того, что может стать таковыми; активность людей в отношении вредных явлений направлена на их устранение и имеет поэтому качественно иной характер. Бесполезные явления не вызывают ни положительной, ни негативной активности.

Таким образом, активность сознания имеет свои предпосылки, расположенные как бы в двух «этажах». Внизу, в качестве первого «этажа», находятся потребно-

оценка — практика. Познание и оценка являются внутренними, относительно самостоятельными моментами каждого цикла, обеспечивая целесообразный характер практики. Таким образом, познание и оценка определяются практикой как в данной схеме, так и в общем смысле тех соотношений между теорией и практикой, какие формулируются марксистской гносеологией.

сти (естественные, искусственные и культурные), интересы (общечеловеческие, общеисторические, возрастные и конкретно-исторические: классовые, национальные и пр.) и связанные с ними цели, нормы, идеалы и т. д. Второй «этаж» составляют различные оценки, имеющие своим основанием и критериями социально-психические явления нижнего «этажа».

Данный анализ, будучи весьма общим, показывает, однако, роль ценностного отношения и актов оценки в активности сознания, а также недостаточность прямого выведения активности из потребностей, интересов и убеждений, как это делается иногда в нашей литературе. В самом деле, не все потребности человека могут быть удовлетворены или целесообразно их удовлетворять в условиях общественных и личных установок и ориентаций. Половая потребность подавляется аскетом из религиозных установок. От потребности в мясной пище вегетарианцы отказываются из «гуманистических» или медицинских соображений. Стяжательство и другие пережитки прошлого подавляются условиями и законами социалистического общества.

Поэтому потребности еще до своей реализации контролируются сознанием: они оцениваются с точки зрения возможностей удовлетворения, соответствия удовлетворения данной потребности моральным и юридическим нормам, общественному мнению, общественным и личным интересам и т. д. и в зависимости от них вызывают различную степень активности.

Интересы человека также контролируются сознанием и оцениваются им в процессе деятельности. Реализация политических интересов подчиняется соображениям целесообразности тех или иных политических актов в определенных условиях соотношения классовых сил. Научные интересы регулируются не только уровнем научной техники, но и оценкой практической актуальности и научного значения той или иной проблемы. Образно выражаясь, потребности, интересы, цели и пр. выступают в качестве генераторов, а познание и оценка — в качестве регуляторов активности. Рассудочный, идейный и оценочный контроль сознания ставит перед человеком вопросы: действительно ли данное желание или акт ему необходим и в какой степени и форме он необходим? Действительно ли это представляет его подлинный инте-

рес? Можно ли эту потребность удовлетворить и в какой именно мере? и т.д.

Степень активности сознания и, соответственно, активности деятельности уже прямо пропорциональна степени ценности или неценности явления, как они (ценность или неценность) представляются людям, их общностям или отдельной личности. Конечно, мнение людей о ценности или неценности может и не совпадать с соответственными объективными качествами вещей и явлений.

Итак, решение проблемы активности сознания, взятой в ее гносеологическом и социологическом аспектах, должно, по нашему мнению, исходить прежде всего из различения внутренней активности (активности сознания и подсознательных факторов и феноменов) и внешней активности (деятельности, практики). Первая форма является предпосылкой и подготовкой второй. Внутренняя активность в свою очередь состоит из ряда звеньев: потребности, интересы, цели и пр.; познание — оценка предыдущих факторов; волевые процессы, направленные на действие. Эти звенья нельзя рассматривать как линейный ряд, так как в одних случаях внутренняя активность начинается непосредственно с чувственных импульсов, в других — с рациональных, познавательных процессов. Но во всех случаях все эти процессы, протекающие в сознании, определяют степени и формы внешней активности. Ценностное отношение также во всех (или в большинстве) случаях остается ближайшим звеном перехода к практике. Ценностное отношение, далее, может быть либо чувственным, либо рациональным, основанным на рассуждении о полезности или важности того или иного явления либо действия. Это и имел в виду Ф. Энгельс, когда писал, что воля человека определяется либо страстью, либо размышлением. При этом надо учитывать, что побуждения человека не бывают ни чисто чувственными, ни чисто рациональными. Речь может идти лишь о преобладании того или иного из этих побудительных мотивов.

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ (ГНОСЕОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ)

1

ВТОРИЧНОСТЬ СОЗНАНИЯ

До сих пор мы рассматривали сознание в онтологическом плане, т. е. как явление действительности, и выясняли его свойства и особенности. Теперь перейдем к рассмотрению проблемы сознания в гносеологическом плане, т. е. соотношения сознания с объективной реальностью, соотношения материи и сознания, объекта и субъекта.

С этим гносеологическим планом мы соприкасались и в предыдущих главах, когда речь шла о сознании как идеальном явлении, отражении внешнего мира. Ведь указанные выше категории действительности и их связь общие для того и другого аспекта, ибо они выражают природу (сущность) сознания.

Уже при рассмотрении вопроса о первичности материи и вторичности сознания мы исходим из гносеологического плана, хотя и этот вопрос включает в себя некоторые онтологические моменты. Онтологическая сторона принципа первичности материи и вторичности сознания состоит в том, что материя в процессе своего развития порождает жизнь, психику и сознание и что поэтому она первична в отношении последних. Мы пока знаем лишь сознание человека. Земля как планета существует, по большинству современ-

ных исчислений, от четырех до шести миллиардов лет. Жизнь на Земле возникла свыше полутора миллиардов лет, а человек выделился из животного мира около миллиона лет назад. (Некоторые новейшие находки, возможно, заставят отодвинуть две последние даты еще глубже в прошлое.) Жизнь и разум на других планетах (где они есть) также, несомненно, появились позднее, чем сами планеты. Что же касается всей Вселенной в целом, то ввиду ее бесконечности во времени указанный онтологический аспект первичности материи и вторичности сознания следует понимать не как сопоставление «возраста» материи и «возраста» сознания (так как в бесконечном времени понятия «раньше» и «позже» теряют смысл), а как утверждение о том, что материя порождает жизнь и мыслящий дух всюду, где для этого создаются необходимые и достаточные условия.

Гносеологический же аспект рассмотрения соотношения материи и сознания лежит, как известно, в основе деления философских воззрений на материалистические и идеалистические. Материализм исходит из того, что материя является источником всего, что содержится в сознании. Все содержание сознания является отражением внешнего мира. Сознание ничего не может произвести из себя. Оно может лишь переработать тот «материал», который дают ему органы чувств. К. Маркс указывал, что идеальное есть пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней материальное.

Несмотря на различные формы этого преобразования действительности в голове человека, открываемые и исследуемые современной наукой, указанный принцип остается незыблемым. Этому принципу не противоречат и представления о несуществующем. Фантастические образы народных сказок (русалок, леших, драконов, кентавров и пр.) представляют собой комбинации реальных образов. Представление о боге у верующего человека, как было показано еще Л. Фейербахом, создается на основе понятия об идеальном человеке, т. е. существе, одаренном всеми человеческими достоинствами в наивысшей степени. Человек многое знает, но еще большего не знает. Бог же обладает всеведением, т. е. знает все. Человек многое может сделать, но многого и не может. Бог же — существо всемогущее. Человек обладает некоторыми добрыми, но одновременно и злыми качествами. Бог

же — существо всеправедное, т. е. воплощает в себе абсолютное добро, и т. д. Перефразируя библейское положение, что бог сотворил человека по своему образу и подобию (т. е. похожим на себя), Л. Фейербах высказал мысль, что человек создает бога по своему образу и подобию. Это было подмечено еще древними, утверждавшими, что если бы люди были лошадьми, то и их боги были бы подобны лошадям. К. Маркс в своих тезисах о Фейербахе сказал, что евангельское «святое семейство» (младенец Христос, его мать и Иосиф) является образом реальной земной семьи.

Все эти известные положения приходится напоминать потому, что развитие в современной науке весьма абстрактных концепций и «сумасшедших теорий», т. е. положений, противоречащих обычному житейскому опыту и здравому смыслу, порождают неверные представления о том, что продуктивная способность мышления может не иметь внешнего, материального источника, что разум может сам из себя произвести нечто не имеющее связи с объективным миром. Неправильность подобных представлений по отношению к математическим абстракциям была раскрыта еще Ф. Энгельсом, показавшим объективную основу этих абстракций в количественных и пространственных свойствах реальных объектов. В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» указал, что абсолютизация математических уравнений является одной из причин идеалистических тенденций в физике.

Гносеологический принцип первичности материи является абсолютно «жестким», не допускающим никаких исключений в любой области. Однако этот принцип не означает ни полной адекватности отражения с отраженным объектом, ни преуменьшения активности и преобразующей роли сознания.

Возьмем, к примеру, искусство. Эстетики спорят, является ли искусство отражением действительности или самовыражением художника. Решать этот вопрос однозначно, по принципу: либо первое, либо второе — значит метафизически подходить к этому сложному вопросу. Искусство, как и всякое проявление сознания, есть отражение действительности. Однако это не простое отражение последней; оно представляет собой творческое преобразование этой действительности, выражение души

художника и его способа видения мира. Иными словами, искусство, будучи отражением, в то же время является и самовыражением художника, т. е. отражением действительности, преломленным в психике художника. Эстетическое же восприятие зрителя представляет собой уже двойное отражение: к нему прибавляется отражение изображенного на полотне в душе зрителя. Таким образом, отражение в восприятии художника и зрителя проходит через ряд психических преобразований, определяемых как физиологическим аппаратом, так и социальными и эстетическими особенностями людей, данными их прошлого опыта, их «установками», вкусами и мировоззрением. Но во всех этих моментах первичным является воздействие на художника и на зрителя того куса внешнего мира, который воодушевил художника.

Наука стремится освободиться от субъективности, вызываемой симпатиями и антипатиями ученого (например, историка), его возможным консерватизмом, конформизмом и пр. Субъективные моменты — существенный недостаток научного исследования¹. Искусство же ценно не только своим «объективизмом», но и «субъективизмом» в указанном смысле. Привлекательность живописного произведения состоит не только в том, насколько «похоже» художник изобразил пейзаж или передал портретное сходство, но и в том, как он их «интерпретировал» и как выразил. Однако и в такого рода «субъективизме» должна быть мера. Пренебрежение объектом и отражением его эстетических свойств, одностороннее метафизическое преувеличение значения художественной формы, отказ от содержания изображаемого объекта, сведение творчества лишь к субъективному «самовыражению» являются выходом за границы этой меры и разрушением искусства.

Мы не думаем при этом, что современные крайние виды формалистического искусства являются формами «самовыражения». Скорее всего здесь играют роль другие, внеэстетические мотивы. Однако, если бы даже «творения» современного абстракционизма и «поп-искус-

Правда, научная страстность — великая сила научного творчества. Партийность научного исследования, включающая в себя «субъективный» момент, также является условием научной истины в классовом обществе.

ства» действительно выражали уродливую душу их создателей, то и в этом случае они не могли бы быть оправданы материалистической эстетикой как односторонний субъективизм, т. е. проявление идеализма в искусстве.

Рассмотрим еще с этой стороны вопрос о соотношении реального исторического факта и факта, излагаемого наукой. За последнее время даже в марксистскую литературу проникла позитивистская трактовка факта науки как чего-то безотносительного к отражаемому им реальному, действительно происходившему факту или событию. Критерием истинности факта науки по существу объявляется не соответствие его с реальным, происшедшим в жизни, а соответствие одного факта науки с другими. Для такого подхода важно не то, насколько правдиво передан реальный факт ученым, а насколько логично сочетаются между собой изложенные им факты в его сочинениях. Конечно, такая логическая согласованность необходима. Однако верховным критерием истинности факта науки является не данная согласованность, а, как уже сказано, соответствие факта науки с тем, что произошло в объективной действительности, т. е. соответствие мысли с действительностью. Истина есть мысль, соответствующая действительности. Мысль истинна постольку, поскольку она соответствует действительности, ибо последняя первична, а ее отражение в науке вторично, производно.

Соотношение это не всегда прямое, часто оно опосредовано. Так, историк имеет дело преимущественно с историческими документами, которые сами являются отражением современных для них или более близких к ним исторических событий. Поэтому историк должен проверять истинность изложения реального факта или события в самом этом источнике, сопоставляя свидетельства этого источника с другими. Поэтому создается впечатление, что истина есть соответствие между документальными данными. Однако понятие об истине не должно «затеряться» (как сказал бы Монтень). В конечном счете историк должен всеми доступными ему способами добираться до первичной истины, т. е. до соответствия суждений о действительности с реально происходившими историческими событиями.

Принцип первичности материи и вторичности сознания справедлив не только по отношению к научным фак-

там, но и к их объяснениям. Когда автор этих строк учился в дореволюционной школе, то казни бояр царем Иваном Грозным объяснялись его жестоким характером: в детстве, мол, царевич бросал с крыши кошек и собак, а сделавшись царем, стал казнить людей. В наше время эти исторические факты объясняются тем, что Иван Грозный, создавая централизованную монархию, боролся с феодальной раздробленностью. Первое толкование указанных фактов было идеалистическим, ибо оно, игнорируя социально-экономические условия времен Грозного, объясняло репрессии последнего его психологией. Иными словами, это объяснение исходило из сознания, а не из бытия.

Гносеологический аспект сознания не исчерпывается признанием первичности материи и вторичности сознания. Важным вопросом гносеологии сознания является проблема соотношения понятий материи и бытия. Принцип первичности материи по отношению к сознанию и положение «бытие определяет сознание» часто отождествляются. Однако между понятиями материи и бытия существует известная разница, вследствие чего различны и гносеологические выводы из указанных двух формул.

2

СОЗНАНИЕ КАК БЫТИЕ

В работах философов-марксистов понятия материи и бытия употребляются обычно в одном и том же значении, как синонимы. Это отождествление допустимо лишь в тех случаях, когда разграничение этих понятий не имеет принципиального значения. Однако, когда это различие было необходимым, классики марксизма указывали на него. Примером этого является критика Ф. Энгельсом замены Дюрингом понятия материи понятием бытия при рассмотрении вопроса о единстве мира. Различение этих понятий вытекает и из того факта, что понятие общественного бытия не может быть заменено понятием «общественная материя».

При отождествлении понятий материи и бытия сознание ни в каком отношении не может рассматриваться как бытие. Но в марксистской литературе высказывался иной взгляд, а именно: сознание есть форма бытия, но

не материи¹. Нам представляется, что эта точка зрения является более правильной. Психика вообще и сознание в частности являются своеобразными формами реальности, реального бытия, но не формами материи, так как материя есть *объективная* реальность, существующая *вне* сознания и *независимо* от него. Сознание же есть форма субъективного бытия, т. е. форма существования внутреннего мира человека.

Термин «бытие», так же как и соответственные термины в других европейских языках, происходит от глагола «быть» в смысле «существовать». Философское понятие «бытие» в соответствии с указанными языковыми терминами означает «все существующее», «существующее вообще» в отличие от небытия, т. е. несуществующего. В этом смысле употребляли понятие бытия и классики марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс писал: «Когда мы говорим о *бытии* и *только* о бытии, то единство (мира. — В. Т.) может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, *суть*, существуют»².

Сознание, как было уже сказано, существует столь же реально, как и материальные предметы и явления. В. И. Ленин назвал «сплошным вздором» утверждение о меньшей реальности сознания сравнительно с физическими явлениями³. И. П. Павлов говорил: «... глупо было бы отрицать субъективный мир. Само собою разумеется, он, конечно, есть»⁴. Сознание, таким образом, есть тоже бытие, форма бытия.

В отличие от *непосредственного* бытия сознание есть опосредованное, рефлексированное, *отраженное* бытие. Сознание — это мысленный образ непосредственного бытия, жизни. Положение марксизма: «бытие определяет сознание» означает, что одна форма бытия, именно непосредственное бытие, отражается в другой форме, в сознании, определяет ее содержание. Оставаясь сама собой, она в то же время превращается в сознании в другую форму. Сознание реализуется в процессе практики, «опредмечивается», превращается в непосредственное бытие. Бытие и сознание суть две формы одной и той же сущности. *Соотношение бытия и сознания выра-*

¹ См., например, И. В. Сталин. Соч., т. 1. М., 1946, стр. 317.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 42.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 296.

⁴ «Павловские среды», т. II. М.—Л., 1949, стр. 415.

жается категориями непосредственного и опосредованного, тогда как отношение материи и сознания выражается категориями объективного и субъективного.

Понятие сознания остается и в том, и в другом случае, но меняются компоненты его соотношения: в первом случае оно соотносится с понятием бытия, а во втором случае с понятием материи. Понятия бытия и материи не тождественны. Это видно уже из того, что сознание, будучи формой бытия, не является материей. Непосредственное бытие (просто бытие) и опосредованное бытие (сознание) существуют одинаково реально. Но в понятии бытия только это и заключается. Как уже было сказано, понятие бытия, взятое в самом общем смысле, означает лишь существование¹. Значит, в понятии бытия не заключается различие между материей и сознанием, ибо и первая и второе существуют. Но бытие (существующее) наряду с разделением на непосредственное и опосредованное имеет две формы — материальную и идеальную (духовную). Это деление выражается категориями объективного и субъективного.

Материя есть объективная реальность (объективно реальное бытие) в отличие от реальности субъективной, от субъективного бытия, от сознания. «Материализм вообще, — писал В. И. Ленин, — признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества»². Материя есть то, что существует (обладает бытием) вне и независимо от сознания. Сознание же существует, т. е. обладает бытием только потому, что существует материя. Иначе ему нечего было бы отражать, оно было бы пусто, не имело бы содержания, не существовало бы. Сознание, таким образом, зависит от материи как самим фактом своего существования, так и своим содержанием. Сознание ничего не может создать из самого себя, оно лишь перерабатывает тот «материал», который доставляет ему внешний мир через органы чувств, подобно тому как мельничные жернова не создают муки, а перерабатывая зерно, превращают его в муку.

¹ В применении к органической природе это понятие включает в себя и «жизнь», а в применении к обществу и человеку также и «деятельность».

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 346.

Материя по отношению к сознанию есть все, кроме сознания. В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» возражал против включения И. Дицгеном сознания в понятие материи. Но понятие материи столь же всеобщее, универсально, как и понятие бытия, так как нет ничего, кроме материи, а сознание есть не особая субстанция, а свойство той же материи. Различение понятий материи и бытия состоит отнюдь не в том, что одно из них является более всеобщим, чем другое, а в том, что эти понятия охватывают разные стороны одной и той же субстанции. А именно понятие бытия указывает на то, что эта субстанция реально существует, а понятие материи на то, что она существует объективно, вне и независимо от сознания.

Разграничение понятий бытия и материи позволило марксизму дать четкое и глубокое различение материализма и идеализма как философских направлений, для чего понятие бытия явно недостаточно.

Сознание есть субъективное отраженное бытие. Обладание сознанием делает его носителя субъектом. Как известно, в логике, а также в грамматике под субъектом понимается предмет или явление, о котором что-либо высказывается. Им может быть и неодушевленный предмет. В философии же под субъектом понимается либо человек как носитель мысли, сознания и сознательного действия, либо та или иная совокупность людей, сознательно воздействующая на течение общественной жизни. Так, например, понятие субъективного фактора в общественной жизни означает не все, что делается людьми (в последнем случае все в истории было бы субъективным), а лишь сознательное, преднамеренное воздействие людей на исторический процесс. Объективным в философии и социологии называют то, что не зависит от воли и сознания человека (людей), а субъективным — то, что от него (от них) зависит, что свойственно именно человеку, а не внешнему миру, что человек привносит в этот объективный мир.

Таким образом, понятие субъекта в философско-социологическом смысле означает человека (людей) как носителя (-ей) сознания и основанного на сознании действия. Именно в этом смысле К. Маркс называл людей субъектом всех общественных изменений. В понятии субъекта выступает не естественная сторона человека, не

его организм, функции которого, как и все объективное, не зависят от сознания, а именно сознание. Субъект есть человек, взятый как сознательное существо.

Объект же, отражаемый сознанием человека, это — природное и общественное бытие. Последнее понятие также не идентично с материей. Понятие общественного бытия охватывает не только экономику (как это обычно трактуется в нашей литературе), но и все формы материальных общественных отношений. Согласно определению Ленина, материальными общественными отношениями называются такие, которые складываются, не проходя через общественное сознание. К таким отношениям следует отнести отношения производственно-экономические, классы, семью, нации. Ведь все эти общественные институты, коллективы и явления возникают в обществе независимо от общественного сознания, и лишь позднее отражаются в общественном сознании. Но уже политические отношения складываются сознательно, так же как и отношения духовной жизни общества¹. Из этого видно, что категории «объект сознания» и «материя» также не идентичны. Объект — это все, что отражается в сознании. Но не все, что отражается в общественном сознании, имеет материальный характер.

Сознание субъективно по своей принадлежности человеку, как явление его внутреннего мира. Сознание есть свойство человеческого вида и индивида. Будучи свойством всех людей, оно одновременно является свойством и каждого человека. Других субъектов, кроме людей, мы пока не знаем. Человек пока для нас единственный «приемник» внешних воздействий на том уровне, который мы связываем с понятием сознания. Но это не значит, что в сознании человека все субъективно. Нет, конечно, ибо сознание есть прежде всего отражение внешнего, объективного мира, мысленный слепок, «копия» или «модель» последнего. Здесь предполагается большее или меньшее сходство этих понятий с «оригиналом». Но всякое отражение зависит от двух факторов: от свойств отображаемой среды и от свойства «приемника». Определяющей стороной в этом взаимодействии является первая сторона, ибо, во-первых, отразиться может лишь то, что передается «приемнику», а во-вторых, потому, что приемник

¹ Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в главе о социологии сознания.

должен быть «настроен» на природу того, что он принимает: ухо устроено для приема звуковой волны, а глаз для приема световых волн. Поэтому по своему *содержанию*, т. е. по тому, что имеется, что содержится в сознании, сознание является единством объективного и субъективного на основе объективного. В связи с этим мы переходим к следующему параграфу.

3

ЕДИНСТВО ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В СОЗНАНИИ

Сознание представляет собой сложную совокупность ощущений, восприятий, представлений, мыслей, идей и чувств. Эти психические процессы, состояния и формы являются единством объективного и субъективного на основе объективного. Иными словами, в каждом из них имеется то, что зависит от отражаемого, и то, что зависит от отражающего (от субъекта), что исходит из свойств действительности и что исходит из свойств человека. Эту диалектическую двойственность явлений сознания отметил В. И. Ленин в своей известной формуле, что ощущение есть субъективный образ объективного мира. Эта формула справедлива не только по отношению к ощущению, но и ко всякому образу, т. е. ко всем формам чувственного познания: ощущениям, восприятиям и представлениям. Если понятие «образ», обычно относимое к чувственному познанию, взять в более широком смысле психического отражения, то эта формула будет справедлива для всего содержания сознания в целом. Мысли выступают в форме понятий, суждений, умозаключений (выводов). Понятие есть результат анализа и синтеза чувственного опыта, его образов, есть обработанная чувственность. Понятия входят в суждение и выводы как их основные элементы. Следовательно, любая форма логического рационального мышления содержит в себе объективное содержание, прошедшее различные формы обработки. Эмоции и чувства также вызываются непосредственно или опосредованно ситуациями внешнего мира. Нетрудно усмотреть справедливость указанной формулы также и в отношении других свойств сознания: памяти, воли, воображения и пр.

Сознание субъективно не вообще, а в следующих отношениях: а) оно является, как сказано, свойством субъекта, человека; б) процесс сознания осуществляется внутри организма. Передавая наши мысли и чувства другим людям, мы превращаем явления сознания в физические процессы (звуковые, электромагнитные и другие колебания), которые уже являются не сознанием, а материальными явлениями. Последние вновь превращаются, трансформируются в рецепторах и анализаторах зрителей и слушателей в явления сознания; в) в сознании я отделяю себя от остального мира («самосознание»). Самосознание в указанном элементарном смысле является необходимой основой сознания. (О самосознании на всех его «уровнях» будет речь ниже); г) в сознании нет вполне точного, адекватного отражения действительности, т. е. в нем есть элементы, привносимые человеком, связанные с исторической, социальной ограниченностью познания.

Однако, сознание не только субъективно, но и объективно. «...Для Чернышевского, как и для всякого материалиста, — писал В. И. Ленин, — законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются, с этими формами...»¹

Объективные стороны сознания состоят, во-первых, в том, что субъект сознания, носитель своего внутреннего мира, для других субъектов является (вместе с этим внутренним миром) объектом, предметом внешнего мира. Сознание всех людей, кроме моего собственного, находится вне меня и существует независимо от меня, т. е. существует для меня объективно. Поэтому мы можем изучать сознание, так же как и всякое другое явление природы, объективными методами, практикуемыми нейробиологией и психологией.

Во-вторых, сознание проявляется вовне: в речи, в движениях, в мимике, в действиях вообще, что дает возможность судить о том, что происходит во внутреннем мире человека. Всем известны признаки, по которым можно судить, что человек волнуется, радуется, страдает и т. п. Сознание не чисто внутренняя «вещь в себе», а проявляясь, оно становится доступным другим людям.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 383.

«...По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей...»¹

Это, конечно, не исключает самонаблюдения. Одной из особенностей человеческого сознания является способность человека делать объектом своего изучения самого себя. Критика И. П. Павловым метода самонаблюдения исходила из недостаточности этого метода для изучения явлений высшей нервной деятельности. Метод самонаблюдения нельзя считать основным и в психологической науке. Однако считать самонаблюдение ненаучным методом вследствие его «субъективности» неправильно. Исследование человека другими людьми не избавляет нас от субъективности, ибо эти «другие люди» также субъекты со всеми особенностями, вытекающими из этого обстоятельства.

В-третьих, сознание имеет объективный характер и в том смысле, что оно отражает действительность и потому имеет объективное содержание. В нем имеется момент объективной истины. Истина есть соответствие нашей мысли с действительностью. Содержание моей мысли, если она и поскольку она соответствует действительности, зависит не от меня и не от человечества, а от того, что происходит в этой действительности. Если мы говорим «снег бел», то содержание этого суждения — белизна снега — зависит от свойства кристаллов снега отражать различные цвета спектра, что вызывает ощущение белизны. Эта сторона объективности сознания является важнейшим моментом гносеологии.

Сознание других людей можно считать объективным по отношению к сознанию индивида, поскольку оно не зависит от последнего. Но относительная независимость индивидуальных сознаний друг от друга имеет иную природу, чем независимость материи от сознания. В первом случае это отношение сознания одних людей к другим; во втором — отношение материи к сознанию всех людей.

Здесь мы пока рассматриваем сознание (или психическое) вообще. Но из понятия сознания нельзя исключать и индивидуальное сознание, сознание личности.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 423—424.

Предметом психологической науки является «сознание вообще», как свойство разумного существа, включающее способности и функции сознания, которые присущи всем людям, а значит присущие и отдельным группам людей и индивидам. Само понятие «сознание вообще» предполагает, что такое сознание присуще и отдельному человеку. Проблема индивидуального сознания, как будет показано ниже, является важной проблемой теории личности, разрабатываемой марксистской социологией. Проблема отношения между «я» и «мы», «я» и «они» — один из кардинальных вопросов социальной психологии.

Однако эта проблема имеет, по нашему мнению, не меньшую значимость для теории познания и для теории сознания. Ведь индивидуальное сознание по своему содержанию является лишь «вариантом» общего. В нем нет и не может быть таких элементов, которых не было бы у других людей. Самые выдающиеся люди отличаются лишь большим, чем у других, развитием тех или иных общечеловеческих способностей. Но если в сознании индивида отражается сознание других людей, то значит это последнее в данном отношении выступает как объективное. Сознание в разных отношениях выступает и как субъект, и как объект. Бытие вообще есть объект по отношению к сознанию вообще; бытие и сознание других людей являются объектом по отношению к сознанию индивида. Это, однако, не исключает того, что сознание людей есть субъект по отношению к внешнему миру — природе и общественным отношениям.

При этом было бы неправильным отождествлять понятия объективного с истинным. Апелляция к общественному мнению как к чему-то «объективному» не всегда правильна, ибо это мнение бывает субъективным, неверным. Тот, кто отождествляет указанные категории, по существу сводит понятие истины к общезначимости, к богдановской точке зрения. Если идеи большинства всегда являются истинными, то, значит, понятие истины сводится к тому, что признается за истину большинством, а тем более всеми людьми. Именно за это В. И. Ленин критиковал А. Богданова по вопросу об истине. К каким следствиям приводит такая точка зрения, едва ли нужно объяснять: всякая новая истина вначале всегда признается меньшинством и даже отдельными людьми. Если большинство всегда право, то, значит, правы были отцы-

инквизиторы, которые на суде над Галилеем говорили ему: кто ты такой, чтобы выступать против священного писания и против всех людей со своими бреднями о движении Земли? Взгляды других людей, будучи объективными в отношении индивидуального сознания, не всегда являются правильными.

Полной объективности нет ни в индивидуальном, ни в групповом и в общественном сознании¹. Сознание, взятое в любом объеме, включает в себя единство объективного и субъективного. Сознание каждого человека в отдельности и всех людей, вместе взятых, субъективно в том смысле, что оно принадлежит внутреннему миру людей, а не природе и не внешним отношениям между людьми, и объективно по содержанию (т. е. по тому, что в нем содержится), так как оно в общем приблизительно верно отражает внешний мир — природу и общественные отношения.

Единство объективного и субъективного в сознании нельзя понимать так, что, мол, сознание субъективно, пока оно «внутри», а объективно, когда оно проявляется вовне, в словах, поступках. Ведь мысли, даже если они и не выражаются в словах и действиях, имеют объективное содержание. С другой стороны, высказывания и поведение человека представляют собой реализацию его мыслей, целей и убеждений. Даже в том случае, когда слова фальшивы, а действия вынужденны, они не теряют своей «субъективности», только не собственной, а чужой. Сознание объективно также по своим проявлениям. Сознание субъективно как внутренний мир человека, как совокупность образов, идей и чувств, а не самих предметов и явлений, как особая форма объективного содержания.

Но в каких же понятиях выразить взаимоотношение объективного и субъективного?

4

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МАТЕРИИ И СОЗНАНИЯ

Рассматривая сознание с онтологической стороны, т. е. как свойство высокоорганизованной материи, мы не

¹ Ниже будет сказано о различии группового и общественного сознания.

можем противопоставлять сознание материи, ибо нельзя свойство противопоставлять субстрату, носителю этого свойства. Когда мы, например, говорим: «Эта женщина красива», мы не противопоставляем ей ее же красоту, а, наоборот, приписываем ей это свойство. Если психика, сознание есть свойство материи, то в этом выражается единство материи и сознания, включающее и различие между ними, различие между субстратом, носителем свойства, и самим этим свойством, или, как говорил И. Дицген, между целым и частью, но не противоположность. В. И. Ленин признавал правильным положение Дицгена: «Целое управляет частью, материя — духом». Действительно, нельзя одно из бесчисленных свойств материи отождествлять с материей в целом.

Но В. И. Ленин считал неверным на этом основании, а также на том, что «мышление есть телесная работа» (самом по себе правильном), включать сознание в понятие материи, отождествлять их друг с другом. В. И. Ленин возражает Дицгену на том основании, что материя первична в отношении сознания, что назвать мысль материей — значит отбросить различие между первичным и вторичным, отражаемым и отражением, а значит, и различие между материализмом и идеализмом¹. Здесь мы имеем особую форму различия, а именно *противоположность*. Таким образом, указывает В. И. Ленин, отличие и противопоставление материи и сознания относительно. Это отличие и противоположение, по мысли Ленина, имеет смысл лишь в гносеологическом отношении, а не абсолютно, не вообще. Эта противоположность выражается в гносеологических воззрениях на то, что именно является первичным в отношении между материей и сознанием: первая или второе. Это противоположность между материализмом и идеализмом. «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительно-го противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»². Нарушение указанных Лениным границ и

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 259.

² Там же.

ошибку, связанную с абсолютным противопоставлением сознания материи вне рамок гносеологического вопроса, совершают те авторы, которые указанную противоположность распространяют на все отношения между материей и сознанием, которые считают, что сознание противоположно материи вообще, в любом плане.

Вторичность сознания в отношении материи нельзя отождествлять с гносеологической противоположностью материи и сознания. Понятие вторичности означает, что сознание производно от материи как продукт развития последней, как функция, свойство высокоорганизованной материи, мозга и как отражение, образ, «копия» материи:

Лишь последний из указанных признаков вторичности есть признак гносеологический. Первые же два признака имеют онтологический характер.

Продукт чего-либо нельзя противопоставлять процессу. Ткач прял, писал К. Маркс, и продукт есть пряжа. Она, конечно, отлична от прядения, но не противоположна последнему. Продукт в смысле порождения также не означает непременно противоположности. Мать породила, произвела ребенка. Но почему же этот ребенок противоположен своей матери? Он просто отличен в некоторых отношениях от нее. Генетическая первичность (материя породила сознание) также не выражает противоположности. Напротив, если материя в процессе своего развития породила сознание, то это значит, что материя породила то, что свойственно ей по ее природе. Нельзя породить то, что противно природе породившего.

Противоположность является одной из форм различия. Противоположность есть такое различие, в котором различаемые явления стоят друг к другу в отношении несовместимости, взаимоисключения, а обозначаемые ими понятия — в отношении противопоставления. В простом различии, например в различии между синим и зеленым цветами, нет ни взаимоисключения, ни противопоставления. А между светом и тьмой имеется и то и другое. В различиях между рабочим классом и колхозным крестьянством в СССР нет противоположности, а в отношениях антагонистических классов противоположность налицо: пролетариат — могильщик капитализма, социально-политические цели и мировоззрение буржуазии и пролетариата несовместимы. Когда мы рассматри-

ваем сознание как свойство высокоорганизованной материи, то в отношениях материи и сознания нет противоположности. То же следует сказать и об определении сознания как формы бытия. Когда же рассматривается вопрос об отношении материи и сознания, т. е. когда проблема сознания ставится гносеологически, то возникает прямая противоположность между материалистическим и идеалистическим решением этой проблемы.

Значит, дело не в том, что вообще гносеологический аспект решения этого вопроса требует противопоставления материи и сознания: отражение также нельзя противопоставлять «оригиналу». Речь идет лишь о противоположности материализма идеализму. Но возможность такой противоположности возникает потому, что в гносеологическом плане мы исключаем сознание из понятия материи. Онтологический и гносеологические планы отношения между материей и сознанием отнюдь не являются лишь мысленными, но отражают действительные отношения между материей и сознанием.

Наряду с указанным выше неправомерным пониманием противоположности ошибку делают также и те авторы, которые вслед за Дицгеном считают сознание материальным. Эта точка зрения уже достаточно раскрытирована в нашей литературе, и мы уже говорили о ней. Материально-физиологические основы психики и сознания нельзя отождествлять с природой и содержанием последних.

Несколько слов о распространенном утверждении о том, что сознание нематериально. В такой формуле, с нашей точки зрения, есть логическая, смысловая и гносеологическая неточность. Выше мы ссылались на высказывание В. И. Ленина, что различие материи и духа относительно, не чрезмерно. Ленин неоднократно указывал, что во всем надо соблюдать меру, что правильная мысль становится неправильной, если эта мера не соблюдена. В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он писал: «Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсур-

да, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»¹.

В самом деле, случайно ли, что в трудах классиков марксизма-ленинизма нет такой формулы: «сознание нематериально»? К. Маркс писал, что идеальное есть пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней материальное. В. И. Ленин указывал, что мысль нельзя считать материальной. Но тождественно ли последнее положение с формулой «мысль нематериальна»?

Разберем различие этих формул по существу. Здесь имеется некая логическая и смысловая тонкость, которой некоторые авторы пренебрегают. Когда мы говорим: «Мысль нельзя считать материальной» или «Мысль не является материальной», то такое суждение представляет собой простое отрицание материальности мысли. В логике это обозначается знаком с отрицанием, без какого-либо приписывания мысли иного качества; а если мы говорим: «Мысль нематериальна», то мы приписываем ей положительное качество нематериальности, т. е. возводим ее в некую самостоятельную субстанцию, придаем понятию мысли, сознания противоречащий материализму смысл. В сложном диалектическом соотношении между материей и сознанием невозможно, не искажая истину, давать такой однозначный ответ. Как диалектическая, так в данном случае и формальная логика требуют не абстрактного ответа по формуле «да» или «нет», а *конкретного* ответа для каждой стороны или аспекта отношений между материей и сознанием, в определении сознания как свойства высокоорганизованной материи, материального и идеального, первичного и вторичного, объективного и субъективного.

5

САМОСОЗНАНИЕ

Проблема самосознания может рассматриваться как в онтологическом, так и в гносеологическом аспекте. Ведь самосознание есть определенная форма реального явления — сознания. Однако вопрос о самосознании мы отнесли к главе о гносеологии сознания, так как эта проблема особенно остра и сложна в этом плане.

¹-В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 46.

Самосознание есть сознание, направленное на самого себя: это — сознание, делающее своим предметом, объектом сознание. Как это возможно с точки зрения материалистической теории познания — вот в чем состоит главный философский вопрос проблемы самосознания. Существование самосознания есть непреложный факт сознания, не нуждающийся сам по себе ни в каком философском «обосновании». Вопрос, следовательно, состоит в выяснении специфики этой формы сознания и познания. Эта специфика определена тем, что в акте самосознания сознание человека, будучи субъективной формой действительности, само раздваивается на субъект и объект, на сознание, которое познает (субъект), и сознание, которое познается (объект). Такое раздвоение, как оно ни кажется странным для обычного мышления, является очевидным и постоянно наблюдаемым фактом.

Самосознание самим фактом своего существования еще раз доказывает относительность различия и противоположности объекта и субъекта, неправильность уже отмеченных нами представлений о том, что в сознании все субъективно. Факт самосознания показывает, что разделение действительности на объект и субъект не ограничивается лишь отношением внешнего мира к сознанию, но что и в самом сознании имеется это деление, выражающееся по меньшей мере в двух формах: в уже рассмотренном нами соотношении объективного и субъективного в содержании сознания и в форме разделения сознания на объект и субъект в акте самосознания.

Самосознание обычно рассматривают лишь в плане индивидуального сознания, как проблему «Я». Однако самосознание, рассматриваемое в широком философском аспекте в отличие от плана психологического включает в себя также и аспект социологический. В самом деле, говорим же мы о классовом самосознании, о национальном самосознании и т. п. Психологические науки, изучающие явление сознания, представляют собой также самосознание людей и самопознание человеком человека. Исторический материализм в его учении об общественном сознании и его формах также рассматривает самосознание человечества. Таким образом, самосознание выступает и в форме индивидуального и в форме социального самосознания.

Наибольшую гносеологическую трудность представляет собой индивидуальное самосознание. Ведь самосознание общества является либо познанием общественных явлений (форм общественного сознания, личности и пр.) отдельными людьми, учеными, либо изучением сознания всех людей теми же отдельными людьми (этим занимается психологическая наука). В обоих случаях мы не выходим из рамок обычного соотношения общего и отдельного, соотношения между объектом (обществом) и субъектом (человеком, отдельными людьми). В индивидуальном же самосознании перед нами факт раздвоения сознания этого отдельного человека на объект и субъект.

Идеалистическая философия и психология рассматривает это раздвоение как наличие в сознании особой субстанции, чистой субъективности («духа», «души»), делающей своим предметом всю остальную субъективность, пропитанную предметностью, т. е. совокупность всех текущих явлений сознания. Отвергая идеалистическое в своем существе мистическое «объяснение» феномена самосознания, материалистическая философия, психология, физиология и психопатология накопили уже большой материал для научного объяснения явления самосознания, его генезиса и психологического механизма. Классики марксизма-ленинизма высказали глубокие методологические идеи, важные для решения этого вопроса. Однако пока еще эта проблема не вошла в систему понятий, изучаемых в философии сознания, обходится в учебных пособиях по философии.

Здесь мы попытаемся изложить основные философские выводы по данному вопросу. Марксизм отвергает характерное для идеализма принципиальное различие самосознания и сознания вообще, трактовку самосознания как созерцания душой психических переживаний. Гносеологической основой такого ненаучного представления является метафизический отрыв объекта от субъекта, мистификация последнего. Самосознание есть особая форма сознания. В филогенетическом плане самосознание присуще лишь человеку, так как оно связано с осознанием своего отделения от внешнего мира и от своей собственной жизнедеятельности, чего нет у животного.

Однако эта мысль, как нам представляется, не исключает допущения предпосылок самосознания в живот-

ном мире в форме инстинктивного ощущения отличия своего организма от остального предметного мира, того, что И. М. Сеченов назвал «самоощущением», т. е. ощущением состояний собственного тела в отличие от ощущений предметов внешнего мира, имеющих объективный характер¹.

В онтогенетическом плане наличие такой предпосылки самосознания И. М. Сеченов усматривал в форме детского «самочувствия», из которого родится в зрелом возрасте самосознание, дающее человеку возможность отделять свое внутреннее от приходящего извне, анализировать его и сопоставлять с внешним, словом, изучать акт собственного сознания.

Психологи-материалисты, отвергая мистическую трактовку самосознания, считают самосознание одной из форм сознания, имеющей те же гносеологические корни, что и сознание в целом. Они различают две формы сознания: предметное сознание и самосознание. Как известно, чувственное восприятие имеет своим источником как отражение внешних объектов, так и ощущения, идущие от собственного тела. Различие этих двух источников и порождает различие предметного сознания и самосознания. П. Р. Чамата указывает, что уже при рождении у человека имеются предпосылки для самосознания. «К ним относится, во-первых, то единство организма, в частности, единство нервной системы, которое является материальной основой единства личности, и, во-вторых, те врожденные органические ощущения и чувства (синестезии), в которых находит свое отражение органическая жизнь индивида»².

Наряду с этими психофизиологическими предпосылками имеются и социальные предпосылки самосознания. Классики марксизма отмечали, что самосознание не является созерцанием собственного изолированного индивида, что оно возникает в процессе общения: «...человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к

¹ См. И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, стр. 132.

² П. Р. Чамата. К вопросу о генезисе самосознания личности. — «Проблемы сознания». Материалы симпозиума, стр. 228.

человеку»¹. Игнорирование социальных корней самосознания — одна из характерных черт немарксистских концепций самосознания.

Самосознание в процессе жизни человека развивается не только на базе «органических ощущений и чувств», но и на основе его деятельности, в которой человек выступает творцом созданных им предметов, что развивает в нем сознание различия субъекта и объекта. Таким образом, психофизиологические и социальные основы самосознания взаимопроникают друг в друга.

Итак, материалистическое понимание самосознания основывается на том положении, что в человеческом «я», взятом в его психологическом плане, «нет ничего, кроме психических событий и связей, которые они имеют между собой или с внешним миром»². Самосознание не является доказательством существования того «резидума» (остатка)³, признание которого Г. В. Плеханов справедливо считал проявлением идеализма в психологии.

Однако способность «я» в процессе самосознания отвлекаться от всех переживаемых им состояний (от ощущений до мышления), способность рассмотрения субъектом всех этих состояний в качестве объекта наблюдения ставит вопрос о различении текущих и стационарных, устойчивых сторон содержания сознания. Это различие представляет собой явление внутреннего опыта. Наряду с постоянно меняющимся содержанием сознания, вызываемым изменениями внешнего и внутреннего мира, в сознании имеется момент устойчивый, относительно постоянный, вследствие которого человек сознает, отличает себя как субъекта от меняющегося объекта. Пейзажи, на которые я смотрю из окна железнодорожного вагона, меняются ежеминутно, но я воспринимаю их как нечто внешнее в отличие от моего «я», которое остается неизменным. Тождество моего вчерашнего и сегодняшнего, прошлого и настоящего «я»; моего индивидуального сознания есть условие не только самосознания, но и сознания вообще, ибо последнее было бы невысказано при

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 62, примечание.

² Е. В. Шорохова. Проблема «я» и самосознание.—«Проблемы сознания». Материалы симпозиума; стр. 222.

³ Иными словами, чего-то «добавочного» к тому, что происходит между чувствующим телом и внешним миром.

отождествлении самого себя с меняющимися внешними явлениями.

Проблема внутреннего тождества «я», единства самосознания была предметом размышлений многих философов, в том числе И. Канта, выдвинувшего учение о трансцендентальном единстве апперцепции, т. е. об единстве познавательного опыта. Марксистские исследователи этой проблемы исходят в этом вопросе из единства материального мира, из единства психического опыта человека. При этом не следует, по нашему мнению, начисто отвергать и кантовский подход к этому вопросу, не видеть в нем рационального момента.

Поэтому не вполне права Е. В. Шорохова, отвергая начисто кантовскую концепцию единства апперцепции на том основании, что это единство у Канта выступает как априорное условие всякого психического опыта¹. Отвергая априоризм Канта, не следует, однако, отбрасывать само понятие единства апперцепции и лежащей в основе этого единства способности человека к синтезу психических явлений, изложенному самой Е. В. Шороховой: «Только благодаря реализующим это единство актам синтеза, человек сознает время и все происходящее с ним испытывает длящимся во времени. Только через эту синтезирующую деятельность сознания человек связывает восприятия своих отдельных чувств в единый образ окружающего пространственного мира. Наконец, только через непрерывную деятельность «я» его отдельные состояния оказываются примкнутыми друг к другу как звенья единой цепи внутренней причинной зависимости»².

Конечно, синтез психических явлений не априорен и формируется в процессе жизненного опыта. Но все окружающее, проходя через сознание, восприятие, является не самим временем, пространством и пр. Без способности человека к синтезу чувственных восприятий остаются непонятными общие представления о времени и пространстве. Эти представления, разумеется, не являются априорными условиями их восприятия, т. е. не даны человеку до опыта. Но время и пространство в сознании выступают действительно как формы чувственного со-

¹ См. Е. В. Шорохова. Проблема «я» и самосознание.—«Проблемы сознания». Материалы симпозиума, стр. 222.

² Там же.

зерцания, а общие представления о них — как результаты синтеза психологических переживаний.

В связи с этим следует затронуть и вопрос, который является предметом разногласий среди психологов: что в онтогенезе и в филогенезе возникает раньше — предметное сознание или самосознание? Иначе, является ли самосознание предпосылкой и низшей ступенью сознания (В. М. Бехтерев) или продуктом развитого сознания, его высшей формой (С. Л. Рубинштейн, Е. В. Шорохова)? В первой формулировке это вопрос, собственно, не философский, он должен решаться средствами специальных наук. Во второй, более общей формулировке, он представляет известный интерес и для философии. Имеется еще третья точка зрения на эту проблему, идущая еще от И. М. Сеченова, А. И. Галича и А. А. Потебни и защищаемая теперь П. Р. Чамата. Она сводится к тому, что самосознание развивается одновременно с становлением предметного сознания, поскольку развитие самосознания является одной из форм становления субъекта.

Последняя точка зрения, на наш взгляд, более правильна, однако из нее следует сделать и дальнейший вывод. Самосознание — это процесс, проходящий различные ступени развития. Если взять самосознание в его первичных, элементарных формах, в формах «неясного безотносительного чувствования собственного существования» (В. М. Бехтерев), то оно уходит далеко в область органической эволюции и предшествует человеческому сознанию, является одной из его предпосылок. Если же рассматривать самосознание в его наиболее развитых формах как один из признаков класса или личности и понимать под ним понимание классом или личностью своей роли в общественной жизни, призвания, смысла жизни и пр., то, конечно, такое самосознание стоит выше сознания в общем смысле этого слова, является формой общественного сознания в тех случаях, когда это общественное сознание обращено на нас самих.

Таким образом, мы подошли к проблемам социологического аспекта проблемы сознания.

Глава IV

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ (СОЦИОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ)

1 О СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

До сих пор мы рассматривали сознание в общем смысле, т. е. так, как оно трактуется в диалектическом материализме. Теперь, отталкиваясь от этих общих свойств сознания, остановимся на формах дифференциации сознания, которые оно принимает в условиях общественной жизни, труда и социального общения. Они могли бы быть названы формами общественного сознания потому, во-первых, что они создаются обществом в процессе его развития, а не являются продуктом и достоянием лишь отдельного человека, и, во-вторых, что они отражают преимущественно явления общественной жизни.

Однако понятие форм общественного сознания в нашей философской литературе обычно обозначает деление последнего на основе различия отдельных сторон духовной деятельности общества (политическое, правовое, научное, моральное, философское, эстетическое, религиозное). Наряду с указанным делением общественного сознания на формы в марксистской философской и социологической литературе различается индивидуальное, коллективное (групповое), обыденное сознание, общественная психология, идеология.

Основания для выделения этих мыслительных образований уже иные, чем у традиционного деления форм общественного сознания.

Одним из таких оснований является различная глубина отражения в них общественных явлений. Это выражается в понятии уровней общественного сознания. Такое различие правильно, поскольку оно применяется к некоторым из этих образований, преимущественно к отношению между теоретическим и обыденным сознанием. Это различие, как будет показано ниже, является одним из оснований также для разграничения общественного сознания и сознания вообще.

Другим основанием для деления указанных мыслительных образований являются особенности сознания индивида, той или иной общественной группы и всего данного конкретно-исторического общества. Это деление отражает взаимосвязь единичного, особенного и общего в общественном сознании. Оно применяется к соотношению индивидуального, коллективного и общественного (в указанном смысле) сознания.

Но все эти различия правильны лишь тогда, когда они применяются в названных соотношениях: обыденного сознания с теоретическим, а индивидуального с коллективным и общественным. В тех случаях, когда они применяются к мыслительным образованиям другой группы, например к соотношению индивидуального сознания с обыденным, это деление необоснованно, ибо здесь нарушается логическое требование единства основания для членения понятий.

Что касается общественной психологии, то она, как будет показано ниже, является необходимым моментом всех форм общественного сознания и всех названных мыслительных образований. Поэтому психология может выступать в качестве «парной категории» в отношении каждого из этих образований, например по отношению к идеологии, как это было сделано Г. В. Плехановым.

Рассматривая место идеологии в структуре общественного сознания, следует иметь в виду, что идеологический момент также имеется во всех названных формах и образованиях общественного сознания, в том числе и обыденного. Но яснее всего он выступает в соотношении знания и идеологии (на этом вопросе мы остановимся несколько ниже).

Все перечисленные категории общественного сознания имеют свое собственное содержание и особенности. Поэтому, по нашему мнению, недопустимо отождествление одной из них с другой, например обыденного сознания с общественной психологией или с индивидуальным сознанием. Однако содержание этих категорий частично переплетается и частично налагается друг на друга. Это создает значительные трудности в выявлении их специфики и соотношений.

Рассматривая вопрос о социологии сознания, нельзя обойти проблему сознания и самосознания личности. Проблема личности — социальная; поэтому и вопрос о сознании личности также относится к социологии. В современной буржуазной литературе по проблемам личности последняя часто сводится к ее сознанию, самосознанию, психике; либо, наоборот, из личности исключается ее внутренний мир, ее сознание. Эти концепции нашли известное отражение и в некоторых марксистских работах о личности.

Вопрос о сознании личности не тождествен с вопросом об индивидуальном сознании. Индивид и личность — это разные понятия. Понятие «индивид» обозначает отдельного человека. Когда мы говорим об индивидуальном сознании, то имеем в виду особенности сознания индивида сравнительно с сознанием коллективов и общества.

Понятие «личность» означает совокупность социальных качеств и свойств индивида, выработанных в нем обществом. В понятии личности мы выделяем качества индивида как работника, гражданина и человека. (Термин «человек» здесь употреблен в смысле качеств индивида в общении.) Отождествление понятий индивида и личности лишает последнее понятие его специфического содержания, делает его лишним. Рассматривая проблему сознания и самосознания личности, мы выясняем, какое место занимает сознание и самосознание в сложной структуре личности.

Что же касается общей структуры общественного сознания, т. е. соотношения и субординации всех его отдельных форм, состояний и уровней, то такой задачи мы здесь не ставим, а ограничимся в тех или иных случаях лишь соображениями о связи отдельных образований общественного сознания между собой. Ведь ни перечис-

ление и анализ таких отдельных образований, ни раскрытие связей между ними не дает еще такой общей структуры, но является лишь подходом к ней.

Теория общей структуры предполагает рассмотрение *системы* с ее внутренне необходимым строением, подобным структуре психики, раскрываемой психологической наукой и являющейся плодом многовекового развития этой науки, или теории познания, разработанной классиками философии, и в особенности классиками марксизма-ленинизма. В создании же общей теории структуры общественного сознания дело пока обстоит примерно так же, как в квантовой механике, в которой, несмотря на собранный огромный материал, нет еще общей теории микрочастиц.

2

СОЗНАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Понятия бытия и сознания являются коренными категориями диалектического материализма. Соответственно общественное бытие и общественное сознание представляют собой столь же фундаментальные категории исторического материализма. Эти последние понятия выражают применение марксистской философской теории к обществу, доведение материализма «доверху», до научно-материалистического понимания общественной жизни.

Хотя наша главная задача — выяснение роли сознания, но, видимо, здесь необходимо кратко сказать и об общественном бытии. В настоящее время в марксистской литературе можно выделить следующие взгляды на содержание понятия общественного бытия: многие считают, что оно совпадает с понятием экономического строя общества. Этот взгляд распространен в наших учебных пособиях по историческому материализму. Другие отождествляют его с понятием материальных общественных отношений, т. е. таких отношений, которые возникают независимо от общественного сознания и лишь потом отражаются в последнем (Г. М. Гак, Г. Е. Глезерман, А. К. Уледов и др.). Согласно этому пониманию, к общественному бытию кроме экономики следует отнести

классы, нации и семью. Третьи рассматривают его как основу и элемент всех общественных, в том числе и духовных, отношений (В. Г. Иванов, Н. В. Рыбакова и др.).

Мы полагаем, что к общественному бытию, соответственно общему понятию бытия как существования, следует отнести всю непосредственную жизнь и деятельность общества в отличие от опосредованной общественным сознанием духовной жизни общества.

Из этого понимания следует, что к общественному бытию относятся все названные формы материальных общественных отношений (экономика, классы, нации, семья), а также та сторона политической жизни общества, которая выражается в практической деятельности государств, партий и других органов общества: войны, суды, тюрьмы, классовые битвы. Государственная и партийная деятельность руководствуется той или иной идеологией, но суть этой деятельности в практике. Практика эта относится к общественному бытию. Поэтому, по нашему мнению, политика есть область синтетическая, включающая и общественное бытие и общественное сознание.

Включать же в общественное бытие и духовную жизнь общества, как это делают представители третьей точки зрения, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Духовная жизнь общества содержит в себе момент бытия, поскольку и она есть вид деятельности, особая форма практики. Однако это не дает оснований включать ее в общественное бытие. Ведь духовная жизнь и отношения между людьми, возникающие в ней (отношения между ученым и учениками, воспитателями и воспитуемыми, художником и зрителями, клиром и верующими и т. д.), порождаются и существуют на базе общественного сознания, а не вне его и в зависимости от него. Ее суть — «производство» идей, а не объективных реальностей: не вещей (как в экономике) и не объективно существующих общественных отношений (как в политике). Что же касается производственно-экономических отношений, то они не являются единственной областью общественного бытия, хотя и составляют его *основу*.

Но возвратимся к вопросу об общественном сознании. Почти во всех советских философских работах, рассматривающих этот вопрос, общественное сознание понимает-

ся как сознание общества, как надиндивидуальное сознание в отличие от индивидуального сознания.

Конечно, общественное сознание следует отличать от индивидуального. Оно является совокупностью всех духовных богатств, накопленных человечеством в процессе его исторического развития. Войдя в библиотеку, в картинную галерею или музей, мы вступаем в хранилище произведений науки, искусства, техники или быта, созданных человечеством. Каждый из нас в лучшем случае может внести свою долю в эти сокровищницы в виде нескольких книг, картин и пр. В этом смысле общественное сознание выше, богаче индивидуального сознания. Недаром Гегель назвал эту ступень сознания «объективным духом» в отличие от «субъективного духа», т. е. сознания отдельного индивида, и считал ступень объективного духа более высокой в развитии абсолютной идеи, чем ступень субъективного духа.

Все творения этого «объективного духа» объективны лишь в том смысле, что они в своей материализованной форме (в форме вещей: книг, картин и пр.) появились и существуют независимо от меня как данного индивида. Но они созданы также индивидами, их сознанием и, будучи опубликованы, получают свое бытие как явление сознания лишь тогда, когда я, как читатель, зритель, слушатель и т. д., освою их своим сознанием, т. е. прочту книгу, прочувствую картину или музыкальную мелодию и т. д. Без этого они остаются мертвыми вещами.

Однако один этот признак (т. е. что общественное сознание — это сознание общества), как будет показано дальше, еще не полностью характеризует общественное сознание, можно даже сказать, упрощает проблему, превращает сложный вопрос исторического материализма в довольно элементарный и тривиальный. Такое понимание общественного сознания имеет по существу тавтологический характер. Если же к этому прибавить то соображение, что и индивидуальное, и общественное сознание «помещается» в головах индивидов, ибо, естественно, никакой «общей» головы у людей не существует, то неполнота такого определения общественного сознания становится вполне ясной.

Нельзя понимать, далее, общественное сознание как какую-то определенную сферу или область общественной жизни. В одном из последних учебных пособий по исто-

рическому материализму сказано: «*Общественное сознание* — это духовная жизнь общества, вся совокупность общественных идей, взглядов, теорий, желаний и настроений людей»¹. Здесь, как видно, общественное сознание отождествляется с духовной жизнью общества. С этим, на наш взгляд, нельзя согласиться по двум причинам: во-первых, общественным сознанием обладают люди, работающие во всех сферах общественной жизни, а не только в духовной; во-вторых, духовная жизнь общества есть не сознание, а именно жизнь, деятельность, обслуживающая различные формы общественного сознания (науку, искусство и пр.).

Как же следует смотреть на понятие и признаки общественного сознания? В. И. Ленин, говоря об общественном сознании, исходил прежде всего из сопоставления общественного сознания с сознанием вообще, сознанием в плане диалектического материализма. «Сознание вообще, — писал он, — *отражает бытие*, — это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно»².

Общей чертой сознания вообще и общественного сознания, кроме того, что и то и другое сознание есть отражение бытия, являются также зависимость, вторичность сознания вообще от бытия вообще, а общественного сознания от общественного бытия. «Материализм вообще, — писал В. И. Ленин, — признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества»³.

Таким образом, согласно В. И. Ленину, общественное бытие независимо от *общественного* сознания. Иными словами, явления общественного бытия возникают и развиваются (до того момента, когда они отразятся в общественном сознании) без этого отражения. Но общественное бытие в отличие от бытия природы осуществляется с сознанием вообще, ибо все, что делают люди, они дела-

¹ «Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм». М., 1968, стр. 10.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 343.

³ Там же, стр. 346.

ют сознательно, кроме совершаемого в физически бессознательном (безумном, лунатическом, пьяном) состоянии. Но далеко не все делается людьми сознательно в смысле общественного сознания, т. е. понимания общественного значения их действий и их результатов, понимания сущности тех общественных отношений, в условиях которых люди действуют.

Ленинское различие сознания вообще (сознания в плане диалектического материализма) и общественного сознания имеет принципиальное значение. Русский махист А. Богданов игнорировал это различие. Поэтому он сделал вывод: раз все делается людьми сознательно, значит, в обществе не может быть ничего независимого от сознания. Он отождествил общественное бытие и общественное сознание, стал на позиции идеализма. Отрицание Богдановым независимости общественного бытия от общественного сознания на том основании, что в обществе все совершается сознательными существами, Ленин назвал «пустяками».

Указывая на объективный характер («объективную логику») изменений общественного бытия, В. И. Ленин замечает, что это логика «объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и *подчеркивает* своей «теорией» Богданов), а в том смысле, что общественное бытие *независимо от общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда»¹.

В высказываниях В. И. Ленина об общественном сознании выступают три признака последнего. Во-первых, общественное сознание есть отражение общественных отношений и никаких иных. По этому признаку к общественному сознанию относятся все мысли об общественных явлениях на самых разных уровнях: от суждений домохозяйки о ценах на базаре до самых отвлеченных и сложных социологических теорий. Это признак настолько «жесткий», что ряд социологов отказываются относить

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 345.

науки о природе к формам общественного сознания, ибо предмет естествознания не общество, а природа¹.

Во-вторых, общественное сознание есть продукт духовной деятельности всего общества, многочисленных поколений людей. Об этом признаке мы уже говорили.

В-третьих, общественное сознание есть выражение того уровня сознания, который называется общественной сознательностью, т. е. пониманием (правильным или неправильным) сущности общественных отношений, в которых человек действует, роли в этих отношениях его деятельности в отличие от стихийности как выражения общественной несознательности, в отличие от узколичных мотивов деятельности. В. И. Ленин писал, что крестьянин, продавая свой хлеб на рынке или сбывая его прасолам и купцам (и действуя при этом, скажем мы, сознательно в том смысле, что он старался прѣдать этот хлеб дороже), не сознавал при этом, что этим актом продажи он включается в мировой экономический рынок, и не сознавал, какие общественные отношения складываются в результате обмена, т. е. что он актом торговли укрепляет производственные отношения капитализма.

«Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве, — писал В. И. Ленин, — сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*»². Следует вдуматься в эти антитезы: «сознают» и одновременно «не сознают».

«Из того, — отмечал В. И. Ленин, — что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь слож-

¹ Мы не разделяем такого мнения. Во-первых, естествознание, как и вся наука в целом, есть продукт развития общества. Во-вторых, если не в фактах, то в выводах естествознания много от общества, от мировоззрения, от общественных настроений, от идеологии и пр. В-третьих, естествознание служит обществу, производству, развитию производительных сил и пр. Поэтому, по одному лишь указанному признаку нельзя исключать естественные науки из форм общественного сознания, хотя это включение должно содержать соответствующую оговорку.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 345.

ных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д.»¹. Здесь опять та же антитеза: «сознательные существа»... «не сознают».

Опровергая богдановское отождествление общественного бытия и общественного сознания, В. И. Ленин показывает, что отнюдь не всякий сознательный акт является выражением общественного сознания. В приведенных цитатах В. И. Ленин прямо различает сознание в смысле свойства каждого разумного существа («сознание вообще») и сознание как понимание сущности общественных отношений, в которых человек живет и действует (общественное сознание).

Обратимся еще к одному примеру из работ В. И. Ленина. Он, как известно, различал стихийную (т. е. бессознательную) и сознательную борьбу рабочего класса. К первой он относил экономическую классовую борьбу, где рабочие выступают как продавцы своего «товара» — рабочей силы и стремятся, как и всякий продавец, продать этот «товар» возможно дороже, т. е. борются за сохранение или увеличение зарплаты или вообще за лучшие условия труда. В. И. Ленин указывал, что в экономической борьбе можно усмотреть лишь зачатки сознательности, а именно сознание того, что в одиночку за эти цели бороться невозможно; необходимо объединение рабочих, совместные действия против хозяина.

Политическую же борьбу рабочего класса, направленную уже не против отдельного предпринимателя, своего хозяина, но против буржуазного государства как представителя интересов буржуазии вообще, В. И. Ленин считал сознательной, так как она освещена пониманием целей и задач рабочего класса в целом. Здесь мысль та же самая. Экономическая борьба есть борьба сознательная в общем смысле сознания: рабочие борются за определенные цели, но она стихийна, бессознательна в смысле общественной, классовой сознательности.

Итак, В. И. Ленин не останавливался на определении общественного сознания как отражения общественных отношений в отличие от отражения в сознании человека природы или свойств организма человека. Он отчетливо

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 343.

различал две указанных ступени, *два уровня* сознания у людей в обществе: уровень сознания как просто разумности мыслей и действий и уровень общественного сознания.

«Никогда этого не было, — писал В. И. Ленин, — да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса прилагивается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время»¹.

Задача, поставленная в настоящее время нашей партией, — поднять сознательность народа до уровня научного понимания законов и процессов общественной жизни — после ее реализации сделает последнее из приведенных положений Ленина истиной прошлого касательно нашего народа, «истиной для определенного времени», как называл такие истины Ленин, чему он мог бы только порадоваться.

Из ленинского понимания общественного сознания не следует, что это сознание присуще лишь марксистам, т. е. людям, усвоившим научное понимание совокупности общественных отношений. Тот или иной, правильный или неправильный, взгляд на общественные отношения был и имеется у людей различных классов и идеологий.

Некоторые исследователи не согласны с данным различием сознания вообще и общественного сознания, рассматривают его как теорию «двух сознаний». Так, В. Ж. Келле пишет: «Диалектический материализм ставит и решает общий вопрос о соотношении материи и сознания, а исторический материализм, опираясь на это общее решение основного гносеологического вопроса, определяет и исследует то же самое сознание, но под другим углом зрения, как явление общественное. Считать же, что философия занимается одним «видом» сознания — сознанием вообще, а социология другим его «видом» — общественным сознанием, что эти виды созна-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136—137.

ния как бы сосуществуют рядом, просто неверно. Эта точка зрения вступает в противоречие с признанным положением о социальной природе сознания. Ведь и логика, и психология также изучают сознание, а не разные «сознания», но выделяют в нем свой предмет исследования, свой угол зрения»¹.

Конечно, двух сознаний нет. Речь идет, как мы пытались обосновать, не о числе сознаний, а о различных уровнях сознания. Это различие имеет вполне объективный характер. Поэтому, далее, сводить проблему лишь к «углу зрения» недостаточно. Различие «углов зрения» на сознание в диалектическом и в историческом материализме определяется указанным объективным различием уровней сознания вообще и общественного сознания. Признание этого различия не противоречит «признанному положению о социальной природе сознания», ибо и сознание человека в его общем смысле и общественное сознание имеют социально обусловленную природу.

А. К. Уледов также понимает общественное сознание лишь как плод духовной деятельности всего общества, как «сознание общества». Наша же мысль состоит в том, что понятие общественного сознания нельзя свести лишь к одному указанному признаку. При этом А. К. Уледов считает, что «ленинское положение (об отражении общественным сознанием общественного бытия. — В. Т.) не дает оснований сводить общественное сознание, т. е. сознание общества, к сознанию об обществе, т. е. к самосознанию общества. А такое сведение как раз и характерно для суждений В. П. Тугаринова»². Как только что было показано, в общественное сознание входят также и общие идеи о природе, а не только об обществе. Что же касается вопроса, включать ли в общественное сознание естествознание и математику, то такой же вопрос может возникнуть и в отношении некоторых видов и жанров искусства, например орнамента, пейзажа, анимальной живописи, а также образов религиозной идеологии.

Вообще надо сказать, что действительность сложнее «чистых» схем. Однако, по нашему мнению, положение о том, что общественное сознание есть сознание общест-

¹ «Проблемы сознания». Материалы симпозиума, стр. 7.

² А. К. Уледов. Структура общественного сознания. М., 1968, стр. 19—20.

венных отношений, отмечает именно то, что А. К. Уледов называет самосознанием общества. Общественное сознание имеет свой предмет — общественные отношения. Основными носителями его в области науки являются общественные науки. Они являются самосознанием общества.

Итак, на наш взгляд, в философско-социологической литературе дается неполная трактовка понятия общественного сознания. В ней раскрываются первых два (из указанных трех) признака последнего, но отсутствует третий признак, который был назван здесь признаком общественной сознательности. Игнорирование его грешит не только тем, что он не увязывает учения о сознании в диалектическом материализме с учением об общественном сознании в историческом материализме, но и не дает теоретических оснований для борьбы против схем, подобных богдановской. Пренебрежение им вносит неясность в ряд других проблем исторического материализма, прежде всего в вопрос о стихийности и сознательности, а также в соотношение общественного сознания с такими категориями, как индивидуальное и коллективное сознание, к которым мы теперь и перейдем.

3

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ

Г. Уэллс в романе «Первые люди на луне» описал переживания одного из героев этого произведения — мистера Бетфорда, который в полном одиночестве, один среди звезд, размышляет о себе. Ему представляется, что он раздвоился, и что мистер Бетфорд не более как щель, через которую он, как некий сверхличный разум, смотрит на мир.

Мы до сих пор рассматривали сознание как общее свойство всех людей, взятых вместе, как некий над-индивидуальный экран, отражающий внешний мир, как этот «сверхличный» разум. Сознание же каждого отдельного человека есть лишь точка на этом экране, хотя в каждой такой точке в той или иной мере отражается весь мир. Личные «точки» или «щели» возникают и исчезают, а экран остается. Однако каждый индивид с его

сознанием, независимо от степени его личной скромности, представляет себя как некий центр, вокруг которого вращается все остальное. Таково устройство сознания.

Все формы сознания помещаются в одной и той же «коробке» индивидуального мозга человека. Уже один этот факт свидетельствует о неправомерности бытующего противопоставления индивидуального и общественно-го сознания как неких парных категорий. Индивидуальное сознание является вместилищем как сознания вообще, так и общественного сознания.

Общественное сознание как результат умственной деятельности всего человечества, т. е. как коллективное сознание, помещается в индивидуальном сознании данного человека лишь частично, ибо нет таких гениев, которые вместили бы всю мудрость и все знания человечества. В этом смысле признаком индивидуального сознания является его большая ограниченность, чем историческая ограниченность сознания всего человечества. К этому надо добавить в качестве второго признака индивидуального сознания различие сознания отдельных людей в зависимости от их способностей, склонностей, классовой направленности, различных установок, ориентации и пр.

Авторы уже цитированного учебного пособия пишут, что «индивидуальное (сознание. — В. Т.) значительно конкретнее и многообразнее, чем общественное. Но с другой стороны, индивидуальное сознание не может достигнуть той глубины и всесторонности, которой обладает общественное сознание»¹. Эти положения требуют уточнения. Индивидуальное сознание «конкретнее» лишь в том смысле, что оно многовариантно. Что оно «многообразнее» общественного сознания, это требует оговорки: как уже сказано, нет таких индивидов, которые могли бы охватить все многообразие специальностей, имеющихся в обществе, индивидуальное сознание не может быть таким всесторонним, как общественное сознание. Что же касается глубины последнего, то и это верно не всегда: новая, более глубокая мысль обычно вначале зарождается в индивидуальном сознании и только потом (и часто после смерти ее автора) становится общим

¹ «Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм», стр. 200.

достоянием. Мысли всех истинно великих людей в истории были глубже, чем общий уровень идей их современников.

Наряду с уже отмеченным противопоставлением индивидуального и общественного сознания в нашей литературе можно встретить и отождествление индивидуального сознания с сознанием вообще. Само собой разумеется, сознание вообще, т. е. разумность, присуще каждому индивиду, находящемуся, как говорится, «в здравом уме и твердой памяти». Однако оно в такой же мере присуще и всем остальным индивидам, находящимся в том же состоянии. Сознание вообще — это свойство всего человеческого рода. Поэтому его нельзя отождествлять с индивидуальным сознанием, которое должно иметь свои особые, присущие только ему признаки. А эти-признаки суть лишь индивидуальные особенности сознания личности. Таким образом, понятие индивидуального сознания, представляя большой интерес для психологии, педагогики, для теории личности и т. д., в нашем плане различения структур и уровней сознания в обществе не представляется особенно содержательным. В этом плане имеет некоторое значение сопоставление этого понятия с понятием коллективного сознания, т. е. с сознанием различных общностей людей.

С понятием коллективного сознания мы встречаемся в социологии постоянно, говоря о классовом, национальном, религиозном, возрастном и пр. сознании. Речь идет в данном случае, очевидно, о тех специфических чертах сознания, которые характерны для каждой из этих общностей. Понятие коллективного сознания может быть распространено на все общество, находящееся на той или иной ступени развития, на все общество той или иной исторической эпохи. Так, в существующей литературе по вопросу о сознании людей первобытно-общинного строя понятие коллективного сознания рассматривается в этом объеме. В настоящее время широкое распространение получили теории «негритюда», теории об особенностях сознания и культуры африканских народов, т. е. о коллективном сознании больших расовых и национальных общностей.

В марксистской социологической литературе наиболее разработана проблема классового сознания. Что же касается проблем национального сознания, то она, к со-

жалению, исследована недостаточно. Одной из причин этого, по-видимому, является представление, будто изучение этой проблемы противоречит принципам интернационализма. Такое мнение и опасение, конечно, несостоятельны. Марксистское понимание особенностей национального сознания необходимо противопоставить националистическим и расистским писаниям по этому вопросу. Проблема национального сознания после тех реакционных «эффектов», какие она дала в гитлеровской Германии и в идеологии неофашизма, а также ввиду культивирования идеи «азиатского коммунизма» и левого авантюризма, требует большого внимания марксистских теоретиков. Никто, разумеется, не склонен обвинять целые народы в действиях их правителей. Однако нам представляется несомненным, что эти действия имели кроме всего прочего также и источники в некоторых чертах национального сознания, присущих буржуазии и мелкой буржуазии данных стран. В меньшей степени важны исследования по проблемам сознания развивающихся стран «третьего мира».

Конечно, особенности национального сознания коренятся не в природе тех или иных наций и рас, а в исторических условиях их развития, в действии форм общественного бытия, через которое прошли различные человеческие общности. Поэтому марксистские исследования национального сознания не могут ни в какой мере способствовать усилению идеологии национализма и расизма. Наоборот, они позволят очистить реакционные наслоения вокруг этих проблем.

Социологические и социально-психологические исследования по проблемам национального сознания и сознания той или иной исторической эпохи позволяли бы ответить и на ряд вопросов общей истории, остающихся до сих пор недостаточно ясными. Таков, например, вопрос о том, почему в эпоху средневековья огромное влияние на сознание имела религиозная идеология. Человек в средние века «видел бога» во всех явлениях природы и человеческой жизни. «Присутствие» бога он чувствовал в произрастании растения, в пении птицы, в любом поступке человека. Это мироощущение отсутствует у современного человека, и это в известной мере способствует отмиранию религии.

Воздействие идеологических факторов опосредовано

общественной психологией, то же следует сказать и о ряде других социальных факторов. Социологический анализ не дает достаточно конкретного ответа на эти вопросы без анализа социально-психологических процессов. Почему так различны формы и стили искусства у разных народов? На этот вопрос нельзя ответить без исследования особенностей национального сознания. Ведь в искусстве выражается душа народа. Без изучения особенностей национального сознания историческая наука не полна. Важно исследовать и динамику, изменение коллективного сознания. Много ли у нас, к примеру, серьезных социологических исследований об эволюции общественного сознания целых исторических эпох, или об изменениях в сознании современной молодежи сравнительно с прошлым? Мы имеем в виду именно обобщающие работы, а не частные попытки ответить на этот вопрос путем анкет и интервью. Заслуживает внимания исследование особенностей сознания различных социальных слоев нашего народа, например интеллигенции.

Что же собственно имеется в виду под термином «коллективное сознание»? Коллективное сознание — это то общее, что имеется у всех (или у большинства) людей, принадлежащих к той или иной (классовой, национальной, возрастной и пр.) общности, а следовательно, то, что отличает сознание одной общности от другой. В известном определении нации наряду с экономическими, территориальными и языковыми имеется и признак психологического склада нации (национального характера), проявляющегося в общности ее культуры. Таким образом, этот признак не только субъективно-психологический, внутренний, но и внешний, объективный, ибо культура есть явление вполне объективное.

Различия в сознании тех или иных коллективов и общностей не затрагивают видовых черт человеческого сознания, как и особенностей его психики вообще: психофизиологических аппаратов, их структуры и возможностей. Такие различия являются выдумкой расистов и националистов. Различия в сознании различных общностей обусловлены не природой, а неодинаковыми историческими судьбами рас и народов, а также социальным положением различных людских общностей, живущих в одно и то же время. Пользуясь биологической термино-

логией, можно сказать, что это — различия не генотипические, а фенотипические. Они не вечные и не обратимые, а преходящие и изменяющиеся в процессе исторического развития, смены общественных формаций и этапов этих формаций. Особенности же возрастного сознания изменяются вместе с возрастом данного поколения.

Коллективное сознание выражается не только в формах сознания тех или иных общественных групп, но и сознания целого общества той или иной эпохи, в форме «духа времени». Этот термин, который до сих пор не в ходу в марксистской исторической и социологической литературе, имеет реальное значение. Проникновение в умонастроения и чувствования людей того или иного исторического периода всегда отличали сочинения крупнейших историков и хорошие исторические романы. Теория «вчувствования» критикуется марксизмом не потому, что такого вчувствования не существует, а потому, что оно не заменяет объективно-научного подхода. Но без вчувствования в материал, в быт не может быть ни хорошего художника, ни драматурга, ни актера.

Сознание коллективов различной общности изменяется, как правило, медленнее, чем индивидуальное сознание. Изменение сознания коллектива начинается с изменения сознания отдельных его членов. Так, например, преодоление буржуазного национализма осуществляется в результате проникновения и распространения в том или ином коллективе, зараженном национализмом, интернационалистской идеологии. Однако те или иные индивиды могут еще долго хранить старые предрассудки, уже оставленные коллективом.

Существование разнообразных коллективов в современном обществе ведет к тому, что индивид является членом не одного, а одновременно многих коллективов. Взаимодействие индивида и коллектива носит всесторонний характер в том смысле, что нет ни изолированного индивида и ни одной формы деятельности человека, которая не была бы связана с этим взаимодействием. Поэтому коллективное сознание также по своему характеру универсально: оно присуще любой форме общественной жизни. Поэтому нам кажется неправильным связывать понятие коллективного сознания с теми или иными отдельными формами бытия или сознания, как это делает, например, Б. Д. Парыгин, считающий объектами

коллективного сознания обычаи, нравы и традиции¹. Разумеется, обычаи, нравы и традиции — это явления коллективного сознания, но лишь наряду со многими другими, связанными со всеми сферами жизни людей.

Как индивидуальное, так и коллективное (групповое) сознание может проявляться на уровнях обыденного и теоретического, научного сознания. Рассмотрим эти категории.

4

ОБЫДЕННОЕ И НАУЧНОЕ СОЗНАНИЕ

Характеристики, определения обыденного сознания в нашей литературе даются различные. В одних работах оно характеризуется как эмоциональное в отличие от рационального. В других — как донаучное или вненаучное, «наивное», некритическое и даже «иллюзорное». В третьих — это сознание определяется как сфера личных, повседневных, элементарных интересов и отождествляется с индивидуальным сознанием, которое, таким образом, сводится к ограниченной сфере обыденного сознания, что явно несправедливо, так как индивидуальное сознание охватывает также научные, политические, этические и другие интересы. В некоторых работах обыденное сознание отождествляется с общественной психологией, или последняя включается как часть в обыденное сознание. Последнее, конечно, верно, но не является специфическим для обыденного сознания. Общественно-психологический момент имеется во всех явлениях общественного сознания.

Определить природу и сферу обыденного сознания действительно не так просто. Легче всего, конечно, наделять ученых научным сознанием, а всех остальных — обыденным. Однако такой трактовке противоречит тот факт, что ученые думают не только о своей науке, но и о вещах обыденных, а с другой стороны, то, что в современном обществе все или почти все люди имеют ту или иную степень образования и потому судят о вещах и с научных позиций. Целый ряд явлений, объяснение которых в свое время было достоянием лишь ученых-специа-

¹ См. Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л., 1965, стр. 9.

листов или мыслителей, теперь стал общим достоянием и рассматривается как обыденные. Кто теперь не знает, что Земля есть шар и что планеты движутся «по кругам своим»? Кто не знает, что такое витамины и антибиотики? Итак, если под обыденным сознанием разуместь сознание масс, то получается, что по мере того как научные знания становятся достоянием масс, они переходят в разряд обыденного сознания; к научному же сознанию придется в таком случае отнести лишь весьма специальные знания, выраженные в математических или химических формулах и сугубо специальных терминах. Да и те пошли в оборот в фантастических романах и в драматургических произведениях на «производственные» темы.

Можно рассуждать и иначе: поскольку, мол, я думаю о вещах повседневной, будничной жизни, то я нахожусь в сфере обыденного сознания, а если я сел за рабочий стол или пришел в свою лабораторию, то я воспаряю в область научного сознания. При таком подходе каждый, занимающийся наукой, по несколько раз в течение дня переходит из одной сферы сознания в другую. Люди же, не занимающиеся наукой, лишены этих метаморфоз и все время вращаются в сфере сознания обыденного.

Можно подойти к вопросу и так: обыденное сознание есть такая форма, когда тот или иной вопрос решается с позиций житейского «здравого смысла»; научное же сознание — это сознание теоретическое. Однако и при таком подходе возникает возражение, что и научное сознание не чуждается здравого смысла, хотя и выходит за границы последнего, когда рассматривает вещи не обыденные, не наблюдаемые в обычном массовом опыте. Такое переплетение уровней создает значительные трудности для определения обыденного сознания, выявления его специфических особенностей. Поэтому даже наиболее продуманные из этих определений схватывают черты обыденного сознания лишь приблизительно, нечетко.

Возьмем для примера одно из наиболее полных определений обыденного сознания, даваемых в нашей философской литературе. «*Обыденное, повседневное сознание* — это массовое сознание людей, возникающее в процессе их повседневной жизни. Оно представляет собой довольно широкую область, включающую в себя знания и навыки, складывающиеся в процессе трудовой деятельности людей, наивные представления об окружающей их

природе, непосредственно житейские нравственные нормы, обычаи, представления людей об их собственном социальном положении и потребностях»¹.

Нетрудно видеть, что определение обыденного сознания и перечисление его признаков здесь весьма неопределенны, не имеют в своей основе какого-либо отчетливого признака. Насчет «массовости» было уже сказано. Если принять признак «наивности», то следует отнести обыденное сознание в разряд ненаучного или донаучного сознания, что явно несправедливо и не может служить основой для выделения обыденного сознания в особую форму сознания. Невежество или незнание не есть форма сознания, а просто его недостаток. Что такое «непосредственно житейские нравственные нормы» в отличие от «опосредованных» или «нежитейских» тоже не очень ясно.

Но неудачность как определения, так и перечисления признаков обыденного сознания в данной цитате не означает неверности ее основной, хотя и не высказанной прямо идеи: *обыденное сознание — это такое сознание, которое направлено на круг явлений, не обязательно требующих для своего практического использования научного подхода, которое основано на житейско-эмпирических знаниях и навыках, добытых вненаучным путем.*

Вопрос, следовательно, сводится к тому, существует ли в обществе такая именно сфера явлений? Несомненно. Конечно, в принципе все сферы общественной жизни и деятельности могут и должны являться объектом научного изучения и научного совершенствования, но фактически в настоящее время далеко не всё из них является таким объектом, и, что главное для нашего вопроса, даже в тех из них, на которые наука уже обратила свое внимание, люди обычно не пользуются или мало пользуются результатами научного исследования.

Это прежде всего сфера быта. Домашняя хозяйка покупает на рынке товары, нужные семье, не руководствуясь экономическими законами стоимости и законами спроса и предложения, а исходя из чисто эмпирически наблюдаемых колебаний в рыночных ценах. Качество пищевых продуктов эта хозяйка определяет не путем

¹ «Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм», стр. 201.

химических анализов, а по внешним признакам. Готовит обед она на основе «рецептов» и «технологии», которым ее обучили мать и соседки.

Но сфера обыденного сознания выходит далеко за границы быта. Мнение об окружающих человека явлениях общественной жизни люди часто создают на основе собственных размышлений или на базе мнений окружающих, но не общественной науки. Эти мнения не обязательно невежественны или неправильны. Политические и экономические знания проникли у нас в широкую среду и так или иначе влияют на эти мнения и мысли. Однако эти последние часто не доходят до уровня научного знания об этих явлениях. Представления об явлениях природы в обыденном сознании также не обязательно «наивны». Определенный уровень научных представлений об этих явлениях давно стал достоянием широких масс. Теперь уже трудно найти человека, который «объяснял» бы гром грохотом колесницы Ильи-пророка. Ссылка на то, что Солнце вечером «устало» и «ложится спать», теперь фигурирует лишь в детских сказках. Но обыденное сознание и в этих вопросах обычно не использует последних данных науки.

Таким образом, различие между обыденным и научным сознанием относительно и подвижно, однако оно существует, характеризуя либо чисто эмпирическое, а не теоретическое понимание явлений жизни, либо неодинаковый уровень научности в объяснении их в силу того, что информация об этих явлениях добыта не научным путем. Это различие имеет определенную базу, а именно широкие народные массы, состоящие из людей, не являющихся специалистами в науках и потому судящих о многих вещах дилетантски. Но в обыденных и практических вопросах уровень знаний и навыков может быть весьма квалифицированным.

Проблема обыденного сознания возникает в связи с тем, что научное сознание и познание проникает неодинаково в различные сферы общественной жизни, и что научные знания людей в обществе далеко не одинаковы, не стоят на одном уровне. Различие обыденного и научного сознания коренится не в различии их предметов, ибо предметом научного исследования могут быть все явления природы и общественной жизни, и с другой стороны, ко всем этим явлениям может быть проявлен прак-

тически-эмпирический подход. Иными словами, как обыденное, так и научное сознание являются универсальными в том смысле, что они применимы к любой сфере общественной жизни. Различие между этими формами сознания не в их предмете, а в их уровне и в методах «добывания» информации, на которых они основаны.

Люди получают сведения о внешнем мире (в том числе и об общественных явлениях) двояким способом: а) посредством личного опыта и опыта своих предков, добытого в практических жизненных ситуациях, и б) посредством науки. Первый способ в течение многих тысячелетий был единственным при получении знаний, навыков и жизненной мудрости. Этот способ нельзя назвать чисто эмпирическим, т. е. ограниченным лишь чувственной ступенью познания. Он давал и обобщения, выраженные в указанном понятии житейской мудрости. В современном обществе наука как более высокая форма познания постепенно вытесняет традиционные, обыденные формы познания и основанную на них практику. Как познание, так и практика становятся все более научными. Но проникновение науки во все сферы жизни и сознания по существу только еще началось. Поэтому проблема обыденного сознания имеет большое значение.

Обыденное сознание справедливо рассматривается как противоположность теоретического, научного знания (хотя это различие, как мы видели, имеет относительный характер, особенно если учитывать динамику обоих этих уровней сознания). Научное же и вообще теоретическое знание в свою очередь как бы расщепляется на собственно знание и идеологию. К этому вопросу мы и перейдем.

5

ЗНАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ

Идеология рассматривается в настоящее время в трех аспектах: а) соотношение ее с формами общественного сознания; б) соотношение ее с общественной психологией; в) соотношение знания и идеологии.

Первый аспект мы здесь оставим в стороне, так как не рассматриваем формы общественного сознания. Второй аспект этой проблемы будет рассмотрен в 5-й главе

в связи с вопросом о социальной психологии. Здесь же мы остановимся на соотношении знания и идеологии.

Нередко эта проблема формулируется как соотношение науки и идеологии. Такая формулировка проблемы особенно характерна для современной буржуазной социологии, пытающейся доказать, что идеология не имеет научного значения. Противопоставление науки и идеологии, имеющее целью объявить марксистскую идеологию псевдонаучной, провозгласить заодно крах всякой идеологии, эру «деидеологизации», является одной из важнейших черт современного антикоммунизма. Тезис о «ненаучности» идеологии преподносится в настоящее время в качестве некой «аксиомы» не только позитивистскими, но и выступающими против позитивизма, выражающими «разочарование» в науке течениями буржуазной философии и социологии. Но извращение проблемы соотношения знания и идеологии не означает отрицания рационального значения самой этой проблемы. Естественно, что она поставлена и в марксистской литературе.

Сопоставляя здесь понятия знания и идеологии (а не науки и идеологии), мы придаем проблеме более общий характер, освобождаясь одновременно от разбора сложного вопроса о том, что в накопленном знании имеет научный характер, а что его не имеет. Эта последняя проблема не надумана, имеет вполне реальное значение. Так, ввиду особенностей философского знания последнее часто выделяется в особую форму общественного сознания. Вполне обоснованно считая наукой марксистско-ленинскую философию, мы не всегда справедливы в оценке домарксистской философии. Она также была либо наукой, либо содержала определенный элемент научности. Являясь всегда идеологией того или иного общественного класса, философское знание или имело научное значение, или не имело его в зависимости от того, являлась ли она идеологией прогрессивного или реакционного класса и в какой степени она синтезировала достижения наук того или иного исторического периода. Этот пример показывает, что следует различать не только понятия науки и идеологии, но и понятия науки и знания.

Соотношение понятий знания и идеологии касается не только философского знания, но имеет и общее значение для всех явлений общественного сознания.

В нашей философской литературе в течение многих лет не проводилось различий между понятиями общественного сознания, идеологии и науки. Точнее говоря, эти различия фактически имелись ввиду, но не подвергались теоретическому анализу. Считалось само собой разумеющимся, что общественное сознание и его формы имеют классовый характер, их назначение — обоснование интересов различных классов, быть их идеологией.

При более детальном и специальном изучении этого вопроса выяснилось прежде всего, что естественные и математические науки по своему основному содержанию не являются идеологией. Употребляя понятия «буржуазная идеология», «пролетарская идеология», мы не можем говорить о пролетарской физике или о буржуазной математике.

Выяснилось далее, что и в общественных науках не все имеет классовый характер, ибо многие истины исторической науки, языковедения и других общественных наук признаются всеми классами. Было показано, что даже в философии, являющейся в наибольшей степени партийной, классовой, имеются положения, признаваемые марксизмом, но выдвинутые домарксистским материализмом, т. е. представителями ранней, идущей к власти буржуазии. Таково, например, фундаментальное положение всего материализма о первичности материи и вторичности сознания, о котором В. И. Ленин писал, что в этом вопросе К. Маркс стоял на точке зрения Дидро.

В процессе изучения этих вопросов было показано, что классики марксизма-ленинизма, настаивая на классовом подходе к науке и к идеологии, в то же время видели в науке элементы, имеющие общечеловеческое и общеисторическое содержание, а также элементы, общие у пролетарской идеологии с идеологией других классов, поскольку эти последние играли прогрессивную роль в истории. Эти уточнения марксистской теории общественного сознания отнюдь не «ослабляют» принципа классовости и партийности общественного сознания и науки, но, конкретизируя этот принцип, теоретически обосновывают отношение марксизма к современной немарксистской и домарксистской философии, развивают марксистско-ленинское учение об общественном сознании.

В настоящее время проблема отношения идеологии к знанию рассматривается, во-первых, в плане выясне-

ния ее классового характера в отличие от «неклассовых» моментов в научном знании; во-вторых, в более широком плане как одно из проявлений соотношения теоретической и практической функций знания и, в-третьих, с ценностной (аксиологической) точки зрения.

Эти аспекты исследования не противоречат, а дополняют друг друга.

«Идеология, — пишет В. А. Ядов, — входит в область общественного сознания и является его классовой стороной»¹. «Как. целое — совокупность идеологических форм — *идеология есть система идей и взглядов определенного класса или социальной группы*»².

Классовый характер идеологии в классовом обществе есть несомненный факт. Что же касается «идеологии социальной группы», то здесь надо, по нашему мнению, сделать оговорки и ограничения. Нельзя согласиться, что идеология есть система взглядов любой социальной группы. Нет особой идеологии, скажем, у интеллигенции или у молодежи в отличие от классовой идеологии (буржуазной и пролетарской).

Однако понятие «идеология социальной группы» для некоторых случаев, по нашему мнению, оправдано. Дело в том, что не все идеологии являются непосредственно классовыми. Таковы, например, сословная или религиозная идеология. В конечном счете они выражают интересы классов. Однако непосредственная связь с интересами определенного класса здесь не усматривается.

Определение идеологии В. А. Ядовым исходит лишь из наиболее явного ее признака, присущего последней, при этом лишь в классовом обществе. Исходя из такого определения, пришлось бы отрицать идеологию в коммунистическом обществе; с этой точки зрения нельзя объяснить наличие общеисторических и общечеловеческих моментов в самой идеологии.

Поэтому нам кажется целесообразным рассмотреть идеологию с более общей теоретической позиции, с точки зрения различных, хотя и взаимосвязанных функций знания. Предлагаемое здесь определение исходит из другого основания, а именно из различия знания и его практического социально-политического применения. Под

¹ В. А. Ядов. Идеология как форма духовной деятельности общества. [Л.], 1961, стр. 20.

² Там же, стр. 21.

идеологией мы будем разуместь ту сторону общественного сознания, которая непосредственно связана с решением встающих перед обществом или классом социальных задач и теоретически обосновывает изменение общественных отношений или защищает существующие отношения¹.

Такое определение не только имеет более общую форму, но основано на различении познавательных и практических функций общественного сознания: идеология есть та часть общественного сознания, которая имеет непосредственную социальную направленность, которая является непосредственным руководством к социальному действию. Идеология — это не вся совокупность знаний о действительности, но та ее часть, которая «берется на вооружение» общественным классом, или иной социальной общностью, или всем обществом для изменения или сохранения форм общественной жизни. Идеологический момент имеется и в естествознании, поскольку его выводы служат для обоснования мировоззрения.

Люди стремятся познать все, что их окружает в природе и в обществе. Но далеко не все из этой совокупности знаний имеет прямое отношение к их групповым (классовым или иным) интересам, а также к интересам и целям всего того общества, в котором они живут. Лишь эта последняя часть знания является идеологией. Поэтому в понятие идеологии не входят знания о природе и о человеке как организме (кроме тех, которые имеют мировоззренческое значение). В нее не включаются технические знания, а также знания, связанные с личными, индивидуальными интересами.

В этом, по нашему мнению, главное отличие между знанием и идеологией. Признак систематичности, приписываемый идеологии рядом авторов, не является специфическим, ибо он присущ теоретическому знанию вообще, в том числе и идеологии. К этому следует добавить, что идеология, будучи формой теоретического мышления, не всегда является научной.

Знание является общим достоянием всех классов и преимущественно для всех обществ. Конечно, это положение не носит абсолютного характера. Классовый момент

Близкое по смыслу определение см.: В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон. Формы общественного сознания. М., 1959, стр. 11—12.

имеется, как сказано, и в естествознании. Но никто не выступит в защиту тезиса, что нам нужно создавать свое собственное марксистское естествознание и математику. Касательно же общественных наук, где классовый момент наиболее значителен, также едва ли кто будет утверждать, что в этих науках абсолютно все является классовым и нет ничего общезначимого. Археология, этнография, филология и другие общественные науки в странах капитализма и в странах социализма пользуются одним и тем же фактическим материалом, добытым учеными. Обобщения, даваемые на базе этих фактов, также используются марксизмом, если они не искажены буржуазной идеологией.

Идеология же различна у противоположных классов в классовом обществе и у разных конкретно-исторических обществ. Как, исходя из сказанного, определить причины противоположности и борьбы различных идеологий? Если исходить из понимания идеологии лишь как классового сознания, то причинами этого являются экономические и социально-политические интересы противоположных классов. Если же исходить из данного здесь «расширенного» понимания идеологии, то и ответ будет более общий: интересы общества или той или иной социальной группы. Первый ответ будет частным случаем второго. Итак, для понимания различий в идеологии следует выделить роль потребностей и интересов. Являясь объективными факторами, побуждающими людей к практическому действию, они, прежде чем перейти в практику, преломляются в сознании человека, которое, как мы уже видели, производит отбор из знания того, что нужно, полезно, ценно для практики.

Идеология есть не просто составная часть знания, но звено перехода от знания к практике. Прямо из потребности в знании идеологию вывести нельзя. Наука изучает все: и полезное и вредное. В практике же используется не все.

Выясняя в процессе познания свойства предметов и явлений природы и общества, люди не останавливаются на этом, а подходят к изучаемым явлениям и их свойствам с позиций их оценки, их пользы или вреда для людей: для общества, класса или личности. Те явления или свойства явлений, которые найдены полезными, нужными, приятными и т. д. с точки зрения потребностей, инте-

ресов и целей людей, называются ценностями. Таким образом, на базе различных (и противоположных) потребностей и интересов, преломленных в головах людей, создаются различные системы ценностей. Идеология и есть такая система ценностей, т. е. такая совокупность идей, которая является теоретической основой практической реализации потребностей, интересов и целей той или иной из указанных общностей.

В понятии идеологии разумеется совокупность идей о том, что люди ценят и что пытаются осуществить в практической деятельности, а также идей о том, что люди считают вредным, что они хотят уничтожить, чему они противодействуют. Итак, под идеологией в указанном ценностном аспекте следует разумеать систему идей, выделяемых из знания в качестве теоретического обоснования социально-политических, этических и эстетических ценностей исторически определенного общества, класса и иных людских общностей¹.

Такой аксиологический (ценностный) подход к понятию идеологии, исходящий из того, что между познанием и практикой имеется посредствующее звено — оценка², позволяет подвести под понятие идеологии более конкретные гносеологические основания, выявить «механизм» выделения идеологии из знания.

Система идей есть теория. Но если идеология есть теория, то она не может противопоставляться теории, в том числе теории, имеющей научное значение, как это делают буржуазные теоретики позитивистского толка, отрицающие научное значение идеологии вообще и марксистской идеологии в особенности. Подчеркивая теоретическое значение идеологии, мы отвергаем пренебрежение к общественным наукам, отрицание их научного значения на том «основании», что в них «слишком много» идеологии:

Из социологии сознания нельзя исключать сознание личности. Эта проблема имеет свое собственное содержание, отличающееся, как было сказано, от проблемы индивидуального сознания.

¹ Религиозные идеи для верующих также имеют значение «ценностей».

² См. В. П. Тугаринов. Теория ценностей в марксизме. [Л.], 1968.

Под личностью понимается, как сказано, совокупность социально-значимых черт, возникающих и развивающихся лишь в обществе.

6

СОЗНАНИЕ, САМОСОЗНАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ

Освещение сложной проблемы личности не входит в задачи настоящей работы. Речь идет здесь о сознании личности. Возникает прежде всего вопрос: определяется ли сущность личности ее сознанием? В марксистской литературе мы находим различные ответы на этот вопрос от решительного «нет» до столь же решительного «да». Первый ответ представляет Б. Т. Малышев, квалифицирующий положительный ответ на поставленный вопрос как идеализм. Он считает, что надо «не на словах, а на деле отказаться от подстановки сознания под всю природу личности и ликвидировать идеалистическую позицию в психологии»¹.

Положительный ответ на указанный вопрос дает К. К. Платонов. Касаясь известного марксистского положения: «личность по своей сущности есть совокупность общественных отношений», К. К. Платонов считает, что «эта сторона личности, хотя и является наиболее существенной по сравнению с другими, но не единственной»². Далее он пишет: «Можно сформулировать следующие положения... о соотношении личности и сознания. Они говорят об одном и том же, но в известной мере дополняют друг друга. Вместе с тем они показывают, почему личность и сознание не тождественны. Личность — это человек как носитель сознания. Проявление сознания конкретного человека является его личностью. Сознание является сущностью, проявляющейся как личность. Сущностью личности является сознание»³.

Разберемся в вопросе по существу. Определение

¹ Б. Т. Малышев. Человеческая личность и ее проявления. [М.], 1964, стр. 18.

² К. К. Платонов. Сознание и личность. — «Проблемы сознания». Материалы симпозиума, стр. 187.

³ Там же, стр. 189.

личности как совокупности общественных отношений действительно выражает существенную сторону понятия личности. Наряду с этим К. К. Платонов утверждает, что сущностью личности является его сознание. Получается, что у личности имеется две сущности. С этим нельзя уже согласиться. Сознание человека столь же социально обусловлено, как и место человека в обществе. Оно, сознание, входит как необходимое звено в ту совокупность общественных отношений, которая фигурирует в традиционном марксистском определении личности.

Сознание общества и сознание личности формируются, определяется общественным бытием. Но если бытие определяет сознание, то это не значит, что только одно бытие и воздействует на сознание личности. На это сознание воздействует и сознание общества, класса и т. д. Под определяющим влиянием общественного бытия формируется сознание всех людей в обществе, в том числе и сознание отдельного человека, личности. Известно, что сознание молодежи формируется не столько под влиянием лекций, которые мы читаем ей, сколько под влиянием всей окружающей эту молодежь жизни. Эта сила несравнима с нашими специальными воспитательными воздействиями, ибо сила общего больше, чем сила частного. Но это не умаляет значения воспитания, т. е. воздействия одних видов сознаний на другие. Наши лекции есть также часть той «совокупности общественных отношений», о которых идет речь в марксовом определении сущности человека.

Проблема взаимодействия сознаний есть проблема частная по отношению к общественным отношениям как фактору общему, определяющему сознание всех людей вообще и личности в частности. Правда, в той формуле, о которой идет речь, К. Маркс имел в виду не личность, а человека как родовое понятие. Однако это положение, по нашему мнению, верно и для личности. Личность вместе с ее сознанием формируется под воздействием общественных отношений. Сознание людей есть зеркало общественных отношений, в которых он живет и которые пережило все человечество. Поэтому Маркс пишет не просто об общественных отношениях, но о всех общественных отношениях¹. Положение Маркса о чело-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

веке (и личности) как совокупности всех общественных отношений является основой для понимания личности, в том числе и для определения места сознания в структуре личности. Но при таком подходе сознание уже не может фигурировать в качестве сущности личности, а лишь в качестве одного из главных компонентов сложного понятия личности.

Верно, хотя и тривиально, что личность и сознание не тождественны, что личность есть носитель сознания, что последнее проявляется через личность. Сознание выражается в действиях человека. А это значит, что человек — носитель не только сознания, но и определенных социальных функций, социального действия. Он не только сознательное существо, но и часть общественных отношений, социальный функционер. Сознание, проявляясь, превращается в действие, в практику. Поэтому нельзя ограничивать личность ее сознанием. Личность есть живое, действующее существо, а не гегелевский «субъективный дух».

Итак, сущность человека не в одном сознании, а в сумме его внутренних и внешних способностей и возможностей, реализуемых в его жизни, в практике, в условиях определенных общественных отношений.

Человек не только мыслящее и чувствующее, но общественное существо. Личность — это не психологическое, а социальное понятие. Это не означает, что из понятия личности изымается ее психология. Но личность столь же невозможна и без внешнего мира, без своей деятельности в этом мире. Она и в своем сознании, и в своей деятельности есть совокупность всех общественных отношений, ибо сознание человека является образом внешнего мира, «настроено» на этот мир и существует ради действия в последнем. Только при таком подходе можно выработать правильную «модель» личности. Личность есть индивидуальное (внутреннее и внешнее) выражение общественных отношений. Она совокупность ее социальных свойств, выражающихся в особенностях ее сознания и в характере ее деятельности. Итак, сведение личности к ее сознанию мы считаем односторонним взглядом, разрывающим психологические и социологические стороны личности.

Изложенные соображения отнюдь не умаляют значения сознания в структуре личности. Человек, обладаю-

щий неполным сознанием (грудной ребенок) или нездоровым, больным сознанием (умалишенный), не может считаться полноценной и полноправной личностью. Сознание в общем смысле разумности со всеми вытекающими из этого чертами личности является непременным компонентом понятия личности¹.

Под сознанием как одним из признаков личности мы разумеем сознание вообще, разумность, а не сознание в смысле общественной сознательности, как это предлагал в свое время П. Н. Лавров, определяя личность как сознательного человека. Следуя за таким определением, нам пришлось бы признать личностями лишь одних «интеллектуалов». К. К. Платонов, отвергая подобный подход, справедливо писал: «Иногда личность связывают не с сознанием в целом, а только с самосознанием. Такая точка зрения не только сужает понятие личности, но и искажает ее, противопоставляет «личность», как элиту, якобы «безликим людям из толпы»².

Но как понимать самосознание личности? Мы уже говорили, что самосознание возникает вместе с сознанием и потому проходит разные ступени развития от самых элементарных до самых высших. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые считают самосознание высшей ступенью развития сознания. Так, тот же К. К. Платонов пишет: «...сейчас нас больше интересует высший уровень сознания, которым является самосознание. Самосознание как высший уровень сознания — это сознание человеком своего «я» и своих поступков и активное регулирование их в обществе»³.

Данное здесь определение самосознания не характеризует самосознание как высший уровень сознания. Любой человек в любой области обыденного сознания сознает свое «я» и свои поступки и регулирует их в обществе.

Существуют, конечно, и высшие формы самосознания личности: осознание себя как члена своего класса, общества, как носителя высших ценностей. Но эти формы ничуть не выше соответственных форм сознания в

¹ См. В. П. Тугаринов. Личность и общество. М., 1965.

² К. К. Платонов. Сознание и личность.—«Проблемы сознания». Материалы симпозиума, стр. 193.

³ Там же.

целом. Почему самосознание, т. е. сознание, направленное на самого себя, должно быть выше сознания, направленного на других? Многие факты говорят даже о противном: справедливо критикуя других с точки зрения самых высоких требований, многие люди не очень-то часто расположены предъявлять и к самим себе строгие критерии. К тому же было давно отмечено, что человек меньше всего знает самого себя.

Рассмотренные выше структура и уровни общественного сознания имеют длительную историю и сохраняют свои различия и специфику в течение многих столетий. В эти, относительно постоянные, общеисторические формы сознания «вливается» текущее, изменяющееся содержание сознания. По своему конкретному содержанию сознание масс людей изменяется со сменой общественно-экономических формаций и различных этапов развития этих формаций. Поэтому проблема сознания и самосознания масс и личности (сознание которой зачастую меняется еще быстрее, в течение ее жизни) может стать конкретной и содержательной только при рассмотрении ее на конкретном историческом фоне.

Марксистско-ленинское учение об общественном сознании было выработано на основе изучения всей истории человечества. Это учение прошло самую строгую проверку, какую проходит всякая теория, — проверку временем, и подтверждено всем ходом современной истории.

Наиболее значительные изменения в сознании людей произвела Великая Октябрьская социалистическая революция, как революция, перестроившая самые глубокие основы жизни масс и каждого человека в отдельности, последующее построение социализма в СССР и строительство социализма в странах мировой социалистической системы.

Построение социалистического, коммунистического общества невозможно на основе стяжательских, индивидуалистических и иных эгоистических инстинктов и побуждений. Оно требует развития высоких идей общественной сознательности, гармонического сочетания личных и общественных интересов на основе общественных интересов и идеалов. Построение нового общества, если можно так выразиться, «рассчитано» на новый тип личности,

на переделку сознания людей в процессе построения этого общества.

Марксистская теория, практический опыт Советского Союза и других социалистических стран показывают, что переделка сознания людей не заканчивается с ликвидацией эксплуататорских классов. Создание социалистического общественного строя — это хотя и важнейшая основа перестройки сознания, но все же лишь основа. Построить фундамент — это еще не значит возвести все здание. Воспитание нового человека в массовых масштабах требует специальной и непрестанной работы коммунистической партии и всех вообще органов и учреждений общества. Ведь человек воспитывается не только на учебных занятиях, но и в жизни, в работе, в своих взаимоотношениях с организациями и с людьми.

Сознание людей совмещает в себе консерватизм и пластичность, способность изменяться, перестраиваться, приспосабливаться и пр. Оно, с одной стороны, долго хранит тот «настрой», который дан ему прошлым жизненным опытом, а с другой стороны, под влиянием тех или иных отрицательных явлений и воздействий оно способно игнорировать результаты воспитания, обнажая старое или чуждое новому строю нутро, сохранившееся от капитализма и даже более ранних формаций.

Марксизм-ленинизм учит, что носителем социалистического сознания является рабочий класс, ибо он предрасположен к этой идеологии всеми условиями своей жизни. Это положение сохраняет свою силу и в социалистическом обществе, на чем основан тезис Программы КПСС о рабочем классе как руководящей силе нашего общества. Руководящая роль коммунистической партии — основная гарантия сохранения и развития социалистических завоеваний в любой стране, ставшей на путь социализма. Колебания и неустойчивость проявляются преимущественно в среде непролетарских классов и слоев, в частности среди интеллигенции, и особенно той части непролетарской молодежи, которая не имеет политической закалки и жизненных связей с народом.

Отвечая на вопрос, как изменяется сознание личности в условиях социализма, следует исходить из внутренней структуры личности, при этом из структуры содержательной, а не формальной. Если мы понимаем под личностью человека как носителя определенных социальных

свойств, то такой содержательной его структурой будет совокупность этих свойств, воспитанных в нем его обществом, классом и непосредственным социальным окружением.

Из множества социальных свойств, имеющих у каждого человека, не все являются свойствами личноснообразующими, т. е. такими, которые необходимо связаны с понятием личности. Выше было уже сказано, что, по нашему мнению, такими свойствами являются те, которые характеризуют индивида как работника, гражданина и человека. Эти три стороны личности и одновременно три основных элемента структуры личности охватывают главные стороны жизни общественного человека: труд, общественную деятельность и общение.

В каждой из этих главных сторон личности можно выделить в свою очередь группу личностных качеств. История мысли издавна указала эти качества. Это — разумность, ответственность перед обществом и людьми (в деятельности и в быту), свобода (ее понимание и использование), индивидуальность (проявление человеком своих способностей) и личное достоинство (прежде всего достойный образ жизни).

Указанные стороны и качества личности раскрываются во всей истории человечества, имеют общеисторический характер, характеризуя «личность вообще». То или иное конкретно-историческое общество усиливает или ослабляет те или иные из этих качеств, выдвигает те или иные на передний план, а главное, придает им различную направленность.

Г. М. Гак считает, что нельзя говорить о личности вообще¹. Нам же кажется, что без общего понятия личности нельзя разрабатывать марксистскую теорию личности, исследовать личность любой конкретной эпохи, в том числе и особенности личности в социалистическом обществе, подобно тому как без понятия метра (или иного эталона) нельзя ничего измерять. Г. М. Гак не согласен и с указанными признаками личности. Так, касательно ответственности он спрашивает, какая ответственность может быть у эксплуататора². Но в действи-

¹ См. Г. М. Гак. Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1967, стр. 16—17.

² См. там же, стр. 17.

тельности и у эксплуататора имеется ответственность в отношении к своему классу, к своей корпорации, общественному мнению, закону и пр. Даже бандит ответствен в своих действиях перед своей бандой.

Мы сделали этот небольшой экскурс в теорию личности для того, во-первых, чтобы показать, что личность социалистического общества следует рассматривать как единство общеисторических и конкретно-исторических свойств в ее сознании и в действии и, во-вторых, потому, что свой дальнейший анализ будем проводить в плане указанных личностных качеств.

Свойства личности человека социалистического общества — это не какие-то совершенно новые свойства, не присущие человеку прошлого, а развитые, очищенные и облагороженные общечеловеческие черты личности. Эти последние процессы изменения личности и ее сознания определяются объективными особенностями нового общества.

Основой для понимания личности человека является понимание ее общества совершенно так же, как для понимания анатомии и физиологии любого живого организма необходимо знание его жизненной среды. Здесь нет необходимости останавливаться на особенностях социалистического общественного строя сравнительно с капиталистическим, они общеизвестны. Важно выяснить, как эти особенности отражаются на изменении сознания человека.

Обладание разумом, разумность есть общеисторическая, определяющая черта личности. Отсутствие разума у животных, а также у грудных детей и расстройство разума у умалишенных не позволяют применять к ним личностные характеристики и соответственные им требования.

В процессе исторического развития разумность изменяется не в количественном отношении, а в ее направленности. Разумность следует отличать от уровня знаний. Древние греки не обладали таким количеством знаний, как современный человек. Но они дали миру Аристотеля и других людей высочайшего разума, стоящих на уровне великих людей современности.

Разум буржуа-собственника направлен на личное обогащение, а разум человека социалистического общества — на совершенствование его, на созидательную ра-

боту для блага людей. Это великое, всемирно-историческое завоевание социализма.

Ответственность является также общеисторической чертой личности. Человек, безответственный в своих действиях перед обществом и перед другими людьми, является ущербной личностью. Он изгонялся из своего общества в первобытные времена, а в позднейшие изолировался. Но антагонистическое общество суживало и ослабляло ответственность человека. Он испытывал ответственность лишь в отношении той части общественно-го целого, к которому он принадлежал (сословия, класса, корпорации, семьи).

Человек социалистического общества сознает свою ответственность не только перед своим классом и народом, но чувствует себя ответственным и за судьбы всего трудящегося человечества. Это столь же великое завоевание социализма и огромное изменение в сознании.

Образ жизни, к которому стремится буржуа, — это внешняя респектабельность, карьера, богатство, погоня за наслаждениями, попирающие всех, кто стоит на пути к этим целям. Достойный образ жизни для коммуниста — это жизнь трудовая, честная, скромная, товаринская.

Обладание той или иной степенью свободы входит в понятие личности. Ограничения свободы ущемляют личность и личное достоинство. Это особенно относится к духовной свободе. Человек, закованный в цепи, может оставаться личностью, но рабство мысли делает человека ущербной личностью.

Главное в данном вопросе — также направленность свободы. Борьба за свободу в капиталистическом обществе — это борьба за ликвидацию классовой эксплуатации, безработицы, нищеты, расового и классового неравенства, а в социалистическом обществе, где эти формы несвободы уже ликвидированы, борьба за свободу есть борьба за коммунизм, который благодаря применению принципа распределения по потребностям освобождает человека от самой глубокой формы несвободы: от забот о личном материальном благополучии.

Свобода — великое слово и великое благо. Под этим знаменем была осуществлена Великая Октябрьская социалистическая революция; вся деятельность по построению социализма и коммунизма велась и ведется для ос-

вобождения человека от остатков социального (классового, национального и пр.) неравенства, для производственно-технического подъема, освобождающего людей от материальной нужды, необеспеченности и лишений, для подъема культуры народов, раскрепощающей высшие способности и силы человека.

Но свобода личности, т. е. свобода ее поступать и действовать сообразно своим собственным побуждениям и желаниям, неизбежно ограничивается свободой других людей и целями общества. Общество не может терпеть «свободы» того или иного лица приносить вред окружающим и обществу. Хулиган и преступник изолируется в любом обществе, хотя это и нарушает его «свободу». Цели общества и государства, если это прогрессивные цели, выше личной свободы, когда эта «свобода» направлена во вред таким целям.

Раз человек живет в обществе, то его абсолютной свободы, т. е. свободы делать все, что ему вздумается, быть не может. Всякие рассуждения об абсолютной свободе личности являются либо плодом политической и житейской незрелости и наивности, либо сознательным извращением вопроса.

Марксизм смотрит на свободу не только с точки зрения общего для всех здравого смысла, но и с классовых позиций. «...Всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала»¹, — писал В. И. Ленин.

Свобода есть осознанная необходимость. Применительно к свободе личности, ее сознанию это означает, что человек становится свободным в той мере, в какой прогрессивные цели общества становятся его собственными целями, его убеждениями. Такая интернализация (усвоение) делает человека свободным. Свобода личности состоит в единстве ее целей и целей общества или класса, а не в вульгарном противопоставлении общества и личности.

Марксизм-ленинизм, являясь идеологией пролетариата, трудящихся классов, понимает проблему свободы несравненно шире и глубже, чем свободу слова и печати.

Целесообразно различать основные и производные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 347.

(надстроечные) свободы. Первыми являются свободы экономические, освобождение от классовой эксплуатации, от нужды, безработицы, достигаемые лишь при социализме. Надстроечные, т. е. социально-политические и духовные, свободы служат в конечном счете средством осуществления основных свобод и потому допустимы лишь в той мере и в тех формах, в каких они служат делу экономического освобождения трудящихся.

Главнейшим социально-политическим условием этого освобождения является диктатура пролетариата, руководящая роль рабочего класса и его коммунистической партии в период перехода к коммунизму. Свобода слова и печати, свобода творчества в области литературы, искусства и культуры являются могучими орудиями и средствами организации, просвещения и воспитания масс, развития их социалистической активности, инициативы и самостоятельности. Но духовные свободы не самоцель и должны быть подчинены общим и высшим задачам построения нового общества. В этом коренное отличие марксистско-ленинского понимания свободы от буржуазно-либеральных рассуждений об абсолютной свободе личности. Орудия духовной деятельности — слово, печать, культура, искусство — служат либо социализму, либо капитализму.

Индивидуальность, понимаемая как своеобразный у каждого человека комплекс способностей и жизненных установок — ориентаций, является общесторическим свойством личности. Качественно преобразуя это свойство личности, социализм освобождает ее от индивидуализма как буржуазного извращения индивидуальности и от связанных с индивидуализмом жизненных установок.

Социализм не только не «погашает» индивидуальность человека, как это пытаются доказывать буржуазные идеологи, но, наоборот, заинтересован во всемерном развитии индивидуальностей, так как социализм и коммунизм основаны на общественной самостоятельности и инициативе работников во всех областях жизни. Поэтому социалистическое общество оставляет широкий простор для самостоятельных решений индивидов во всех областях их личной жизни и общественной деятельности.

Сознание личности при социализме служит не толь-

ко общественным задачам. У человека есть целый ряд его жизненных вопросов, которые он должен решать сам. Общество может создать лишь общие условия для решения этих вопросов. Так, в Советском Союзе все имеют возможность получить образование. Но человек должен сам решать, идти ли ему по окончании средней школы в вуз или поступать на работу; если идти учиться дальше, то чему именно учиться. В нашем обществе каждый имеет возможность работать, но замужней женщине приходится самой решать, идти ли ей на работу или быть домашней хозяйкой.

Большое значение для общества и человека имеет вопрос об использовании свободного времени. Этот вопрос приобрел в наши дни важное значение в связи с уменьшением рабочего дня и соответственно с увеличением свободного времени у работающих, с возрастанием числа пенсионеров, а также в связи с повышением уровня материальной жизни советских людей. Малокультурность, отсутствие культурных интересов порождают пьянство, хулиганство и бессмысленное времяпрепровождение, а переход на два выходных дня в таких случаях может увеличить эти пороки.

Проблема личной жизни для молодежи — это в значительной мере проблема любви, брака и семьи. Проповедники буржуазной идеологии провозгласили наступление «сексуальной революции», под коей разумеется отрицание человеческих форм любви, сведение ее к вульгарному сексу, к тому, что В. И. Ленин называл «теорией стакана воды». Буржуазные аморалисты объявили семейно-половую мораль отжившим предрассудком и «нарушением свободы личности», предлагают молодежи явочным порядком отменить семью, как якобы отживший общественный институт. Влияние этой идеологии, сочетаемое с легкомыслием и безответственностью перед обществом и детьми, привело уже и у нас к возрастанию числа разводов и семейных конфликтов. Нет смысла защищать старые, патриархальные формы семьи, сковывавшие свободу человека, особенно женщины. Но и в этих вопросах надо уметь пользоваться свободой, сочетая ее с ответственностью, с уважением к партнеру и с заботой о детях. В. И. Ленин писал, что свобода развода отнюдь не означает приглашения всем разводиться. «Сексуальная революция» в том ее виде, как она из-

лагается ее пропагандистами, есть сбрасывание цивилизованности, обездушивание личности.

Изложенное здесь, разумеется, далеко не исчерпывает тех изменений, которые вносят в сознание человека условия социалистического общества и усилия Коммунистической партии и социалистического государства по воспитанию членов этого общества. Однако сказанное показывает несостоятельность утверждений буржуазных идеологов о неизменяемости сознания человека, о невозможности появления новой, более богатой личности. История и опыт социалистического общества в СССР, строительства социализма в странах социалистического содружества, борьбы за социализм коммунистических и рабочих партий капиталистических и развивающихся стран подтверждают положение марксизма-ленинизма об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию.

*

*

*

На развитие марксистской теории сознания значительное влияние оказывают специальные науки, в той или иной мере связанные с изучением сознания. В предыдущем изложении были уже использованы некоторые новые данные современной физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Теперь обратимся к вопросам, которые ставят перед философией сознания недавно появившиеся новые науки. Вначале, естественно, следует рассмотреть те науки и научные теории, которые связаны с проблемой сознания вообще, а именно: семиотику, кибернетику и теорию моделирования психических функций. Далее мы рассмотрим социальную психологию, ставящую философские вопросы преимущественно в плане социологии сознания,

НОВЫЕ НАУКИ И ВОПРОСЫ СОЗНАНИЯ

1

ЗНАК, СИГНАЛ, ЗНАЧЕНИЕ

Эти понятия и их соотношение со знаками изучаются семиотикой. Семиотика есть наука о знаках и знаковых системах¹. Сознание, поскольку оно осуществляет одну из своих основных функций — функцию общения, материализуется в языке.

Соотношение мышления и языка представляет важную проблему философии и в своих принципиальных основах решена диалектическим материализмом и современным языкознанием. Но семиотика дает новые подходы к этой проблеме.

Язык есть система знаков. Мысли и переживания человека, передаваемые другим людям, должны быть превращены (закодированы) в устные (звуки) или в письменные (буквы, изображения) знаки, смысл (значение) которых известен людям, знающим тот язык, на котором эти мысли и переживания передаются. Однако до появления семиотики мало обращали внимания на тот факт, что общение между людьми осуществляется не только посредством языковых знаков, устной и письменной речи, но и посредством многих других знаков: научных символов (математики, физики, химии,

¹ Или «общая теория знаков и языков» (А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, стр. 129).

экономической науки, общей и символической логики и др.), знаков искусства (ноты в музыке, символы изобразительного искусства), морской сигнализации, азбуки морзе, знаков уличного движения. Таким образом, проблема соотношения мышления и языка расширяется и включает соотношения мышления и знаковых систем, употребляемых обществом вообще. *Сознание выступает не только как внутренняя (субъективная) сторона языка, но и многих других форм знакового общения.* В этом прежде всего заключается значение семиотики для философии сознания.

Далее, семиотика по-новому освещает проблему *соотношения образа и знака*. Известно, что вся психика возникает на базе ощущений и восприятий, т. е. образов внешнего мира. Образ — это не условный знак. В. И. Ленин справедливо критиковал теорию иероглифов, согласно которой наши понятия (являющиеся результатом анализа и синтеза чувственных образов) служат условными знаками действительности, т. е. не обязательно должны быть похожими на эту действительность. Но вместе с тем Ленин считал, что исследование роли знаков, символов в процессе познания — нужная и важная задача. Он подчеркивал, что против символов «вообще ничего иметь нельзя»¹. Психика и сознание ориентируют живое существо в окружающем его мире; они не могли бы осуществлять эту задачу, если бы образы вещей не были в какой-то степени копиями, снимками последних. Но сознание человека оказалось аппаратом, который успешно пользуется и условными знаками, отнюдь не обладающими этим сходством.

Итак, во-вторых, семиотика возвращает нас вновь к старому вопросу об иероглифизме, но рассматривает она его не только с точки зрения критики иероглифизма, но и *признания познавательной ценности условных знаков*. Если оказалось, что познавательное и практическое значение имеет не только образ, но и условный знак, то указанная проблема выступает в более общей форме соотношения: *предмет — образ — знак — значение*.

В-третьих, в связи с семиотикой мы возвращаемся к проблеме *сигнальной функции психики и сознания*. В

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 108.

предыдущем изложении мы видели, что психические образы выполняют сигнальную функцию, т. е. уведомления живого организма о возможных последствиях тех или иных воспринимаемых организмом воздействий. Но мы не рассматривали вопроса о соотношении знака, сигнала и образа.

В-четвертых, семиотика возвращает нас к проблеме *соотношения понятий отражения и информации*, ибо все естественные и искусственные знаки и символы несут информацию, но отнюдь не все из них являются формами отражения.

Таковы, по нашему мнению, основные проблемы значения семиотики для философии сознания, отнюдь не исчерпывающие, разумеется, значения семиотики для марксистской гносеологии вообще. Попытаемся изложить кратко основы указанных вопросов, за исключением первого, который не требует никаких обоснований, а является просто фактом современного общения между людьми.

Итак, как следует понимать соотношение предмета — образа — знака — значения? Каковы бы ни были формы связи между человеком и окружающей его действительностью (последнюю мы будем для краткости именовать предметом), все они имеют в качестве своей первичной основы и назначения эту действительность (предмет). В этом фундаментальном положении то общее, что объединяет все три последних понятия указанной цепочки. Все они заменяют в сознании предмет, они его модели, т. е. различные формы отражения предмета. Однако между ними имеются и существенные различия.

Во-первых, образ всегда причинно обусловлен отображаемым предметом, а между знаком и обозначаемым им предметом отношение причинной зависимости необязательно: отношение между ними может быть установлено искусственно.

Так, причиной зрительного образа является воздействие на зрительные рецепторы предметов внешнего мира, тогда как между названием предмета на том или ином языке и природой этого предмета такой причинной зависимости нет: название условно. Между зеленым светом светофора и обозначаемым им разрешением (для автотранспорта продолжать движение, а для пешехо-

дов' — переходить улицу) также нет причинной зависимости. Этот знак имеет лишь условное значение: указанное разрешение могло бы обозначаться любым другим цветом и другим знаком.

Во-вторых, между образом и отображаемым предметом имеется сходство, подобие по содержанию (хотя бы в некоторых существенных отношениях), тогда как между знаком и его значением есть лишь формальное соответствие, определяемое соглашением. Содержание же у знака может быть свое, отличное от обозначаемого им предмета или действия. Так, в том же примере: зеленый цвет — это «физическое тело» знака, а обозначаемое им разрешение — это его «идеальное тело», состоящее в его социальном значении¹.

«Идеальное тело» имеют в числе прочих знаков и языковые знаки. «Физическим телом» последних является совокупность звуков (фонема) или совокупность знаков (букв); их «идеальное тело» — это их значение, т. е. обозначаемый ими предмет, его свойство или отношение между предметами и явлениями. Таким образом, «идеальным телом» обладают как чувственные образы, так и понятия.

Особенность понятия идеального тела выводит его за границы семиотики в область философии. Учение теории познания о различии и противоположности между материальным и идеальным получает свое конкретное выражение в теории знаковых систем. В этой теории выступает также и новый угол зрения в проблеме соотношения между языком и мышлением.

«Идеальное тело» знака выражается в его значении. Проблема значения, рассматриваемая в настоящее время преимущественно в семиотике, является по своему существу также философской проблемой. Семиотика рассматривает, естественно, лишь некоторые стороны этой сложной проблемы.

Исследователи проблемы значения в семиотике подчеркивают в качестве специфической черты этого понятия его общезначимость, т. е. что тот или иной знак приобретает свое значение лишь в случае, если это значение признается за ним всеми людьми или определен-

¹ См. Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики, стр. 76—78.

ной группой людей. Значение приобретает знаком в общении между людьми, пользующимися этим знаком. Если между людьми нет договоренности касательно содержания термина или знака, т. е. если каждый человек придает им различный смысл, то общение с помощью этого знака или термина становится невозможным.

«С помощью знаков в процессе познания и общения на основе практической деятельности, — пишет Л. О. Резников, — формируется такое отражение, которое носит обобщенный характер и является общим достоянием всех индивидуумов коллектива, пользующихся знаками для обмена информацией. Таким образом, значение знака — это *обобщенное и общезначимое отражение предмета*»¹.

В. И. Ленин критиковал попытки рассматривать понятие общезначимости в качестве критерия истины. Принятие этого критерия означало бы, что истиной является то, что признается за истину всеми или большинством людей. Ясно, что в качестве критерия истины понятие общезначимости не годится. Такой критерий был бы субъективным. Но этим мы не отрицаем общезначимости как специфической черты значения знака. Если бы люди по-разному толковали значение знака, то он не мог бы быть средством общения, ибо давал бы разную информацию об одном и том же предмете. Так, например, понимание друг друга людьми при наличии разных звуковых обозначений одного и того же предмета в различных языках возможно только тогда, когда они придают слову одно и то же значение.

Общезначимость как признак значения связана с функцией последнего в процессе общения. Но анализ признаков значения может исходить также из знаковой ситуации, т. е. из той обстановки, в которой фигурирует знак. В этой связи различается *предметное* и *смысловое* значение. Примером предметного значения может служить название того или иного предмета на знакомом языке. Здесь значение, как говорят семиотики, указывает на предмет. Слова, произносимые на незнакомом языке, не обладают для слушающего их предметным значением. В качестве примера смыслового значения мож-

¹ Л. О. Резников, Гносеологические вопросы семиотики, стр. 41.

но привести условно-рефлекторные действия животного. Охотничья собака, увидевшая, что хозяин надевает ружье, выскакивает за дверь, на охоту. Здесь значение связано с прошлым опытом животного. Не углубляясь в анализ соотношений между предметным и смысловым значением, отметим, что эти виды значений не существуют обособленно, что они являются сторонами одного психолого-гносеологического процесса. Понятие смыслового значения указывает на различие между понятиями значения и смысла¹.

Семиотическое понятие значения, выясняющее соотношение этого понятия со знаком, имеет для гносеологии и для теории сознания многогранный характер. Когда мы, например, спрашиваем: «Что это значит?», то мы ищем объективных оснований данного явления в более глубоком слое явлений. Так, если спрашивают: «Что значит гром?», мы объясняем, что гром происходит вследствие расталкивания молнией молекул воздуха, через которые проскакивает молния. Когда же мы спрашиваем: «Какое значение явление имеет для человека?», мы ищем ценностную сторону этого явления. Таким образом, понятие значения лежит в основе как познания, так и оценки, сближаясь с понятием смысла. Поиски значения и смысла являются существенной чертой сознания. Сознание есть осмысленное знание.

Определение значения как обобщенного и общезначимого отражения не исключает различия понятий отражения и значения. В понятии отражения не заключено еще понятие значения, хотя отражение уже на элементарных ступенях биологической эволюции объективно имеет определенное значение для этой эволюции и для организма. Понятия значения и смысла являются гносеологическими проблемами, а семиотическое содержание этих понятий — это лишь частное выражение их общего содержания, нуждающегося в специальном философском исследовании.

Остановимся теперь на соотношении понятий: *знак — сигнал — образ*. Сигнал для живого организма это есть предупреждение о возможном непосредственном контакте с полезным или вредным раздражителем. Сигнал пе-

¹ См. А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы, стр. 24—27.

редается либо посредством образа, либо посредством знака. Не всякий сигнал является образом, так же как не всякий образ — сигнал. Под сигналом мы разумеем именно «предупреждение», даваемое лишь дистантными, а не всеми рецепторами. П. К. Анохин справедливо связывает сигнальность с «опережающим отражением»¹. Нам представляется неправильным называть сигналом образ при непосредственном контакте. Крик «пожар» есть сигнал о реальном пожаре, а реальный пожар есть сигнал об опасности сгореть. Но если я уже горю, то это уже не сигнал.

Образ есть форма отражения, он имеет различные функции. Некоторым из образов или всем при определенных ситуациях присуща сигнальная функция.

Знаки также не всегда выполняют сигнальную функцию. Чтение медицинской книги само по себе является не сигнализацией, а усвоением медицинской информации. Если же я вычитал медицинские предупреждения об опасности моего образа жизни для здоровья, то это уже сигнализация. Поэтому нам кажется искусственным зачисление Л. О. Резниковым в состав знаков-сигналов таких объектов, как языковые знаки, цифры, нотные знаки, телеграфные знаки, световые волны, электрические импульсы, дырочки на перфорированных картах и т. д.². Что все перечисленное суть знаки — это бесспорно. Но восход солнца — это отнюдь не сигнализация о наступающем дне, а просто наступление дня. Зажигая электрическую лампочку в квартире, я ни о чем не сигнализирую, а просто освещаю свое жилье. Все это может выполнять сигнальную функцию лишь в определенных ситуациях.

Сигнализация связана с передачей информации. Поэтому целесообразно рассмотреть здесь соотношение понятий сигнала и информации. Эти понятия различны. Не всякая информация есть предупреждение. Под информацией разумеется новое сообщение, до сих пор неизвестное. Если коллектив получил письмо о неблагоприятном поступке своего члена, то это является сигнала-

См. П. К. Анохин. *Опережающее отражение действительности*. — «Вопросы философии», 1962, № 7.

² См. Л. О. Резников. *Гносеологические вопросы семиотики*, стр. 117.

лом. (так это обычно и называется) в том случае, если этот поступок раньше не был известен.

Семиотический подход вносит в эту проблему новые моменты. В семиотике имеется в виду лишь та информация, которая проходит через психику или сознание. Ведь знак — это мыслительный или вообще психический концепт. Он опосредуется психикой и через него языком или изображением. Поэтому понятие информации в семиотике выражается схемой: объект — психика — знак (языковой, визуальный и пр.) — информация.

Сигнал есть материальный процесс (колебания воздушной среды, напряжение электрического тока, импульсы нервного возбуждения). Информация в ряде случаев передается в форме сигналов. В этих случаях сигнал является носителем информации. В биологических системах информацию несет чувственный образ, а у человека — и понятие. В рецепторах происходит прием и преобразование информации. При всех этих преобразованиях в образе и в понятии сохраняются характеристики (свойства) отображаемого ими внешнего субстрата: предметность, проекция, целостность, константность.

Различаются *сигналы-коды* и *сигналы-изображения*. Не всякий код есть изображение. Поэтому сигнал-изображение является частным случаем сигналов. Психический же образ в частных случаях является сигналом-изображением. Чувственные образы (если они предведомляют) относятся к группе сигналов-изображений. Сигнал-код (например, телеграфный код) по своему содержанию и своей структуре условен. Сигнал-изображение детерминирован внешним объектом, связан с характеристиками последнего. Поэтому условность сигналов-изображений и в особенности психических форм сигналов — чувственных образов и понятий — ограничена. Чтобы иметь свой биологический смысл, психические формы сигналов должны уподобляться отражаемому объекту. Они отражают свойства этого объекта, а не нервных процессов, на базе которых они осуществляются. Ощущая, мы переживаем свойства объекта, а не то, что происходит в это время в нашей нервной системе. В этом состоит особенность психического кода в отличие от нервного кода, от физиологической ступени отражения, не несущей в себе образа внешнего мира.

Указанная особенность сигнала-изображения (его

подобие объекту) вызывает ограничение разнообразия форм его выражения сравнительно с сигналом-кодом, что «выражается в уменьшении числа степеней свободы сигнала-изображения по сравнению с сигналом-кодом»¹. Однако различная вариантность в пределах структуры объекта остается и в сигнале-изображении, что «создает возможности выбора, которые на элементарном уровне сенсорного регулирования осуществляются по законам случая, а на уровне интеллектуальной регуляции переходят в сознательное произвольное поведение человека»².

2

ИНФОРМАЦИЯ И ОТРАЖЕНИЕ. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Возникновение и развитие кибернетики поставило перед философией ряд новых проблем. Особенность кибернетики в том, что она выявила то общее, что имеется у машины, живых организмов вообще и человека в частности, общее в естественных созданиях природы и технических творениях человека, раскрыла машиноподобное устройство живых организмов, заставила с новой точки зрения посмотреть на природу человека, пересмотреть взгляды на абсолютную уникальность и исключительность последнего. Кибернетика развила теорию управления как общего процесса в технических устройствах и в живых организмах, поставила ряд новых понятий, из которых некоторые имеют ближайшее отношение к философии.

Освещение всей совокупности философских проблем кибернетики не входит в задачу настоящей главы. В ней мы остановимся лишь на некоторых вопросах, прежде всего на *понятии информации, на его природе и отношении к понятию отражения.*

Кибернетическое понятие информации отличается от обыденного понимания этого термина как просто сообщения или уведомления о чем-либо, хотя этот последний смысл в качестве момента и частного случая (в жи-

Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования, стр. 101.

² Там же, стр. 104.

вых системах) входит и в кибернетическое понимание информации.

В кибернетике понятие информации берется в самом широком значении, как определенной формы взаимодействия между двумя или несколькими объектами любой физической природы. От еще более широкого понятия взаимодействия кибернетическое понятие информации отличается тем, что в нем выделяется та сторона взаимодействия, которая несет определенные сведения о взаимодействующих объектах.

Специалисты по теории информации подчеркивают в этом понятии также признак упорядоченности, организованности. «...Информация, — пишет Л. М. Веккер, — может быть охарактеризована как *сохранение и воспроизведение ее носителем упорядоченности состояний ее источника, воздействующего на этот носитель*»¹. Помеха, шум представляют собой разрушение этой упорядоченности состояний носителя, пишет тот же автор. «Именно своей упорядоченностью информация противостоит физической энтропии как выражению беспорядочности, противодействует общей тенденции к возрастанию энтропии»².

Упорядоченность, несомненно, весьма существенный признак или свойство информации. Свойство упорядоченности характерно для всякого процесса, дающего информацию, в том числе и для отражения.

Если обыденное, житейское понятие информации связано лишь с сознательными действиями человека (устное, письменное и пр. сообщение), то кибернетическое понятие информации имеет универсальное значение, включает в себя воздействие любых систем как неживых, так и живых друг на друга и отнюдь не связано с сознанием. Сознательные же информационные процессы входят в это понятие в качестве частного случая. Столь же универсальный характер имеет и признак упорядоченности. Своей универсальностью кибернетическое понятие информации сближается с философским понятием отражения.

Некоторые советские исследователи (И. Б. Новик,

¹ Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования, стр. 44 (см. также В. А. Штофф. Моделирование и философия, стр. 120).

² Там же.

Б. С. Украинцев, Г. В. Платонов и др.) трактуют информацию как свойство отражения или его отдельных ступеней и форм. Другие авторы считают информацию специфической естественнонаучной категорией, отличной от философского отражения. Так, Д. А. Гушин, проводя аналогию между философским понятием материи и естественнонаучными понятиями поля и вещества, между философским понятием движения и естественнонаучным понятием энергии, использует эти аналогии для понимания отношения между философским понятием отражения и естественнонаучным понятием информации. «...Информация, — пишет он, — есть естественнонаучный аналог философской категории «отражение», позволяющий при изучении различных форм (или уровней) отражения пользоваться точными количественными методами»¹.

Третьи считают понятие информации посредствующим между понятием отражения и специально научными понятиями. Так, Л. М. Веккер, рассматривая понятие информации применительно к нервно-психическим процессам, пишет: «...научным понятием, которое является посредствующим звеном между общефилософским понятием отражения и конкретными понятиями нервных и нервно-психических явлений и которое занимает по отношению к последним пустовавшее логическое место их «ближайшего рода», оказалось возникшее на основе кибернетического синтеза понятие *информационных процессов*»².

Все эти утверждения, подчеркивая различные стороны отношений между отражением и информацией, сами по себе правильны, но они оставляют открытым вопрос о методологических различиях между этими понятиями. Различие этих понятий заключается не только в различии свойства и субстрата (первое мнение) и не только в различии степени общности (второе и третье мнения). Понятие отражения не только онтологическое, но и гносеологическое, оно показывает отношение между первичным (отражаемым) и вторичным (отражаю-

¹ Д. А. Гушин. Категория информации и некоторые проблемы развития. — «Вестник Ленинградского университета». Серия экономики, философии и права, 1967, № 23, вып. 4, стр. 59.

² Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования, стр. 14.

щим). Понятие отражения создано не только для того, чтобы фиксировать определенную форму отношений между явлениями (онтологический план отражения), но и для того, чтобы дать основу для раскрытия гносеологического отношения между первичным и вторичным, что особенно важно для понимания высших форм отражения — отражения объекта субъектом. В основе марксистской гносеологии лежит понятие отражения вообще. Но гносеология в целом и по существу своему есть учение об отражении материи сознанием, субъектом. Для понятия информации последнее несущественно. «Совершенно не обязательно непременно связывать с понятием информации требование ее осмысленности, как это имеет место при обычном, житейском понимании этого термина»¹. Это понятие фиксирует отношение между объектом — источником информации и объектом — приемником последней. Это объекты вообще, объекты любой природы. Совсем не обязательно, чтобы один из них был объектом, а другой субъектом. «...Одни явления *объективно* (независимо от сознания людей) могут содержать в себе информацию о других явлениях действительности»².

Понятие информации, как и всякое естественнонаучное понятие, не имеет гносеологического аспекта. Это понятие лишь онтологическое.

Это обстоятельство вызывает и второе философское различие между разбираемыми понятиями. В. И. Ленин указывал, что марксистская гносеология, диалектическая логика решает вопрос об истине. Ложь, заблуждение — не истина. Совершенно ложный образ, т. е. не соответствующий действительности, не является отражением. Для понятия же информации и ложная информация остается информацией. Понятие информации лишено логического плана. Короче говоря, различие понятий отражения и информации выражает различие философских и специально научных понятий. Специальные науки, даже науки такого широкого синтеза, как кибернетика, имеют лишь онтологический аспект. Гносеология и логика — область философии.

¹ В. М. Глушков. Мышление и кибернетика. — «Вопросы философии», 1963, № 1, стр. 36.

² Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики, стр. 120.

Сказанное не умаляет понятия информации и онтологического подхода вообще. Во-первых, онтологический подход является основой гносеологического и логического подходов, ибо во всяком исследовании необходимо прежде всего выяснить, в чем состоит сущность явления самого по себе, независимо от нашего сознания и отношения к нему.

Во-вторых, понятие информации, применяемое к объектам любой природы, позволяет анализировать процессы сознания не только в связи с таким свойством природы, как отражение, но и с другим ее свойством — информацией. И с этой новой точки зрения этот подход разрушает антропоморфное представление об уникальности и беспредпосылочности психики. «Границы наших знаний о человеке, — пишет М. И. Бобнева, — раздвигаются. Мы начинаем понимать, что человек не только член большого отряда живых существ. Намечаются некоторые линии связи его с другими классами систем и организаций. Родовые понятия для человека не только социальные и биологические. Когда мы говорим, например, о большом классе «экстраполирующих систем», мы с полным правом можем включить в него в качестве особого подвида и человека»¹.

В-третьих, понятие информации фиксирует важное общее свойство неживой и живой природы, не покрываемое ни понятием отражения, ни понятиями психики и сознания. Это свойство является важнейшим компонентом содержания отражения вообще психики и сознания в частности: всякое отражение несет информацию. Поэтому, отвлекаясь в понятии информации от этих последних явлений, мы не отрицаем значения понятия и теории информации для марксистского учения о сознании, а, наоборот, подчеркиваем это значение. Теория информации дает новый материал для обогащения теории отражения и сознания. Взаимосвязь философии и специальных наук, как известно, на пользу всем им. В данном случае философская теория отражения и специально научная теория информации взаимно помогают одна другой.

Т. Павлов, отмечая, что зарубежные представители кибернетики (Н. Винер, У. Эшби, Ф. Джордж) и неко-

¹ М. И. Бобнева. Техническая психология. М., 1966, стр. 120.

торые советские кибернетики в своих исследованиях не затрагивают понятий сознания и самосознания, усматривает в этом опасность уклона в бихевиоризм и механистический материализм¹. Не защищая те или иные неправильные интерпретации теории информации, следует все же сказать, что такая характеристика кибернетических исследований на основании того, что они не затрагивают сознания, вряд ли обоснована. Отвлечение кибернетики и теории информации не только от сознания и самосознания, но и от теории отражения диктуется существом предмета кибернетики и ее специфического метода.

Т. Павлов справедливо указывает, что между информацией и отражением имеется не тождественность, а родство². Оно состоит в том, что во всяком отражении имеется информация и, с другой стороны, значительная часть информационных процессов имеет отражательный характер. Но при этом каждое из этих понятий, как мы видели, имеет свое собственное содержание.

С возникновением теории информации был поставлен вопрос о *материальности или идеальности информации*. Мы не будем здесь останавливаться на аргументации сторонников того или иного ответа на этот вопрос, ибо, на наш взгляд, сама постановка вопроса, что такое информация — материя или дух, неправомерна. Субстанциальные определения и характеристики (материя или дух) можно применять лишь к субстанции, к материи, а не к ее свойствам и процессам, происходящим в ней.

Информация — это процесс, происходящий в материальных и идеальных (психических) системах в соответствии с общими свойствами этих систем. Она является принадлежностью этих систем и выражает природу каждой из них: в материальных процессах информация является материальной, а в идеальных, психических системах информация имеет материально-идеальный характер. Ведь она передается через посредство материальной среды. В материальных (природных, технических и физиологических) системах информационный процесс является чисто объективным; в психических же

¹ См. Т. Д. Павлов. Информация, отражение, творчество. М., 1967, стр. 5—7, 13.

² См. там же, стр. 22, 24.

системах он, сохраняя материальный и объективный моменты, приобретает также и идеальные, субъективные характеристики, становится единством объективного и субъективного на основе объективного.

С теорией и практикой кибернетики связан ряд и других философских вопросов, некоторые из них ближайшим образом связаны с нашей темой. Это вопросы *о функциональном и субстратном подходе и о применимости функционального подхода к анализу психики и сознания; о методе моделирования и применимости его к психике.*

Под функциями предмета, вещества или явления мы разумеем формы их воздействия на другие предметы, вещества и явления. Функциональный подход состоит в том, что исследователь отвлекается от конкретного носителя исследуемых функций, от их субстрата, чтобы изучить эти функции, как таковые. Такой подход в особенности важен в тех случаях, когда обнаруживаются общие или аналогичные функции у субстратов различной природы, относящихся к разным формам движения материи. Он позволяет подойти к объектам с более широкой точки зрения, осуществить более глубокий синтез, охватывающий различные формы движения и различные науки. Именно такой случай мы имеем в кибернетике, исследующей функции информации и управления в машинах и в живых организмах.

Функциональный подход плодотворно применяется и в пределах одной науки. Так, например, в политической экономии в понятии всеобщего эквивалента стоимости мы отвлекаемся (абстрагируемся) от того, является ли этот всеобщий эквивалент металлом (золотом и серебром) или функцию всеобщего эквивалента стоимости выполняют (как это было в истории) скот, меха, раковины и т. п. Подобное абстрагирование осуществляется и при анализе меновой стоимости, абстрактного труда и др.

Функциональный подход является одним из методов абстрагирования вообще, применяемого во всех науках и представляющего важнейшую способность человеческого мышления.

В кибернетических исследованиях такой подход, взятый с его логической стороны, основывается на *методе аналогии*, на сравнении между собой объектов различ-

ной природы и выделении того общего, что имеется между ними. Поэтому функциональный подход не может заменить субстратного или субстратно-атрибутивного подходов, т. е. прямого исследования природы, свойств и особенностей объекта, в данном случае исследований анатомо-физиологических, цитохимических, нейрогистологических и других качеств живого. Функциональный подход, будучи основным в кибернетическом изучении психики, для прямых — физиологических и психологических — исследований психики является уже подсобным, вспомогательным в таком исследовании. Функциональный подход не может заменить субстратно-атрибутивного также и потому, что он в данном случае исследует не все многообразные функции живого организма, а лишь информационные и управленческие. Поэтому следует возражать не против функционального подхода к изучению психики, а против претензий тех или иных представителей этой отрасли науки на замену функциональным подходом всех остальных, в том числе и основных — субстратно-атрибутивного и субстратно-структурного.

Насколько допустимо с методологической точки зрения отвлечение функций явления от субстрата, от вещества как носителя функции и от конкретной структуры этого носителя? «Функциональный подход, — пишет А. Н. Кочергин, — в определенных границах, разумеется, вполне оправдан, но рассмотрение функционирования в отрыве от субстрата, на основе которого оно осуществляется, не может быть беспредельным»¹. Это мнение автор аргументирует тем, что функциональный подход является количественным, математическим, а не качественным. Это не вполне справедливо. Функциональный подход может быть выражен как количественно, математически, так и качественно. Единство количества и качества присуще самому функциональному подходу. Примером этого единства является уже упомянутое Марксово учение о всеобщем эквиваленте стоимости.

«...Правильно поставленные количественные исследования, — пишет Б. М. Кедров, — не отвергают качественных, они целиком опираются на эти последние, являясь их логическим развитием... Один и тот же общий

¹ А. Н. Кочергин. Моделирование мышления. М., 1969, стр. 59.

метод оказывается применимым к исследованию качественно совершенно различных объектов благодаря наличию у них общей стороны, которая может быть изучена и отражена математическими способами или же методом кибернетики»¹.

Перейдем к вопросу о моделировании психических функций. Хотя теория моделирования развилась в недрах кибернетики, но она уже выделилась в самостоятельную научную дисциплину и поднимает ряд особых философских вопросов, ввиду чего мы эту проблему выделили в особый параграф.

3

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Учение о психике и сознании исходит из того, что эти явления, будучи отражениями действительности, не являются мертвым и вполне идентичным снимком внешнего мира. В ленинском положении о незеркальности психики и сознания схвачен диалектический характер психических явлений: тождество и одновременно нетождество их с явлениями внешнего мира. Обе эти стороны психики жизненно необходимы. Тожество отражения действительности со свойствами самой действительности проистекает из того, что непохожесть образов и понятий не давала бы возможности правильной жизненной ориентировки, была бы губительной для организма, а для социального существа вдвойне.

Момент нетождественности образов и понятий объективной действительности важен по двум причинам. Во-первых, природа и история со всеми своими физико-химическими, пространственными, временными и пр. параметрами не может поместиться в организме. Образ не может быть полной копией оригинала. Во-вторых, отображение внешнего мира в психике и сознании имеет в конечном счете практическое назначение, отвечая потребностям организма и интересам социального человека. Оно должно производить отбор и преобразование

¹ Б. М. Кедров. Маркс и единство наук — естественных и гуманитарных. — «Вопросы философии», 1968, № 5, стр. 11.

отраженного соответственно естественным и общественным потребностям человека.

Деятельность нервной системы определяется не только прямым и непосредственным воздействием внешнего мира, но также опосредуется образами и мысленными обобщениями, какие образуются в психике в результате преобразования внешних воздействий.

Содержание психических образований, будучи в основном подобием действительности, как бы замещает, репрезентирует (представляет) эту действительность. Поэтому психика и сознание могут рассматриваться как своеобразная *модель* этой действительности, т. е. такой объект, который, отображая, имитируя или замещая другой (мысленно или материально), дает нам информацию об этом другом объекте («прототипе»).

Понимание психики и сознания как моделей не противоречит их пониманию как форм отражения. Понятие модели в данном случае лишь с новой стороны выражает материалистическое положение, что психика и сознание не сама действительность, а лишь подобие последней. Понятие психики как модели лишней раз свидетельствует о вторичности сознания по отношению к материи, указывая при этом на то, что искусственные, т. е. создаваемые человеком, модели вторичны не только по отношению к своему прототипу, но и по отношению к создавшему их человеку.

Модельный подход к психическому явлению есть анализ его с точки зрения его гомо-изоморфизма в отношении действительности, а также общности некоторых функций психической жизни с функциями искусственных моделей.

Так, художественное произведение есть модель объекта, она подобна последнему. Степень этого подобия мы называем степенью жизненной правды этого произведения. Но художественное произведение — это не полное воспроизведение «натуры», пусть это будет и монумент в человеческий рост. То, что в жизни длится годами, на сцене театра проходит в течение пары часов; что совершается в жизни многих и многих людей, в художественной литературе происходит с немногими персонажами. Искусство есть «сгусток» жизни, концентрированная модель важных событий или черт людей.

Рассмотрение психики и сознания как моделей дей-

ствительности поднимает общий вопрос о принципиальной возможности *моделирования психики*. До недавнего времени были широко распространены представления о принципиальной немоделируемости психических явлений, и в особенности явлений сознания. «...Принципиальная моделируемость телесных или физиологических функций со времен Декарта стала почти аксиомой детерминистической науки о человеке, — пишет Л. М. Веккер. — А область психических функций, которые на основе тех же глубоко укоренившихся картезианских представлений считались немоделируемыми, оставалась по ту сторону машинных моделей»¹.

Современная кибернетика, бионика, нейрофизиология и рецепторная психология разрушают представления о немоделируемости психики, включают психические явления и в этом отношении в общий круг закономерностей природы и техники. В этом состоит важнейшее мировоззренческое значение теории моделирования психических функций. Идея такого моделирования подсказана была современной техникой. Современная автоматизация производства заменяет не только многие функции физического труда, но и многие психические функции. Таким образом разрушается представление об уникальности человеческой психики и сознания, их неприкасаемости и осуществляется это наукой и практической жизнью.

Непременным условием моделирования является тождество или подобие между моделируемой системой и его моделью в каких-либо отношениях. Автоматические устройства в технике позволяют сделать выводы о некотором тождестве в машинных и психических системах. Выяснилось, что аппарат нервной системы и системы автоматических аппаратов имеют одни и те же основные узлы. А именно:

в психике:

рецепторы
мозг
эффекторы

в автомате:

датчики
центральное усилитель-
но-преобразующее уст-
ройство машины
рабочие органы

¹ Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования, стр. 34.

В организмах и в автоматах имеются разомкнутые, открытые, и замкнутые, кольцевые схемы управляющих систем.

Разомкнутый контур управления

в психике:

в автомате:

Цепь дуг безусловных рефлексов, работающих без учета опыта подкрепления

Системы жесткого автоматического регулирования, работающие без коррекции ошибок.

Замкнутый контур управления

в психике:

в автомате:

Кольцевые механизмы условных рефлексов, замыкающихся в зависимости от обратной афферентации (подкрепления)

Схемы систем автоматического регулирования с обратной связью¹.

Идея моделирования психических функций основывается не только на указанной общности структур механизмов высшей нервной деятельности, кибернетических управляющих систем и электронно-вычислительных устройств, но и на функциональной общности свойств нервной ткани, с одной стороны, и функций логических элементов в этих системах и электронных вычислительных машинах — с другой. Подчиняясь закону «все или ничего», нейрон может находиться в одном из двух состояний: возбужденном или невозбужденном. Это свойство нейрона аналогично двоичной числовой системе (0 и 1), применяемой в кибернетических устройствах. Это позволяет описать нервный процесс, происходящий в нейронах и синапсах, с помощью аппарата математической логики, применить к исследованию нервных процессов и их имитации в технических устройствах методы математики². Этим создается возможность имитировать как психический механизм, так и конечный результат работы этого механизма — практическое действие, поведение.

Метод моделирования психических функций имеет, следовательно, не только мировоззренческое, но и боль-

¹ См. Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования, стр. 35—36.

² См. А. Н. Кочергин. Моделирование мышления, стр. 154—155.

шое познавательное значение. Прямое исследование самого «прототипа», т. е. психических процессов средствами физиологических, физико-химических, психологических и пр. методов, встречается в настоящее время значительные трудности. Но это исследование значительно облегчается применением методов аналогии, лежащих в основе кибернетики, изучением психических процессов в отвлечении от их материального субстрата, исследованием психики с функциональной и в частности информационной сторон.

Практика моделирования вообще создает и субстратно-структурные (материальные) модели (например, модель корабля, течения реки и т. п.). Но в моделировании психики это пока исключено вследствие огромной сложности субстрата психических явлений. Создание биологических моделей вообще и нейропсихических в частности является вопросом дальнейшего развития моделирования. Да и в сфере функциональной моделируются лишь некоторые функции психической деятельности. Моделирование же мышления во всех его функциях, присущих человеку, пока еще не удастся. К тому же и моделируемая функция имитируется в большинстве случаев в упрощенном виде.

Несмотря на то что моделируется не самый психический процесс, а его «выходной» результат, что моделирование имитирует лишь некоторые функции психики и не в полном их выражении, что оно не может заменить прямого субстратно-структурного исследования психики, оно уже в настоящее время играет большую мировоззренческую и познавательную роль. Эту последнюю роль оно играет и в области философской, при решении некоторых проблем логики и методологии. Методологическое значение моделирования, на наш взгляд, особенно важно для выяснения природы и соотношения понятий отражения и модели, а также субстратно-структурных и функциональных методов исследования (что вкратце было рассмотрено выше).

Значение моделирования для решения проблем логики состоит, во-первых, в выяснении природы и границ возможностей математической логики и соотношении последней с традиционной логикой. Значение моделирования для логики состоит, во-вторых, в конкретизации логического метода аналогии, который эффективно при-

меняется в кибернетике, бионике и особенно в моделировании.

Не останавливаясь более подробно на последних вопросах, как не относящихся непосредственно к теме настоящей работы, отметим, однако, практическое значение моделирования для управления психикой и поведением.

Задачи и практика регулирования и управления психикой, а через нее поведением человека, разумеется, не новы и существуют тысячелетия. Они лежат в основе педагогики, воспитания, правового регулирования, морали и пр. Однако эта практика до сих пор опиралась преимущественно на эмпирические данные, а не на детальный научный анализ процессов регулирования и управления, осуществляемых природой в устройстве живого организма. Между тем задача науки — изыскивать возможности столь же эффективного, надежного и безошибочного воздействия на психику, как и в управлении человеком техническими устройствами. Выяснение кибернетикой и бионикой машиноподобного устройства физиологического и психического механизма живых организмов, включая и человека, создает новые возможности регулирования и управления психикой и сознанием человека, ибо регулирование и его высшая форма — управление возможны лишь на базе выяснения общих закономерностей управления. Если, как было показано, рефлексорная дуга (контур безусловных рефлексов) и рефлексорное кольцо (контур условных рефлексов) предстают как частные случаи общих структурных принципов управляющих систем, то эти общие принципы могут служить для регулирования и управления психикой и сознанием человека. Последнюю задачу Ф. Энгельс считал одной из трех великих исторических задач, стоящих перед человечеством.

Управление основывается на адаптации или отборе ответных реакций исполнительных органов живой или искусственной системы, адекватных характеру внешних воздействий на эту систему. Оно состоит в приведении этих реакций в соответствие с внешними воздействиями, в коррекции реакций в случае их несоответствия.

Осведомление о характеристиках объекта дает информация, которую в живом организме несут нервный процесс и чувственный образ. Но информация, как было указано, есть осведомление упорядоченное, заклю-

чающее в себе определенную организацию процессов, циркулирующих в контуре регулирования и адекватных свойствам объекта. Поэтому психические процессы можно рассматривать как осуществляемый внутри организма способ организации информации. Сознание же, одной из функций которого является создание представлений и суждений о результатах действия, можно с точки зрения теории управления рассматривать как использование прогнозирующих моделей для управления¹.

Управление поведением человека предполагает в принципе моделирование не только сравнительно элементарных процессов психики (ощущений, восприятий), но и всей психической жизни человека в ее целом, включая формы общественного сознания, идейную жизнь человека и общества.

Сказанное возбуждает вопрос: возможно ли в принципе, в перспективе наделить искусственные кибернетические устройства мышлением и сознанием? В нашей научной литературе имеются как положительные, так и отрицательные ответы на этот вопрос.

Т. Павлов указывает на попытку некоторых западных и советских кибернетиков «дать познанию, сознанию и жизни чисто *функциональную дефиницию*, противопоставляя ее «старой», *субстратно-атрибутивной дефиниции*. Функциональная же дефиниция познания, сознания и жизни, не интересуясь субстратом (субстанцией), например человеком и человеческим мозгом, может привести к утверждению, что машины (вычислительные, моделирующие и др.) могут ощущать, жить, сознавать, познавать»².

Т. Павлов справедливо связывает вопрос о функциональном подходе с вопросом о «машинном мышлении». Признание возможности мышления у машин действительно предполагает функциональный подход к нему, т. е. отвлечение функций мышления и сознания от субстрата этих свойств у человека — мозга и нейродинамической системы вообще. Если же заранее исходить из того, что мыслить и сознавать могут лишь соответствующие органы человека, то, естественно, отпадает и

¹ См. Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования, стр. 37, 41—42.

² Т. Д. Павлов. Информация, отражение, творчество, стр. 13.

вопрос о возможности мышления у кибернетических устройств и у существ нечеловеческой природы.

Мы не будем останавливаться на мнениях, основанных лишь на видимости аргументации, вроде того что до сих пор мы не знаем иного мышления, кроме человеческого, или что мышление кибернетических устройств не может быть «настоящим», «действительным», «истинным» мышлением. В подобных ответах просто утверждается то, что нужно доказать, а именно что мышление может быть достоянием лишь человека. Но вся суть вопроса именно в том, может ли существовать или быть создано «нечеловеческое» мышление. Не требует разбора и аргументация «ad hominem»: человек — это величайшее творение, и наделять машины мышлением — значит унижать человека. Сторонникам такого мнения следует лишь указать, что создание машин, обладающих мышлением, было бы предметом величайшей гордости человека.

К числу аргументов против «мыслящих машин» относится соображение, что психика создана природой в процессе длительной эволюции, а мышление и сознание суть продукты общественной жизни, всей истории человечества. Машины же не социальные и не имеют истории.

Эта аргументация прежде всего оборачивается против ее авторов. То, что стихийно создано природой, может быть сознательно создано человеком. Ведь человек использует те же объективные законы, которые действовали в процессе эволюции. По мере того как человечество познает эти законы, оно создает сознательно то, что природа создавала стихийно, бессознательно. Разумеется, бессознательная деятельность природы требовала гораздо больше времени, чем сознательное воспроизведение ее творений, тем более что человек изучает уже готовые системы, созданные природой.

Ф. Энгельс на примере с ализарином показал, что то свойство, которое природа создала в процессе длительной эволюции, было воспроизведено человеком в короткое время. Вообще говоря, аргумент «от эволюции» ничего не доказывает. Вся машинная техника создана человеком в течение неизмеримо более краткого времени, чем создания природы. Вопрос в другом: можно ли в той или иной форме воспроизвести в машинах умственную деятельность или она принципиально невозпроиз-

водима? Отрицательный ответ означал бы исключение умственной деятельности из области законов природы.

В принципе воспроизводимо все, кроме сверхъестественного. Конечно, не все естественное может быть *практически* воспроизведено человеком либо потому, что это превосходит его силы (например, изменение плоскости эклиптики Земли), либо потому, что данное явление непознано или недостаточно познано (например, создание искусственной живой клетки). Поэтому возможность надделения машин способностью мышления зависит, по нашему мнению, от *уровня познания* обуславливающих мышление естественных аппаратов и структур высшей нервной деятельности.

Что же касается отрицания социального характера машин, то это соображение основано на неправильном, на наш взгляд, противопоставлении искусственного, т. е. созданного человеком, и социального. Машины созданы из веществ природы, как и сам человек. Они созданы социальным существом — человеком, действуют в обществе и обслуживают общество, являясь орудиями человека, продолжением его естественных органов. Поэтому они так же социальны, как сам человек и созданные им сознательно многие органы и учреждения общества.

Приводится еще такой аргумент: машина не может обладать мышлением и сознанием потому, что программа операций, выполняемых машиной, вводится в нее человеком. Но и психика «вложена» была в животных и человека природой. Значит, вся разница здесь в том, что это «введение» или «вкладывание» во втором случае было стихийным, бессознательным, а в первом — сознательным. Во втором случае, в ходе биологической эволюции, происхождение и развитие психики определялось «потребностями» приспособительного процесса, а в первом, в развитии кибернетических устройств, — потребностями общественной жизни. Поэтому такое «вкладывание» будет зависеть от того, *потребуется ли оно обществу*.

Утверждают, далее, что машина может моделировать умственную деятельность, но не воспроизводить, не заменять, не замещать ее. Рассмотрим и этот аргумент. Термин «замещать» в данном случае может означать: создавать живые существа на другой субстратной осно-

ве — не белковонуклеиновой, а на электронной или какой-нибудь иной. Такой задачи никто и не ставит. Человечество занимается кибернетикой не ради создания новой электронной расы, а ради создания помощников в его умственной работе. Кибернетические устройства создаются с целью помочь человеку в выполнении им тех или иных умственных работ. Они действительно моделируют мышление, а не просто повторяют, дублируют мышление человека. Но является ли это обстоятельство доводом против признания в будущем за кибернетическими машинами способности производить мыслительную работу? Нет, конечно. Вопрос идет лишь о *качестве* этого мышления, о степени выполнения машиной тех функций, которые выполняет человеческий мозг.

Уже современные кибернетические устройства осуществляют, как известно, ряд умственных операций, выполняя сложные вычисления, решая логические задачи, доказывая теоремы. Они пишут стихи, играют в шахматы и пр. Проектируются и создаются распознающие (отличающие одно изображение от другого), обучаемые распознаванию (перцептроны), адаптивные (способные приспособлять свои действия к меняющейся среде), диагностические (ставящие диагноз болезни) машины. Таким образом, уже современные кибернетические устройства выполняют не только вычислительные, но и разнообразные невычислительные умственные операции, аналогичные человеческим.

«Мышление машин» существенно отличается от человеческого не только разнообразием функций (которых у человека несравненно больше), но по своей внутренней структуре и по аппаратам, его производящим. В нем отсутствуют образы, характерные для чувственного познания, в машине они заменяются электрическими процессами. «Мышление машин» не связано с внутренней речью, ибо информация, которая у человека заключена в словах, в языке, в машину закладывается в виде числового кода и т. д.¹ Таким образом, «мышление машин» и по своему субстрату, и по характеру процессов, его обуславливающих, существенно отлично от человеческого мышления.

¹ См. А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы, стр. 256—257.

Можно ли считать, что кибернетические устройства мыслят? Чтобы решить этот вопрос, резонно говорят некоторые ученые, надо определить, что такое мышление. Для определения мышления, которое годилось бы и для человека и для машины, требуется, чтобы в такое определение не входила принадлежность мышления только человеку. Если же исходить из такого определения мышления, которое связывает его только с деятельностью человека, то ответ будет заведомо отрицательный. Такое определение дает, например, А. Н. Кочергин. «Мышление человека есть особая форма отражения действительности с помощью идеальных образов, понятий, сформировавшаяся в процессе длительной биологической эволюции и социального развития. Мышление есть и особое функциональное свойство человеческого мозга»¹. Но ведь весь вопрос заключается в том, возможно ли нечеловеческое мышление.

Определение всякой машины тесно связано с ее функцией. Говорят: «Паровой молот *забивает* свай», «Поезд *идет* по рельсам», «Экскаватор *шагает*» и пр. Никто не требует, чтобы все эти глаголы ставились в кавычки, как это делается в отношении машинного «мышления». Кавычки здесь обозначают лишь то, что машинное мышление — не человеческое мышление, что само собой разумеется.

Поэтому в настоящее время некоторые исследователи этого вопроса снимают кавычки, определяя вопрос по существу. Так, И. Б. Новик пишет: «...*Машины мыслят с точностью до изофункционализма*...»² Можно встретить и такой ответ: «Машина не мыслит в том смысле, что и человек...»³ Это верно. Ну, а в «другом смысле»? Очевидно, и это не ответ на вопрос по существу проблемы.

Учитывая изложенные соображения, нам кажется целесообразным попытаться дать такое широкое определение мышления, в которое человеческое мышление входило бы лишь в качестве частного случая. Из него следует исключить все специфически человеческое и во-

¹ А. Н. Кочергин. Моделирование мышления, стр. 60.

² И. Б. Новик. Философские вопросы моделирования психики. М., 1969, стр. 120.

³ А. Н. Кочергин. Моделирование мышления, стр. 221.

обще все «субстратное», так как, согласно условиям задачи, оно должно годиться для мышления, совершаемого субстратом любой природы. Можно было бы, примерно, дать такое определение: мышление есть отражательно-информационный процесс, создающий обобщенный аналог действительности и обеспечивающий в результате преобразование предметов и явлений соответственно поставленной задаче. (Мы не будем настаивать на точности такого определения, а лишь указываем на путь, по которому следует, по нашему мнению, идти.) Если исходить из такого или подобного широкого определения, то мы вправе признать в перспективе возможность машинного мышления.

Есть и другой, столь же логичный путь, а именно придумать для мышления в указанном широком смысле новый термин. (Понятие информации для этой цели не годится, ибо оно не охватывает всех функций мышления.) Тогда можно будет понятие мышления в традиционном смысле применять лишь к человеку. Это позволило бы, как нам кажется, прекратить споры о том, может ли машина мыслить. Конечно, и такой выход требует отказа в этом вопросе от антропоморфизма, преодоление которого и представляет главную мировоззренческую ценность метода моделирования психики.

Но мышление есть лишь одна из форм и функций сознания. Поэтому возникает новый вопрос: можно ли в принципе, в перспективе наделить кибернетические устройства сознанием? Этот вопрос не сводится к их способности мыслить, хотя бы и наилучшим образом. В сознание входит целая группа способностей, выражаемых терминами чувственной ступени познания (ощущение, восприятие, представление), а также памяти, воображения, воли и пр. Кибернетические устройства обладают аппаратами, моделирующими хотя бы в зачатке или в элементарных формах и эти функции сознания. Они имеют входные устройства, воспринимающие воздействия внешнего мира; есть у них и рабочий аппарат, перерабатывающий эти воздействия; они хранят информацию, т. е. обладают «памятью» (так это обычно и называется); они осуществляют обратную связь, аналогичную той, которая присуща и человеку.

Моделирование на машинах указанных функций также не противопоказано ни с технической, ни с принципи-

альной точек зрения. «...Необходимо подчеркнуть, — пишет И. Б. Новик, — неконструктивность умозрительного построения всякого рода априорных ограничений для прогресса кибернетики. В современном естественно-научном знании отсутствуют принципиальные теоремы, аксиомы, законы, которые свидетельствовали бы о невозможности определенных состояний для электронных систем. В кибернетике ситуация отлична, например, от термодинамики, в которой четко доказана невозможность вечного двигателя как первого, так и второго родов»¹.

И: Б. Новик оставляет открытым вопрос о возможности появления у кибернетических машин сознания, хотя и выражает свое личное убеждение в невозможности этого². На наш взгляд, в такой же мере следует признать открытым и вопрос о том, будут ли машины в будущем обладать мышлением и сознанием. История науки и практики уже сколько раз опровергала суждения о том, что того или иного человек *никогда* не достигнет. «Никогда» — это суждение о бесконечности, а такие суждения требуют особой осторожности в их высказывании, да в большинстве случаев и не могут быть достаточно обоснованы.

Имеются ли какие-либо научные доказательства необходимости связывать мышление, сознание и вообще психику именно с биологическим субстратом? Таких доказательств нет. Поэтому прав Ю. И. Лашкевич, подчеркивая: «У нас нет решительно никаких оснований думать, что если бы отбор выработал для осуществления мозговых функций механизмы, построенные из звеньев иной физической природы (например, вместо химической передачи возбуждения в синапсах была бы электрическая передача, вместо волн деполяризации мембран — волны сокращения макромолекулярных нитей и т. п.), то мы были бы лишены интроспективной психики и вели бы философские дискуссии, даже не создавая того, что мы существуем! Факт наличия у человека внутреннего сознания оказался бы случайностью, которой могло и не быть. Напротив, с точки зрения

¹ И. Б. Новик. Философские вопросы моделирования психики, стр. 94.

² См. там же, стр. 92.

строго функциональной концепции, наше сознание есть прямое и неизбежное следствие способности нашего мозга к выполнению определенных функций переработки информации. В этом случае создать «бездушные» автоматы, адекватно моделирующие поведение человека или даже собаки, принципиально невозможно: они неизбежно были бы «одушевленными».

Нередко утверждают, что ощущения, эмоции и т. п. можно было бы воспроизвести разве только на моделях, построенных из биологических материалов (например, из белков). Между тем сама природа использовала для построения мозга такого рода материалы скорее всего не потому, что якобы только они пригодны для этого, а просто потому, что у нее не было иного выбора. Когда организмам понадобились сложные информационные системы, живой природе ничего не оставалось, как приспособить для этой цели то, чем она уже располагала, — клетки, белки и т. д.»¹

Итак, созданный человеком или живущий на иных планетах Декарт, сотканный не из белково-нуклеиновых, а из иных материалов, все-таки воскликнул бы: «Я мыслю, значит, я существую!»

Как было показано выше, субъективность психики в процессе органической эволюции постепенно вырастала вместе с совершенствованием нейрофизиологической системы, так как эта субъективность была самой тонкой формой приспособления и борьбы с природой, а у человека — и преобразования природной и общественной среды. Субъект постепенно «выкристаллизовывался» в процессе эволюции психики, потому что он был необходимым этапом развития последней.

Не увлекаясь «априорными схемами», но исходя из тенденций развития кибернетики и из логики вопроса, которую также нельзя игнорировать, тем более когда речь идет о будущем, мы не видим веских оснований для отрицания возможности возникновения субъективности на каком-то этапе развития кибернетических устройств, если такая субъективность будет нужна не природе, а человеку. Конечно, последняя будет находиться под его контролем.

¹ Ю. И. Лашкевич. Информация и интроспективные проявления психики.—«Вопросы философии», 1967, № 5, стр. 76—77,

СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Становление социально-психологической науки выдвинуло перед историческим материализмом и перед общественными науками вообще фундаментальную проблему соотношения социальных и психологических факторов в общественном развитии и функционировании общества и индивида.

Психологические науки наиболее тесно связаны с философией сознания. Ведь предмет изучения и у психологии и у теории сознания один и тот же, а именно — сознание. Однако традиционная общая психология изучает проблему сознания лишь в самом общем смысле, т. е. как совокупность тех психических форм, процессов и состояний, которые свойственны каждому человеку, человеку вообще. Иногда поэтому предметом общей психологии считают индивидуальное сознание. Это не совсем точно. Выше было показано различие между индивидуальным сознанием и «сознанием вообще». Предметом общей психологии, по нашему мнению, является именно «сознание вообще» или просто сознание человека (плюс подсознательные и бессознательные процессы в психике).

Общая психология изучает формы, процессы, состояния и свойства сознания (ощущения, восприятия, представления, мышление, память, воображение, воля и пр.), которые *общие всем* людям, а потому имеются и у каждого отдельного индивида. (Правда, общая психология изучает также и особенности сознания определенных групп, но и в этих случаях она не выходит за рамки указанных общих психологических категорий.) Поэтому общая психология дает материал преимущественно для общепсихологического плана сознания. Однако давно уже было замечено, что в процессе совместной жизни, деятельности и общения у людей развивается целый ряд психических процессов, состояний и свойств, *не укладывающихся в рамки общей психологии и выражаемых специфическими социально-психологическими категориями*. К ним относятся особенности, присущие определенным конкретно-историческим коллективам — классам, наци-

ям, народам и социальным группам (нравы, традиции, обычаи, социальные страсти); психологические особенности *неопределенных общностей* — *массы* (общественные настроения, веяния, вкусы, моды, психическое заражение, воодушевление или упадок, пессимизм или оптимизм, авторитет и пр.); выражение всех этих особенностей коллективной, групповой и массовой психологии в сознании личности, а также по преимуществу *личностные особенности* (симпатии и антипатии, влияние примера, подражание, конформизм, неконформизм и пр.). Совокупность этих и подобных явлений коллективно-личного сознания названа была общественной психологией в отличие от социальной психологии как науки об этих явлениях. Общественная психология, пишет Б. Д. Парыгин, — это «определенная направленность психических свойств, процессов и состояний, характеризующих как отдельную личность, так и различные социальные группы и возникающих в известной мере стихийно, под влиянием всей системы социальных отношений»¹.

Нельзя согласиться с теми советскими исследователями по социальной психологии, которые неправомерно сужают предмет своей науки, сводя его либо к изучению индивидуального сознания, либо к исследованию только коллективного сознания. Ведь нет явлений коллективного сознания, которое не отражалось бы в сознании индивида, и наоборот. Различие здесь лишь в том, что одни явления общественной психологии связаны больше с социальным опытом коллектива или группы, а другие с опытом личности. Поэтому нам представляется правильным мнение Б. Д. Парыгина, который считает, что социальная психология изучает и коллективную, и личностную общественную психологию. «В целом предметом социальной психологии, по нашему мнению, — пишет он, — являются как особенности групповой, коллективной и массовой психологии, проявляющиеся в совокупной деятельности людей, их совместном поведении, переживаниях и способах психологического общения друг с другом, так и особенности поведения и психического состояния индивида в группе, коллективе и массе»².

¹ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 3.

² Там же, стр. 64.

Социальная психология помогает изучению сознания в плане исторического материализма. Философские и социологические исследования сознания должны помогать психологии в методологическом отношении.

Проблемы общественной психологии неоднократно затрагивались в трудах классиков марксизма-ленинизма и в работах зарубежных и русских марксистов дореволюционного времени. Мнение о том, что марксизм якобы отрицает социальную психологию, основано либо на предвзятом отношении к марксизму, либо на незнании марксистской литературы.

Правда, после дискуссий по проблемам общественной психологии в 20—30-х годах в советской философско-социологической литературе исследование проблем общественной психологии было прекращено. Это «обосновывалось», во-первых, тем, что классики марксизма-ленинизма наряду с критикой механистического, физического и физиологического подхода к общественной жизни критиковали также и психологизацию последней, показав, что общество имеет собственные законы и закономерности функционирования и развития, которые нельзя сводить к закономерностям иных форм движения материи. Критика всех этих теорий была и остается правильной, ибо все эти теории, отрицая общество как особую форму движения материи, пытались *вместо* изучения собственных объективных законов общественной жизни понять ее на базе законов иных форм движения. Однако это не оправдывает прекращения исследования проблем социальной психологии и исключения психологического фактора из социологии.

Подмена социальных законов законами развития психики особенно характерна для современной буржуазной социологии, критика такой психологизации остается актуальной задачей марксистской социологии. Марксистская критика подобной психологизации не затрагивает социальной психологии, развиваемой на базе материалистического понимания общества, ибо в этой науке общественная психология отнюдь не подменяет социологических законов, а понимается как их внутренняя сторона, как отражение законов деятельности людей в их сознании, в мотивах и импульсах их поведения.

Исключение социально-психологических факторов из исследований общественной жизни основывалось, во-вто-

рых, на понимании общественной психологии как фактора чисто субъективного, якобы противоречащего марксистскому принципу объяснения общественных явлений объективными законами последних. Но в действительности законы общественной психологии, как и все процессы сознания, вполне детерминированы действием объективных законов общественной жизни. Общественное бытие определяет общественную психологию в той же степени, как и общественное сознание. В такой же степени обусловлены действием объективных законов общественного развития и те подсознательные явления, которые имеются в общественной психологии. Сказанное не исключает, разумеется, физиологической детерминации психики как в сознательной, так и в подсознательной сферах (что было разъяснено выше).

Таким образом, возражения против социальной психологии являются плодом неумения применить учение марксизма к новым проблемам, поставленным жизнью и развитием социологии и психологической науки.

Что же это за проблемы? Мы уже указывали на них при определении предмета социальной психологии. Исследование их имеет важное практическое значение для общественной жизни, техники, медицины.

Социальная психология, будучи самостоятельной наукой, в то же время базируется на законах и категориях общей психологии, прибавляя к ним и свои специфические законы и категории. Все это находится в полном согласии с историческим материализмом, который придает важную роль субъективному фактору общественного развития. Тем самым исторический материализм конкретизируется и развивается и на базе обобщений социальной психологии.

Марксистская социология — исторический материализм — имеет своим предметом изучение структурных форм общественной жизни, взятой в целом и в процессе исторического развития, различные формы взаимодействия многообразных людских общностей, действующих в рамках этих структурных форм, как возникших в истории стихийно, независимо от общественного сознания, так и в результате сознательной деятельности.

Марксистская социология изучает действие больших людских масс и коллективов и управляющие этими действиями и проявляющиеся в них объективные законы

развития и функционирования общественно-исторической жизни. Употребляя естественнонаучные термины, можно было бы сказать, что марксистская социология изучает морфологию, физиологию и номологию (систему законов) общественной жизни. Но в отличие от естествознания социология имеет дело с существами, одаренными сознанием. Поэтому и формы и функционирование органов и учреждений общественной жизни должны быть изучены не только в их объективных результатах и выражениях, но и с точки зрения побудительных мотивов их создания, а законы общественной жизни — их использования. Основоположники марксизма в своих трудах уделили значительное место разъяснению роли в общественной жизни потребностей, интересов, целей, страстей и других побуждающих людей к действию психологических мотивов и стимулов.

Однако в силу условий идеологической борьбы своего времени, когда господствовали теории «сведения» социального к психологическому, когда надо было низвергнуть субъективистскую социологию, отстоять применение материализма в социологии, понимание общественной жизни как особой формы движения материи, классики марксизма-ленинизма акцент сделали на объективные стороны общественного процесса. Но даже в этих условиях они подчеркивали роль психологии и сознания людей в исторических событиях. Невозможно понять общественные явления в доступной нашему времени полноте, исключив психологические факторы.

В обществе все делается живыми, мыслящими и чувствующими людьми. Поэтому общественная психология имеет универсальное значение. Каждое событие в жизни общества, каждое общественное движение, каждый шаг в жизни и деятельности человека связаны с переживаниями, настроениями, чувствами и отношениями.

Кто не понимает, какое значение имеет отношение человека к труду, его интерес к труду, отношение к коллективу, в котором он работает? Кто не знает, какие страсти: воодушевление и ярость в бою, ненависть к врагу и любовь к родине и товарищам, стойкость и мужество — кипят и наполняют душу в партийно-политической и вооруженной борьбе? Можно ли представить себе борьбу за мораль против безнравственности, подлости, бездушия без чувств возмущения и отвращения?

Невозможно понять такое явление общественного сознания, как искусство, если подходить к нему без учета эстетических переживаний, возбуждаемых им в людях. Именно эти переживания, сотрясающие и обновляющие всю душу человека, и являются сутью искусства. Нельзя также понять до конца, почему столь первобытно-наивное и антинаучное явление, как религия, находит еще отзвук в душах современных людей, если не учесть тех специфических чувств и настроений, которые она культивирует.

Все это, однако, не «отменяет» и не ослабляет объективно-научного подхода к явлениям и закономерностям общественной жизни, как не отменяет химический анализ воды в реторте то, что вода утоляет жажду, что о глотке воды мечтает человек в пустыне.

Сознание людей детерминировано не только законами общественной жизни, известное воздействие на него оказывают и внутренние законы психологии. Оно опосредует все формы общественной жизни и деятельности людей. Материальные отношения, будучи независимыми от общественного сознания (т. е. возникая стихийно, до того как они осознаются общественным сознанием), осуществляются также сознательно, с участием разума. Поэтому психологический фактор в обществе является всеобщим, универсальным: он проявляется во всех сферах общественной жизни от производства до эстетики и религии. По этой же причине рассмотрение социальной психологии в историческом материализме лишь в плоскости соотношения общественной психологии и идеологии недостаточно.

Итак, развитие социальной психологии поставило фундаментальную проблему единства и соотношения социального и психологического в явлениях и формах сознания и в общественной жизни вообще. Она требует включения социально-психологических исследований в разработку всех традиционных проблем исторического материализма, а также в разработку новых проблем сознания в обществе: в учение о личности, коллективе и в теорию ценностей. Осознание указанного единства будет иметь своим следствием включение общественно-психологического аспекта во все исследования по гуманитарным наукам.

Краткий обзор традиционных вопросов сознания, как они выступают в настоящее время, а также идей, которыми новые науки и теории воздействуют на развитие марксистско-ленинского учения о сознании, дает возможность судить об общих направлениях развития этого учения.

Развитие науки оказывает огромное влияние на углубление материалистических философских воззрений, в частности тех, которые связаны со взглядами на жизнь и психику. Развитие науки отбросило традиционное метафизическое противопоставление детерминизма и естественной «телеологии» (целесообразности). В результате принцип причинной обусловленности постепенно освободился от упрощенно механистического истолкования, а целесообразность получила научное объяснение.

Сознание человека включается в более широкую сферу исследования процессов, общих для всей природы, столь же универсальных, как отражение (гомоморфизм, информация), но имеющих свою особую специфику. Происходит процесс взаимодействия и взаимопроникновения наук в той

последней области действительности, которая рассматривалась как уникальная и неподдающаяся общенаучным и естественнонаучным методам исследования. Единство науки и объектов ее анализа стало всеохватывающим, включающим все области действительности, в том числе и внутренний мир человека.

В этом процессе синтеза наук и научных методов для нас особенно важно сближение нейрофизиологии, психологии и теории познания. Психология все более обогащается данными физиологии высшей нервной деятельности; философская теория познания получает обоснование со стороны нейрофизиологии, психологии и таких новых наук, как кибернетика, семиотика и др. Учение о сознании становится все более развитой теорией, которая основывается на общих принципах философского материализма, но не ограничивается ими.

В свою очередь теория сознания становится все более самостоятельной по отношению к теории познания. Последняя выступает уже как теория определенной (познавательной) функции сознания. Развитие социальной психологии свидетельствует, что сознание нельзя сводить к познанию и к мышлению. Она обогащает теорию сознания, включая в нее целый ряд новых категорий психологической науки. Социальная психология связывает общую психологию и социологию, но не отождествляет этих наук. Общая психология, трактуемая о сознании вообще, сблизилась с общефилософским учением о сознании, а социальная психология — с историческим материализмом, с его учением о формах, структуре и уровнях сознания.

Говоря в еще более общем плане, разрушается разобщение между естественными науками, поскольку они связаны с проблемой психики животных и человека, и гуманитарными науками о сознании, т. е. психологией, философией и социологией. Этот перспективный процесс, раскрывая конкретные механизмы, общие для различных систем, направлен в конечном счете на решение задачи научного регулирования психических процессов и управления ими.

Без знания этих механизмов теория сознания может иметь преимущественно мировоззренческое и методологическое, но не непосредственно практическое значение. Внедрение идей в сознание человека, превращение

их в собственные убеждения есть основная задача воспитания и главный путь регулирования поведения людей. Эта задача требует соответственных знаний в области современных наук, связанных с проблемой сознания.

Недооценка представителями гуманитарных наук достижений естествознания в области сознания может затруднить решение указанной задачи. Проблема сознания и ее практическое назначение — правильная и эффективная постановка дела информации, обучения и воспитания — есть задача комплексная, задача всех наук, так или иначе связанных с проблемами сознания.

Из тех специальных наук, данные которых мы использовали в настоящей работе, к области естествознания относится, собственно, только физиология высшей нервной деятельности. Такие же науки и теории, как кибернетика, семиотика, теория моделирования, представляют те новые отрасли знания, которые нельзя строго отнести ни к естествознанию, ни к обществоведению, ибо они изучают объекты и той и другой области. Как известно, ранее к таким наукам относилась лишь математика, теперь же эту область представляет, как видим, целая группа наук. Предмет их исследования охватывает в той или иной мере и объекты природы (живые организмы), и произведения человека (машины), и психику человека, и явления общественной жизни. Все эти науки подходят к своим объектам с особых, общих для всех этих объектов точек зрения, по-новому освещающих и проблемы сознания.

Названные науки в основном, как было сказано, связаны с проблемой «сознания вообще», если исключить социальную психологию, которая оказывает значительное воздействие на социологию сознания.

Отдавая должную дань вкладу, вносимому указанными науками в марксистскую теорию сознания, следует иметь в виду, что дальнейшее развитие этой теории зависит не только от них, но и от разработки проблемы сознания гуманитарными науками и самой марксистско-ленинской философией и социологией. Здесь наибольшее значение для социологии сознания имеет, по нашему мнению, историческая наука. Мы имеем в виду как гражданскую историю, так и историю культуры, искусства, социальных учений, языка, техники и т. д.

Фундаментальное исследование проблемы социологии сознания должно опираться на данные перечисленных исторических дисциплин. Ведь процессы и явления, изучаемые этими науками, суть объективные социальные продукты деятельности сознания людей. Теоретически важно было бы проследить возникновение, развитие и изменения в истории человечества различных форм и уровней сознания конкретно-исторических обществ, классов, наций и пр., а также сопутствующие этим процессам формы изменения общественной психологии. Однако такое историко-социологическое обобщение огромного материала реальной истории *сознания* (а не только истории мысли) не только не выполнено, но и не начато.

Но важна и история мысли, в особенности философской. Поэтому большое значение для развития теории сознания имеет история философии, в которой можно проследить сложный и противоречивый, но в целом прогрессирующий процесс философского осмысления проблемы сознания.

Плодотворная работа по специальному изучению и изложению всего, что было сказано по проблеме сознания классиками марксизма-ленинизма и выдающимися марксистами прошлого, далеко еще не завершена. В настоящей работе использована лишь небольшая часть их высказываний по этой проблеме. Кое-что интересное и рациональное можно было бы почерпнуть и в произведениях современных немарксистских теоретиков по этой проблеме.

На базе всех указанных исследований мог бы быть создан труд, осуществляющий на марксистской основе замысел гегелевской «Феноменологии духа», т. е. философско-социологической картины явлений и развития человеческого духа в историческом процессе.

В предлагаемой работе вопросы социологии сознания получили более слабое освещение, чем проблемы сознания вообще, сознания в плане диалектического материализма. Причина этого отчасти в том, что социология сознания пока не может опираться на такой же богатый научный материал специальных общественных наук, как проблема сознания вообще.

Вопросы социологии сознания в наибольшей степени нуждаются, по нашему мнению, в разработке проб-

лем структуры и типологии общественного сознания. Ввиду указанного недостатка исследований в специальных гуманитарных науках разработка структуры общественного сознания, его форм и уровней ведется пока преимущественно в логическом плане, т. е. в плане анализа особенностей тех или иных форм, состояний и уровней общественного сознания сравнительно с другими, без достаточного привлечения исторических, семантических, лингвистических, литературоведческих и иных данных гуманитарных наук.

Не отрицая известного научного значения таких исследований, следует все же признать, что они неизбежно выглядят несколько обескровленными и формальными, как и все исследования, построенные на «чистой» логике. Содержательность в философском и социологическом исследовании зависит в значительной мере от теоретического обобщения специально научного материала. Эти же соображения касаются и разработки типологии общественного сознания, т. е. исследований особенностей сознания различных исторических и современных общностей людей, в особенности общностей социалистического общества.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
Природные основы психики	9
1. Активность и «жизненность» природы	—
2. Понятие отражения	16
3. Краткий очерк предыстории сознания	22
4. Философские выводы из эволюции психики	28
5. О трех аспектах исследования сознания	34
Глава II	
Сознание как реальность (онтология сознания)	38
1. Понятие сознания и его детерминация	—
2. Отличительные черты психики и сознания человека	46
3. Функции сознания	60
4. Философский аспект психофизиологической проблемы	67
5. Активность сознания	81
Глава III	
Материя и сознание (гносеология сознания)	90
1. Вторичность сознания	—
2. Сознание как бытие	95
3. Единство объективного и субъективного в сознании	100
4. Гносеологическая противоположность материи и сознания	104
5. Самосознание	108

Глава IV

Общественное сознание (социология сознания)	115
1. О структуре общественного сознания	—
2. Сознание и общественное сознание	118
3. Индивидуальное и коллективное сознание	127
4. Обыденное и научное сознание	133
5. Знание и идеология	137
6. Сознание, самосознание и личность	144

Глава V

Новые науки и вопросы сознания	157
1. Знак, сигнал, значение	—
2. Информация и отражение. Функциональный подход	165
3. Моделирование психических функций	173
4. Соотношение социального и психологического в общественном сознании	187
Заключение	193

Тугаринов В. П.

Т81 **Философия сознания (современные вопросы).**
М., «Мысль», 1971.

199 с.

В работе на основе обобщений современной нейрофизиологии, общей и социальной психологии, кибернетики, бионики, семиотики рассмотрен комплекс философских проблем учения о сознании, которое автор исследует в онтологическом, гносеологическом и социальном аспектах. В книге обсуждаются дискуссионные вопросы о значении кибернетического понятия информации, проблемы знаков и сигналов, машинного мышления для понимания процессов отражения.

1-5-2

71-71

1 М

**Тугаринов
Василий Петрович
ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ**

Редактор **И. Л. Щербина**
Младший редактор **Н. Г. Петрушенко**
Оформление художника **Г. Е. Валетова**
Художественный редактор **А. А. Брантман**
Технический редактор **Т. Г. Усачева**

Корректор **И. В. Равич**

Сдано в набор 6 октября 1970 г. Подписано в печать 19 января 1971 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Условных печатных листов 10,50. Учетно-
издательских листов 10,60. Тираж 20 000 экз. А-03511. Заказ № 2014.
Цена 64 коп.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография № 32 Главполиграфпрома. Москва, Цветной бульвар, 26.